

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

1
2019

No 1

IJSHR

2019

1/2019

**SOCIAL-HUMANITARIAN
REVIEW**

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

Editorial Board

Редакционная коллегия

E.P. Vazhanov,

doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

E.П. Бажанов,

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

I.S. Varchukov,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

V.K. Baturin,

doctor of philosophical sciences, candidate
of pedagogical sciences
(Russian Federation)

В.К. Батурич,

доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская Федерация)

V.Y. Belsky,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ю. Бельский

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Y.B. Borev,

doctor of philology,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Ю.Б. Борев,

доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор
(Российская Федерация)

V.N. Buzin,

candidate of sociology
(Russian Federation)

В.Н. Бузин,

кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

G.A. Vasilevich,

doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences
(Russian Federation)

Р.Б. Гандалоев,

кандидат политических наук
(Российская Федерация)

I.V. Groshev,

doctor of economic sciences, doctor of psychological sciences,
Honored worker of science of Russia, professor

И.В. Грушев,

доктор экономических наук,
доктор психологических наук
заслуженный деятель науки РФ, профессор

D.I. Gryadovoy,

candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

Д.И. Грядовой,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

D. S. Patelis,

Associate Professor of Philosophy
Technical University of Crete

Д. С. Пателис,

Доцент философии
Технический университет Крита

D.D. Dolidze,

doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Д.Д. Долидзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.Л. Золкин,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.A. Kazantseva,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

Л.А. Казанцева,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

R. Kvarackheliya, doctor of law

(Georgia)

Р. Кварацхелия,

доктор юридических наук
(Грузия)

A. Kiknadze, doctor of politology

(Georgia)

А. Кикнадзе, доктор политологии

(Грузия)

A.A. Laskin,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

А.А. Ласкин,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.A. Lebedev,

doctor of philology
(Russian Federation)

А.А. Лебедева,

доктор филологических наук
(Российская Федерация)

V.A. Lepekhin,

doctor of philosophical science,
the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

В.А. Лепехин,

кандидат философских наук
генеральный директор Института ЕврАзЭС
(Российская Федерация)

A.M. Martazanov,
Doctor of Philological Sciences,
Professor, Rector of Ingush State University

А.М. Мартазанов,
доктор филологических наук, профессор,
ректор Ингушского государственного университета

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science, professor
(Russian Federation)

Л.А. Никитич,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical sciences, professor (Israel)

Л.М. Прейгерман
доктор физико-математических наук, профессор (Израиль)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences, professor,
honored worker of Science, corresponding
member of RAO
(Russian Federation)

А.А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.П. Садохин,
доктор культурологии, кандидат
философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.G. Sukulmovskaya,
Doctor of Sociological Sciences (2005),
Professor, Honored Worker of Culture
of the Khanty Mansiysk Autonomous Okrug,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

Л.Г. Скульмовская,
доктор социологических наук (2005),
профессор, Заслуженный деятель культуры
Ханты Мансийского автономного округа,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ.

B.A. Spasennikov,
doctor of law,
doctor of medical sciences, professor
(Russian Federation)

Б.А. Спасенников,
доктор юридических наук, доктор
медицинских наук, профессор
(Российская Федерация)

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology,
professor, honored worker of Russian higher school
(Russian Federation)

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук, доктор
психологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

D. Skhirtladze,
doctor of medicine
(USA)

Д. Схиртладзе,
доктор медицины
(США)

L.N. Terpan,
doctor of economic sciences, professor
(Israel)

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences, professor,
corresponding member of the Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Т.Я. Фхакадзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

G.S. Chovdyrova,
doctor of medical sciences, doctor
of psychology, professor (Russian Federation)

Г.С. Човдырова,
доктор медицинских наук, доктор
психологических наук, профессор
(Российская Федерация)

L. Sharvadze,
doctor of medicine
(Georgia)

Л. Шарвадзе, доктор медицины
(Грузия)

A.A. Shirinyants,
doctor of political sciences, candidate of philosophical sciences,
professor of faculty of political science of MGU (Russian
Federation)

А.А. Ширинянц,
доктор политических наук, кандидат философских наук,
профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences, candidate
of philology, professor
(Russian Federation)

Н.Ю. Штрекер,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор
(Российская Федерация)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences, candidate of law,
doctor of economic sciences, professor
(Russian Federation)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Российская Федерация)

CONTENTS 1/2019

Chief editor

V.Y. Belsky,

doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences,
professor

Responsible for issue

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

CEO of publishing house

«UNITY-DANA»

V.N. Zakaidze

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate

433103973

in USA:

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

D. Skhirtladze, MD, MPH

+12157605939

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,

professor

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers don't bear responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works by authors of articles. Responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works are born only by authors of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

Материалы Всероссийского межведомственного научно-методологического семинара в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

«Формирование основ противодействия политическому и религиозному экстремизму в молодежной среде в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин»

- V.Y. Belsky.** The Russian Tradition of Pedagogical Anthropology and Modern Problems of Education 7
- D.A. Zhyravlev.** Youth Policy is the Most Important Task of the State in Modern Russia 11
- E.A. Kogay.** Youth Extremism and the Virtual World 13
- D.V. Shikunov.** Problems of Counteraction of Extremism in Modern Russia in Program Documents and Candidate Speeches to Presidents of the Russian Federation 15
- S.A. Bazhenova.** Trends in the Development of Youth Entrepreneurship in Russia 17
- N.N. Gusev.** Socio-Pedagogical Factors of Formation of Personal Installation on a Rejection of Extremism in the Process of Studying Social Sciences 19
- A.V. Opalev.** Some Tendencies of Development of Extremism in the Youth Environment in Modern Conditions 21
- I.V. Polozova.** Religious Extremism in Modern Russia 23
- M.V. Kutepova.** Religious Extremism in Russia: Signs, Features 25
- N.N. Bashlueva, D.A. Temnyakov.** Pedagogical Methods of Formation of Counteraction to Political and Religious Extremism in Educational Organizations of Law Enforcement Agencies 28
- A.I. Sacuta.** Information Security of Formation in Teaching Spiritual and Moral Resistance to the Ideology and Extremism Practice in the Process of Teaching Political Science 31
- V.Y. Belsky.** Youth Extremism as a Social Problem 33
- A.L. Zolkin.** The Formation of the Worldviews of Cadets on Combating Political and Religious Extremism 35
- D.N. Borovinskaya.** The Role of Cultural (Creative) Industries in the Development of Modern Civilization 37
- Y.A. Koshkarova.** To the Question of Countering Extremist Ideology of Non-raditional Religious Cults 39
- S.P. Bondarev, I.O. Bondareva.** Characteristics of the Individual Juvenile Offender (on the Example of Krasnodar Region) 41
- I.B. Ryazantseva.** Education of Patriotism and Citizenship of Cadets of Higher Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs as a Means of Countering Extremism 43
- V.A. Lepekhin.** The Educational Process in the Military Higher Education: Correction of Training and Methodological Paradigm 46

V.V. Kolotusha. Formation of Civilizational Identity of Russian Youth in the Educational Process	49
A.N. Borozdin. Problem of Forming Adequate Perception of Extremism Ideology in Teaching Political Science	51
D.G. Loshakov. Problems of Formation of Relationship to Manifestations Extremism and Terrorism in the Teaching Process Social and Humanitarian Disciplines	53
N.M. Novikova. Education as a Factor of Personal and Professional Development of Modern Youth	55
A.D. Korolev. The Role of Social and Humanitarian Disciplines in the Prevention of Extremism	57
F.R. Bigvava, N.D. Eriashvili, M. Slukhanishvili. Developed Medieval Style in Georgian Architecture	59
R.B. Gandaloev, T.M. Gappy. The Notion of Advocacy and its Correlation With Entrepreneurial Activity	65
A.N. Piatakov. Phenomenon of the Transnational State: Illusion or the Formed Reality	69
V.A. Lepekhin. «Civilizational Cycle» and the Methodology of Forecasting Events	76
V.V. Kaftan. Terrorism as a Means of Modern Warfare	85
A.N. Borozdin. Pan-Slavism and Situational Conservative Isolationism in Russian Political Thought of the 19-th Century	92
A.A. Ryazantsev. Aggression as a Problem of the Philosophy of Sport	98
A.A. Baranov, E.A. Solomatina. Prevention of the Abuse of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances by Minors of the Female Sex	102
N.V. Nikolaeva, A.P. Havrak. The Influence of Dynastic Family Traditions on the Formation of the Identity of the Police Officer	106
A.L. Zolkin. National Culture as the Basis of Law in the Doctrine of Russian Conservatism	110
A.I. Satsuta. National Security of Modern Russia: Official Ideas, Regulations, Assessments	114
D.G. Lotchakov. A Multi-Polar World and Globalization	119
I.V. Lyagushkin. Effects of Strategic Communication Implementation	124
A.N. Piatakov. Phenomenon of the Transnational State: Illusion or the Formed Reality	128
L.Y. Smirnova. Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства	135
L.V. Molodkina. The Social Paradigm of Architectural Creativity: Phenomenological Analysis	138

СОДЕРЖАНИЕ 1/2019

Главный редактор

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,
доктор философских наук, профессор

Ответственный за выпуск

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат
юридических наук, доктор
экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

Генеральный директор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»

В.Н. Закаидзе

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1 Тел./факс:
+7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент

М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru
Свидетельство о регистрации
433103973

в США: штат Пенсильвания,

г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

Д. Схиртладзе,

доктор медицины
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Иокнеам, ул. Целим, д. 8

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор
E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО

Тел: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии

ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
105066, Москва, ул. Новорязанская,
д. 38, стр. 1, пом. IV
Заказ

Редакция и внешние рецензенты не
несут ответственности за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений авторами
статей. Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно авторы
опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

Материалы Всероссийского межведомственного научно-методологического семинара в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

«Формирование основ противодействия политическому и религиозному экстремизму в молодежной среде в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин»

V.Y. Belsky. The Russian Tradition of Pedagogical Anthropology and Modern Problems of Education 7

Д.А. Журавлёв. Молодежная политика — важнейшая задача государства в современной России 11

Е.А. Когай. Молодежный экстремизм и виртуальный мир 13

Д.В. Шикунов. Проблемы противодействия экстремизму в современной России в программных документах и выступлениях кандидатов в Президенты Российской Федерации 15

С.А. Баженова. Тенденции развития молодежного предпринимательства в России 17

Н.Н. Гусев. Социально-педагогические факторы формирования личностной установки на неприятие экстремизма в ходе занятий по общественным дисциплинам 19

А.В. Опалев. Некоторые тенденции развития экстремизма в молодежной среде в современных условиях 21

И.В. Полозова. Религиозный экстремизм в современной России 23

М.В. Кутепова. Религиозный экстремизм в России: признаки, особенности 25

Н.Н. Башлуева, Д.А. Темняков. Педагогические методы формирования противодействия политическому и религиозному экстремизму в образовательных организациях силовых ведомств 28

А.И. Сацута. Информационное обеспечение формирования у обучающихся духовно-нравственной устойчивости к идеологии и практике экстремизма в процессе преподавания политологии 31

В.Ю. Бельский. Молодежный экстремизм как социальная проблема 33

А.Л. Золкин. Формирование мировоззренческих установок курсантов по противодействию политическому и религиозному экстремизму 35

Д.Н. Боровинская. Роль культурных (креативных) индустрий в развитии современной цивилизации 37

Ю.А. Кошкарова. К вопросу о противодействии экстремистской идеологии нетрадиционных религиозных культов 39

С.П. Бондарев, И.О. Бондарева. Характеристика личности несовершеннолетнего преступника (на примере Краснодарского края) 41

И.Б. Рязанцева. Воспитание патриотизма и гражданственности курсантов высших учебных заведений системы МВД как средство противодействия экстремизму 43

В.А. Лепехин. Образовательный процесс в силовых вузах: корректировка учебно-методической парадигмы	46
В.В. Колотуша. Формирование цивилизационной идентичности российской молодежи в образовательном процессе	49
А.Н. Бороздин. Проблема формирования адекватного восприятия идеологии экстремизма в преподавании политологии	51
Д.Г. Лощаков. Проблемы формирования отношения к проявлениям экстремизма и терроризма в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин	53
Н.М. Новикова. Образование как фактор личностно-профессионального развития современной молодежи	55
А.Д. Королёв. Роль социально-гуманитарных дисциплин в профилактике экстремизма	57
Ф.Р. Бигвава, Н.Д. Эриашвили, М. Сулханишвили. Развивающийся стиль в средневековой архитектуре Грузии	59
Р.Б. Гандалоев, Т.М. Гаппи. Понятие адвокатской деятельности и соотношение ее с предпринимательской деятельностью	65
А.Н. Пятаков. Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность	69
В.А. Лепехин. «Цивилизационные циклы» и методология прогнозирования событий	76
В.В. Кафтан. Терроризм как средство ведения современной войны	85
А.Н. Бороздин. Панславизм и ситуационный консервативный изоляционизм в русской политической мысли XIX века	92
А.А. Рязанцев. Агрессия как проблема философии спорта	98
А.А. Баранов, Е.А. Соломатина. Предупреждение злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами несовершеннолетними лицами женского пола	102
Н.В. Николаева, А.П. Хаврак. Влияние династических семейных традиций на становление личности сотрудника ОВД	106
А.Л. Золкин. Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма	110
А.И. Сацута. Национальная безопасность современной России: официальные идеи, положения, оценки	114
Д.Г. Лощаков. Многополярный мир и глобализация	119
И.В. Лягушкин. Эффекты применения стратегических коммуникаций	124
А.Н. Пятаков. Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность	128
Л.Я. Смирнова. Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства	135
Л.В. Молодкина. Социальная парадигма архитектурного творчества: феноменологический анализ	138

The Russian Tradition of Pedagogical Anthropology and Modern Problems of Education

Vitaliy Yurievich Belsky,

doctor of Philosophy, Professor, head of the Department of political and sociology science
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot

E-mail: v. belskiy@bk.ru

Для цитирования. V.Y. Belsky. The Russian Tradition of Pedagogical Anthropology and Modern Problems of Education. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 7—10.

Annotation. The article deals with the main problems of the formation of domestic pedagogical anthropology on the basis of the analysis of the ideas of K.D. Ushinsky and S.I. Hessen. The article proves the relevance of the main principle of their pedagogical views — the definition of the essence of education should be based on the recognition of the idea that the subject of education is a person as such. This principle is considered in the perspective of reforming the modern domestic education.

Key words: education, culture, pedagogical anthropology, civilization, labor education, moral education, personality

The founder of Russian pedagogical anthropology was K.D. Ushinsky (1824—1870) — an outstanding Russian educator and practitioner. He focused his attention on the Russian national school, believing that it responded to the spirit of the nation, its values, its needs, and the national cultures of the nations of Russia. The goal of education for him is the formation of an active and creative personality, the preparation of a person for physical and mental labor as the highest form of human activity.

K.D. Ushinsky sought to solve one of the most important problems of pedagogy — the definition of the «basic idea of education», based on the principle that the subject of education is the person as it is. In his fundamental work «Man as a subject of education. The experience of pedagogical anthropology» he summed up all previous searches.

He failed to fully implement the idea of the work started; only two parts were completed — «The physiological part» and «The psychological part», in which K.D. Ushinsky explored the physiological laws of the human body and mental phenomena they are due to in order to find the reserves of education and to expand its sphere of

influence. The third tome devoted to the actual pedagogical problems was not completed. However, numerous articles of the Russian thinker make it possible to reconstruct his main ideas, which should have been considered in this tome anyway.

Art of education, as K.D. Ushinsky claimed, relies on data from the anthropological sciences as a comprehensive knowledge of a person who lives in the family, in society, among people, among humanity and alone with his conscience. All this is absolutely necessary for the teacher to know. Therefore a new system of pedagogical education was needed to prepare such teachers. K.D. Ushinsky proposed to establish a pedagogical faculty in every university where people in all manifestations of its nature would be studied and this knowledge would be applied to the art of education.

Anthropological knowledge in the broad sense makes it possible, according to the K.D. Ushinsky, taking into account the peculiarities of the formation and development of the psyche and the physiological characteristics of development, determine the content of training and the form of its organization. It would be a mis-

take to assume that K.D. Ushinsky lead pedagogical anthropology to physiology and psychology. He identified three basic principles of education, which cannot be led by psychology and physiology: nationality, Christian spirituality, and science. The associated goals of education with the Christian-Orthodox ideal of perfection historically established in Russia, the thinker believed that the best features of the Russian people were born from Orthodoxy. In the article «On the Moral Element in Russian Education» (1860), he expressed the idea of an organic connection between pedagogical and religious science, believing that modern Russian pedagogical thought has grown entirely on Christian soil.

Researchers often avoided this idea as a tribute to time and a concession to the concept of «official nationality» However, orthodoxy for K.D. Ushinsky is the basis of the Russian spiritual and moral tradition. His system of moral education of the child excluded authoritarianism, it was built on the strength of a positive example, on the child's rational activity. He demanded from the teacher to develop active love for the person, to create an atmosphere of camaraderie. He set the teacher tasks to teach students to learn, defended the principle of upbringing education, which is the unity of training and education.

Thus, in his pedagogical anthropology, K.D. Ushinsky relied on the value model of Orthodoxy, which he sought to harmonize with the realities of modern culture. Thus, labor is a source of human dignity, and at the same time, morality and happiness, since it is the most important factor in the proper mental development of a child and his upbringing. Essential on this issue is the work «Work in its mental and educational value» (1860). In this article, written on the eve of the abolition of serfdom, the scientist sharply opposes any form of exploitation, noting, however, the moral importance of creative work in the process of comprehensive development and moral perfection of the individual.

K.D. Ushinsky attached particular importance to creative work in the process of moral education, since such work is the highest form of human striving for socially useful activities. The scientist develops a thought reminiscent of

Hegel's consideration of the relationship between the slave and the master: «as soon as the need for labor... leaves some class, so it begins to quickly lose strength, morality and, finally, the very influence begins to quickly degenerate and gives place to another, where passes both energy and labor, and morality, and happiness».

Labor associates man and nature, existence and phenomenon, and therefore this relationship has a socio-philosophical system-forming value. This relationship is expressed in the fact that labor acts as a source of life, life-giving force. K.D. Ushinsky notes the connection of the power of labor creating life, with the creation of human dignity, morality and happiness.

K.D. Ushinsky, in fact, speaks of the activity nature of morality: «labor, proceeding from man to nature, acts back to man not only by satisfying his needs and expanding its circle, but by his own, inner, inherent force to him, regardless of those material values, which it delivers. The material results of labor constitute human wealth, but only the inner, spiritual, life-giving power of labor serves as a source of human dignity, and at the same time morality and happiness. This life-giving influence has only personal labor on the one who works.»

It is important to note the fact that K.D. Ushinsky consistently holds a socio-philosophical point of view on the existence of a person as an active being: a person is not inactive, passively perceiving the world, and does not remain solely within speculation. On the contrary, according to the scientist, a man realizes himself in wasting his own forces, directed at something real.

The lack of the moral value of labor also destroys those people, those social groups, those states who, using someone else's slave or hired labor, stop working themselves, turning into drones. Therefore, labor for K.D. Ushinsky is social essence of human morality. «Labor is unpleasant for us as a bridle, thrown over our heart,» he wrote, «striving for eternal, unruffled happiness, but without this bridle, the heart given to the unbridledness of its aspirations gets off the road and, if it is impetuous and sublime, quickly reaches a bottomless abyss of nothing insatiable

boredom and gloomy apathy; if it is small, it will dive day after day, quietly and imperceptibly into the mud of small, unworthy human troubles and animal instincts.»

The next idea, which has a systemic socio-philosophical and moral-psychological significance, is to regulate the degree of authority of education. The fact is that education can develop in a person both his own thoughts and his complete dependence on the thoughts of others. Personality development requires social freedom and, at the same time, should open up the possibility of a truly good development for each person. At the same time, upbringing has no right to create completely complete convictions, it only opens the way to the formation of convictions on the basis of a scientific approach. However, education, according to K.D. Ushinsky, deprived of the unity of conviction, who did not decide on any positive direction, without giving a person any social idea to which he could become attached, opens to him two ways: to become either an egoist or a utopian.

Some aspects of pedagogical anthropology K.D. Ushinsky were criticized by one of the brightest thinkers of the Russian emigration, S.I. Hessen, who was skeptical about the idea of the role of the nationality in education, considering it vague and unscientific, since the features of a national character, in his opinion, should not dictate goals to education.

From the S.I. Hesse's point of view for any nation and any person the purpose of education is only one — the development of universal values. Education, as he sought to show, is not so much the development of a person's individuality as his saturation with cultural values — the sciences, the arts, morality. A natural person with pedagogical means rises to the level of universal culture and goes beyond the limits of the best representatives of mankind, thereby enriching it with personal creativity.

S.I. Hessen argued that philosophy should be used as the basis for pedagogical knowledge, because without understanding the main problems of upbringing, it is impossible to come to the solution of specific issues of pedagogy. Here comes

his conclusion that, in essence, pedagogy is a philosophical rationale for educational activities. Therefore, one should not exaggerate the importance of physiology and psychology for pedagogy, which is observed in the pedagogical views of K.D. Ushinsky, since these sciences explore «natural man», his individuality, and pedagogy fits into the wider area of human culture.

We should note that the neo-Kantian S.I. Hessen, in his criticism of K.D. Ushinsky is not quite right. We repeat that K.D. Ushinsky did not complete the third tome of his pedagogical anthropology, but the ideas he expressed in the articles do not give any reason to limit his pedagogical anthropology to physiological and psychological teaching.

Therefore, the disputes S.I. Hesse and K.D. Ushinsky are not as dramatic as it is commonly believed. The purpose of training, in terms of S.I. Hesse, is not simply transferring the knowledge of the fundamentals of science and developing practical skills to the students, but equipping them with the method of science, in other words, the teacher's task is to prepare students to independently acquire knowledge and apply them creatively in life.

There is no contradiction between the views of K.D. Ushinsky and S.I. Hesse in this important aspect. S.I. Hesse also associated the tasks of the moral education with free creative activity, which he considered the quintessence of human activity. Man is not born free, freedom is not the quality of man given by nature, it is rooted in cultural reality. Therefore, S.I. Hesse explored the education as one of the most important components of human life along with civilization (the level of development of technology and economics) and citizenship (the presence of law and statehood, ensuring the implementation of legal norms).

According to Hesse, the labor school, which differs from the vocational school and the old school, corresponds to the realization of this basic goal of education in that all practical activity plunges into the «integrity of culture and nature» and contributes to the development of the student's personality. For S.I. Hesse's scientific

education, the purpose of which is science, knowledge, truth, as well as moral, educates the whole person, all his abilities, and not just mental ones. S.I. Hesse emphasizes the fundamental importance of the scientific method in education. The school should not strive to give students as much knowledge as possible, but is intended to equip them with the scientific method.

The labor school of S.I. Hesse, in which moral and scientific educations serve the achievement of a common goal — the development of creativity in a student, contributing to his self-realization through mastering the culture of humanity, is a single school, because it provides everyone with equal opportunities to achieve education. Understanding that education is a path to the liberation of the individual suggests that it does not end with school and university, it lasts a lifetime and finds expression in constant self-education.

Both K.D. Ushinsky, and S.I. Hesse considered that anthropology is the basis of pedagogy, they stressed its dependence on the philosophical solution of the problem of man and culture. In order for a person to have the opportunity to form personal qualities, to become a person who is conceived as the spiritual unity of human life, he must acquire the ability to evaluate what is happening from the point of view that goes beyond the private world view, the ability to ascend to the general and universal.

The contradiction between the K.D. Ushinsky's principle of nationality and the S.I. Hesse's prin-

ciple of universal values today should be rethought and resolved on the basis of a civilizational approach to Russian education. Personality today must be understood in the civilizational context of Russia's development. This topic is getting more and more deep understanding in the domestic literature. A person who has the ability to judge in matters of civilizational identity can be considered as a perspective and goal of educational policy.

List of references

1. *Belsky V.Y.* Slavophiles and K.D. Ushinsky on the Russian moral Orthodox tradition // *Orthodoxy and legal consciousness in Russia: History and modernity*. M., 2005. P. 97—100.
2. *Belsky V.Y.* On the key socio-philosophical, anthropological and pedagogical aspects Of K.D. Ushinsky's teaching // *Philosophical research and modernity*: Vol. 4. M., 2015. P. 41—58.
3. Ushinsky K.D. *Pedagogical works*: In 6 T. M., 1988. Vol. 2. C. 10.
4. *Zolkin A.L.* Civilizational paradigm of socialization and inculturation of youth: philosophical aspects // *Social and humanitarian Outlook*. 2017. № 1. Pp. 7—9.
5. *Lepekhin V.A.* «Anthropological revolution» in the context of civilizational development of Europe and Russia // *Social and humanitarian Outlook*. 2016. № 1. P. 116—123.

Youth Policy is the Most Important Task of the State in Modern Russia

Молодежная политика — важнейшая задача государства в современной России

Dmitri Anatolevich Zhyravlev,
PhD in Political science, General Director of Institute
of regional problems
E-mail: dmitrii.juravlev@gmail.com

Дмитрий Анатольевич Журавлёв,
генеральный директор «Института региональных
проблем», кандидат политических наук
E-mail: dmitrii.juravlev@gmail.com

Для цитирования. Д.А. Журавлёв. Молодежная политика — важнейшая задача государства в современной России. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 11—12.

Annotation. The material is devoted to the analysis of the efforts of the state, which it should carry out in the process of formation of youth qualities and positions necessary for modern society. The activity of state bodies on the formation of an environment in which young people could most effectively interact with society, while benefiting society and self-actualizing in it.

Аннотация. Материал посвящен анализу усилий государства, которые оно должно осуществлять в процессе формирования у молодежи качеств и позиций, необходимых современному обществу. Показана деятельность государственных органов по формированию среды, в которой молодежь могла бы наиболее эффективно взаимодействовать с обществом, одновременно принося пользу и обществу и, самореализуясь в нем.

Key words: state, youth policy, society, information war, ideology, image of the future

Ключевые слова: государство, молодежная политика, общество, информационная война, идеология, образ будущего

Молодежная политика — это деятельность государства по социализации молодежи — то есть *полноценному вхождению* ее в общество. Для этого осуществляются усилия по формированию у молодежи качеств и позиций, необходимых обществу, и деятельность по формированию среды, в которой молодежь могла бы наиболее эффективно взаимодействовать с обществом, одновременно принося пользу обществу и самореализуясь. Так что молодежную политику можно разбить на две сферы: воспитательную — формирование у молодежи необходимого для общества мировоззрения и сферу социальную — формированию таких институтов, которые дали бы молодежи возможность стать полезной частью общества. Эти сферы тесно связаны: без мировоззрения никакие институты не смогут сделать человека полезной частью общества, а без институтов выработанное мировоззрение будет постоянно опровергаться жизнью и очень быстро рухнет¹.

В советское время о молодежной политике много писали и говорили. Существовал мощный общественный институт, отвечающий за молодежную политику — ВЛКСМ. (Причем молодежная политика воспринималась именно как политика, а не как часть образовательного

процесса). Но уже в советское время молодежная политика была оттеснена на периферию. Считалось, что наша система агитации и пропаганды автоматически формирует у наших людей правильное мировоззрение, а справедливое социалистическое общество также автоматически формирует все необходимые условия для вхождения молодого человека в это общество.

Либеральная революция 90-х похоронила молодежную политику. Формирование мировоззрения отрицалось, как ограничение человеческой свободы. Строительство социальных лифтов считалось излишним — в условиях свободы каждый добьется того, чего достоин. В XXI веке молодежная политика начала возрождаться. Но недостатки позднесоветской молодежной политики не исчезли, а только усилились. Формирование мировоззрения стало функцией системы образования², у которой совершенно другие задачи, в условиях оптимизации этой системы нет возможности заниматься еще и воспитанием. Из всех видов социальных лифтов существует только политический лифт (молодежные подразделения партий), да и тот не сильно развит. Формирование среды свелось к строительству материальных объектов: стадионов, молодежных

клубов, и так далее. И это лучше, чем ничего. Но ждать от такой политики серьезного эффекта не стоит. Хотя бы потому что воспитание и социальные институты не связаны друг с другом³. В результате воспитанное мировоззрение и действительность, если и не противоречат друг другу — как в советское время, то явно и не совпадают друг с другом. Так что до полноценной молодежной политики еще очень далеко.

А, между тем, для России молодежная политика является важнейшей сферой. Молодежь — это те, кто станут взрослыми завтра. И от того, какими они станут, во многом зависит, каким будет это завтра. Поэтому можно утверждать, что молодежная политика — это один из немногих реальных способов прямого воздействия на будущее. И для нас, страны развивающейся, идущей из прошлого в будущее, эффективная молодежная политика — это необходимое условия успешного развития страны. И это понимаем не только мы. Очевидно, что информационная война против России продолжается. Основной общественной группой, на которую нацелена атака, стала молодежь. И это естественно. В информационной войне главное — это изменить мировоззрение противника, победить чужую идеологию — вытеснить ее и заменить своей. Мировоззрение взрослого человека изменить извне довольно трудно — оно базируется на житейском опыте. Мировоззрение молодого человека только формируется, его не нужно переделывать, его можно создать. Кроме того, **молодежь — это те, кто станут взрослыми завтра, а значит, сформировав у молодежи нужное мировоззрение, можно без единого выстрела взять будущее страны под контроль. Так что эффективная молодежная политика — это условие не только развития, но и выживания России.**

Но какой должна быть эта эффективная политика? Как всякая молодежная политика, она должна состоять из двух взаимосвязанных частей: мировоззрения и институтов.

Молодежь не просто будет жить в будущем, она уже сейчас в нем живет. Для молодого человека настоящее — это преддверие будущего. Все усилия он прикладывает именно к строительству своего будущего. Поэтому самое эффективное мировоззрение для него — это образ будущего. Образ будущего — это общая картина развития страны и общества (именно такую картину у нас обычно считают мировоззрением), но в эту картину включены возможные для молодого человека социальные

роли и совершенно конкретные пути получения этих ролей. Именно такое единство общего и конкретного делает образ будущего эффективным. Четкость путей достижения превращает мировоззренческую конструкцию в личный план действий молодого человека — делает эту конструкцию личной ценностью человека. Именно за образ будущего и борется молодой человек, и именно отсутствие такого образа порождает у него мировоззренческую пустоту и противопоставляет его обществу⁴. И институциональная часть должна создавать хотя бы минимальные зачатки возможности реализации такого образа⁵.

Конечно, предложить образ будущего, который будет органичен для современной жизни, и в который при этом молодежь смогла бы поверить, очень трудно. Но, как показывает история, другого пути у нас нет. Так что сегодня мы должны создать такой образ, и, что гораздо труднее, соответствующие ему институты.

Список литературы

1. *Бельский В.Ю.* Причины молодежного экстремизма в современных условиях // КрУ МВД России (Новороссийск) Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе». С. 5-10, 2016.
2. *Золкин А.Л.* Постглобализм и проблема цивилизационного суверенитета России. // М: МГУ. Монография: «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия» С. 182-206, 2018.
3. *Лепехин В.А.* Ценности Российской цивилизации в контексте изучения ее оснований // Социально-гуманитарное обозрение. № 4. С. 56-60, 2018.

¹ Если мы не создадим институт социального лифта, мы можем воспитать молодежь в идеалах служения обществу, но не дадим ей возможности реализовать эти идеалы. И так мы эти идеалы только дискредитируем.

² Недаром молодежная политика, в конце концов, оказалась в системе министерства образования.

³ Мы вырабатываем мировоззрение служения обществу и государству, но не предлагаем инструментов этого служения.

⁴ Значение образа будущего показывают два исторических примера. В СССР двадцатых жилось тяжело, но у молодежи был образ будущего, она знала, куда идет страна, и видела свое место в будущем, и свой путь к будущему, поэтому она превратилась в локомотив преобразований. Франция конца шестидесятых жила очень сытно и спокойно, так спокойно, что не интересовалась будущим. Молодежь, не видя образа будущего, то есть своего будущего, превращалась в противника не только власти, но и общества. Результат: студенческое восстание в Париже.

⁵ Если к примеру ключевым в образе является образование (как это было в 50-х – 60-х годах в СССР), то должны быть гарантии для получения образования.

Youth Extremism and the Virtual World

Молодежный экстремизм и виртуальный мир

Evgenia Anatolievna Kogay,
head of the Department of sociology of Kursk state University,
doctor of philosophy, Professor
E-mail: eakogay@mail.ru

Евгения Анатольевна Когай,
заведующая кафедрой социологии
Курского государственного университета,
доктор философских наук, профессор
E-mail: eakogay@mail.ru

Для цитирования. Е.А. Когай. Молодежный экстремизм и виртуальный мир. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 13—14.

Annotation. The article draws attention to the multidimensional nature of the problem of youth extremism, its political, social, cultural and other aspects. It is shown that one of the foreshortenings of this topic is the process of transformation of the communication space

Key words: youth environment, radicalism, extremism, terrorism, social institution, virtual world

Аннотация. В статье обращается внимание на многоаспектности проблемы молодежного экстремизма, на ее политических, социальных, культурных и других аспектах. Показывается, что одним из ракурсов рассмотрения данной темы выступает процесс трансформации коммуникационного пространства.

Ключевые слова: молодежная среда, радикализм, экстремизм, терроризм, социальный институт, виртуальный мир

Проблема молодежного экстремизма в настоящее время занимает пристальное внимание исследователей, педагогов, да и общества в целом. Многие авторы акцентируют внимание на многоаспектности данной проблемы, на ее политических, социальных, культурных и других аспектах. Одним из ракурсов рассмотрения данной темы выступает процесс трансформации коммуникационного пространства. В настоящее время, как справедливо отмечает В.Л. Примаков, мы сталкиваемся с весомыми изменениями коммуникационного пространства как в структурном, так и содержательном планах. Факторами, приведшими к этим изменениям, стали такие, как: весомое уменьшение непосредственных межличностных семейных коммуникационных связей, существенное снижение актуальности и эффективности воспитательных практик образовательного пространства, усиление влияния коммуникативных молодежных взаимосвязей, осуществляемых преимущественно посредством виртуального взаимодействия. Фактически 90% представителей молодежи вовлечены в

интернет-сеть, которая стала для них доминирующим местом осуществления коммуникации (1). Соответственно для минимизации неконструктивного воздействия виртуального пространства на молодое поколение старшему поколению важно не игнорировать данный факт, не выстраивать всевозможные запреты, а, напротив, как можно более активно осваивать информационные технологии, «погружаться» в коммуникационные пространства, создаваемые новыми поколениями. Важно также прийти к пониманию того факта, что такое «погружение» требует кардинального изменения подходов и технологий влияния на молодые умы институтов семьи и образования.

Для выработки мер профилактики молодежного экстремизма важно также отчетливо осознавать особенности данной возрастной категории. Эта социальная группа обладает повышенной экстремальностью мышления и поведения. Как справедливо отмечает Ю.А. Зубок, экстремальность выступает выражением разных форм проявления максимализма в сознании, а также крайностей

в поведении как на индивидуально-личностном, так и групповом уровне, что объясняется «переходным характером становления ее социальной субъектности, неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, лабильностью сознания, неопределенностью социальных идентификаций» (2, с. 21). В организме молодого человека еще не завершены психофизиологические изменения, жизненный опыт, по сути, фрагментарен, из чего следует неадекватность восприятия действительности, социальных норм и ценностей. Маргинальность положения (уже не ребенок, но еще и не взрослый) затрудняет достижение устойчивого положения, обретение стабильного состояния, уверенности. Экстремальность сознания находит свое проявление как в фанатизме достижения порой недостижимых целей, а также в нигилизме, эскапизме и ритуализме, требующих соответствующих пространств своего выражения.

Наиболее адекватным пространством оказывается глобальная компьютерная сеть интернет. Ее численность ежегодно увеличивается. Существенно возрастает и время, проводимое молодыми людьми в интернет-пространстве. Так, исследования, проведенные среди курской молодежи в марте 2018 года (N=330), показали, что 44% опрошенных проводят ежедневно в интернете 3-5 часов, 23,5% — 6-9 часов, а 17% посвящают виртуальному пространству все свободное время. И свыше 60% респондентов проводят это время в социальных сетях. Данное общение зачастую является анонимным, что создает у молодых людей ощущение вседозволенности и ненаказуемости любых сообщений и действий в сетевой среде. Добавим к этому, что виртуальные идеи зачастую переносятся в повседневную жизнь. Виртуальный мир создает особое смысловое пространство, в котором конструируются самые разнообразные концептуальные идеи. И наибольшей радикальностью при этом отличается информационный экстремизм. Речь идет о деятельности, реализуемой с использованием виртуальных технологий, связанной с различными формами социально-психического влияния, что ведет в итоге к достижению противо-

правных целей. Отметим наиболее выразительные черты информационного экстремизма: радикальность, антисоциальность, аморальность, деформация политико-правового мышления, противоправность результатов деятельности.

Если обратиться к осмыслению тенденций развития современного молодежного движения в нашей стране, то нельзя не обратить внимания на тот факт, что в этом движении постепенно назревают перемены, связанные в значительной мере с социально-экономическими и политическими процессами. Бездействие власти, отсутствие позитивных перемен, непрозрачность каналов вертикальной мобильности ведут к утверждению протестных настроений, которые находят свое проявление не в практиках абсентеизма, не в явных уличных протестах, а в осуществлении работы по созданию организаций, которые берут начало как раз в виртуальной среде, но могут проявиться и в реальном пространстве, поражая общество своей сплоченностью и мобильностью (3, с. 456-457). Виртуальное пространство при этом выступает арендой апробации новых идей, а полем их реализации, при отсутствии конструктивных социально-экономических преобразований и соответствующей культурной и просветительской работы, вполне может стать реальное пространство.

Список литературы

1. *Примаков В.Л.* Профилактика подростково-молодежного экстремизма в семье и школе: коммуникационный аспект // Социология образования. 2018, № 2. С. 101-114.
2. *Зубок Ю.А.* Молодежный экстремизм в изменяющейся социальной реальности // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 21-36.
3. *Луков Вал. А.* Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+ «РООИ Реабилитация», 2012. 528 с.
4. *Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография* // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.

Problems of Counteraction of Extremism in Modern Russia in Program Documents and Candidate Speeches to Presidents of the Russian Federation

Проблемы противодействия экстремизму в современной России в программных документах и выступлениях кандидатов в Президенты Российской Федерации

Dmitri Vladimirovich Shikunov.

Deputy Head of the Department of Sociology and Political Science Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikoty, Candidate of Political Sciences, Associate Professor
E-mail: dim.shikunoff@yandex.ru

Дмитрий Владимирович Шикунوف,
заместитель начальника кафедры социологии
и политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат политических наук, доцент
E-mail: dim.shikunoff@yandex.ru

Для цитирования. Д.В. Шикунов. Проблемы противодействия экстремизму в современной России в программных документах и выступлениях кандидатов в Президенты Российской Федерации. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 15—16.

Annotation. The author of the article makes an attempt to oppose the points of view of those in power and opposition leaders on the fight against political extremism.

Key words: political extremism, national security, non-systemic opposition, court independence, law enforcement practice

Аннотация. Автор статьи делает попытку противопоставить точки зрения находящихся у власти и оппозиционных лидеров по вопросу борьбы с политическим экстремизмом.

Ключевые слова: политический экстремизм, национальная безопасность, внесистемная оппозиция, независимость суда, правоприменительная практика

В настоящее время мы переживаем переоценку понятия экстремизм. Сам термин всем известен и имеет две составляющие — правовую и политическую.

Правовая определена законом и содержит четко определенную правовую норму. В соответствии с примечанием к ст. 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Основным объектом преступления здесь являются общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны конституционного строя, политической системы и безопасности РФ.

Сами статьи УК РФ по экстремизму появились в качестве защитной реакции государства в условиях противостояния религиозному экстремизму и терроризму во время второй чеченской войны, как правовой инструмент борьбы против расплывшегося по России исламского фундаментализма.

Однако в последние годы направленность указанных статей изменилась. Особо активно стали применять нормы 280 и 282 статей против представителей т.н. внесистемной оппозиции, борцов с «антинародным режимом».

Здесь можно говорить о появлении политической составляющей данной правовой нормы. Поэтому в условиях последних избирательных кампаний, особенно президентской 2018 года, отношение российских политических партий и их лидеров к указанным

статьям УК РФ было четко сформировано и нашло свое отражение как в программных документах политических партий, так и в программах и выступлениях кандидатов на пост Президента РФ.

Позиция В.В. Путина по вопросу борьбы с преступлениями экстремистской направленности всегда оставалась неизменной. На заседании Совета Безопасности в октябре 2017 г. он отмечал, что экстремизм несет угрозу национальной безопасности, способен кардинально разбалансировать политическую, экономическую и социальную систему, поэтому наказание за распространение экстремистских идей и за действия экстремистского характера должно быть неотвратимым. В феврале 2018 г. на Коллегии МВД Президент подчеркнул, что первоочередной задачей, стоящей перед органами внутренних дел является борьба с экстремизмом. Они должны решительно пресекать незаконную деятельность групп, направленную на раскол общества и дестабилизацию ситуации, привлекать к ответственности их организаторов.

Однако отношение к бескомпромиссной борьбе с проявлениями политического экстремизма у иных кандидатов на пост Президента несколько иное.

Так, кандидат от КППРФ П.Н. Грудинин в случае своей победы гарантировал реальную независимость суда и следственных органов от органов исполнительной власти, обещал распространить компетенцию судов присяжных на дела об «экстремизме», по 282-й «русской» статье. Невинно осужденные патриоты Отечества должны быть освобождены и реабилитированы.

Лидер ЛДПР В.В. Жириновский в своей предвыборной программе требовал отменить антирусскую статью 282 Уголовного кодекса РФ, которая, по его мнению, применяется только против русских. Необходимо прекратить войну чиновников с русскими патриотами, закрыть Центр по борьбе с так называемым экстремизмом и все подобные ему организации, само существование которых оскорбляет русскую интеллигенцию и убрав из Уголовного

Кодекса РФ статьи 282 («Экстремизм») и 212 («Нарушение порядка проведения митингов»).

Еще дальше здесь предложила пойти К.А. Собчак, предложив освободить и реабилитировать всех политических заключенных и упразднить «антиэкстремистские» статьи 280 и 282 УК РФ. По ее мнению, все законы и подзаконные акты, административные решения и правоприменительная практика, запрещающие или усложняющие гражданам проявление политической воли и инициативы, должны быть пересмотрены, а те из них, которые ограничивают права людей в зависимости от их политических или религиозных взглядов, пола, национальности, сексуальной ориентации, профессиональной деятельности или места проживания, должны быть отменены.

Таким образом, отношение современных политиков к борьбе с проявлениями политического экстремизма различно. Можно предположить, что в перспективе политическая составляющая этого явления будет оказывать все большее влияние на правовую составляющую, особенно в области правоприменительной практики. После выборов в течение лета — осени 2018 г. после довольно обширной общественной дискуссии по поручению Президента РФ В.В. Путина была проведена значительная декриминализация указанных статей УК РФ.

Список литературы

1. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
2. Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Россия в ситуации нового цивилизационного вызова: его осознание и пути преодоления // М: Библиотека факультета политологии МГУ. Монография: «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия» С. 182-206, 2018.
3. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «Консультант-Плюс».

Trends in the Development of Youth Entrepreneurship in Russia

Тенденции развития молодежного предпринимательства в России

Svetlana Anatolyevna Bazhenova,
associate Professor of the Department of Economics,
Finance and management of the Novorossiysk branch of
the Financial University under the Government of the
Russian Federation, candidate of economic Sciences
E-mail: serena24@yandex.ru

Светлана Анатольевна Баженова,
доцент кафедры «Экономика, финансы
и менеджмент» Новороссийского филиала
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, кандидат экономических наук
E-mail: serena24@yandex.ru

Для цитирования. С.А. Баженова. Тенденции развития молодежного предпринимательства в России. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 17—18.

Annotation. In the article the author gives a modern scientific interpretation of youth entrepreneurship, highlights its most important features, and analyzes the strengths and weaknesses of this phenomenon, while determining the future prospects and the most significant development trends.

Key words: , small business, youth entrepreneurship, business initiative, problems of doing business, the main trends in the development of youth entrepreneurship

Аннотация. В статье автор приводит современную научную трактовку молодежного предпринимательства, выделяет наиболее важные его признаки, а также проводит анализ сильных и слабых сторон этого феномена, определяя при том дальнейшие перспективы и наиболее значимые тенденции развития.

Ключевые слова: молодежь, малый бизнес, молодежное предпринимательство, бизнес-инициатива, проблемы ведения бизнеса, основные тенденции развитие молодежного предпринимательства

Деятельность в аспекте молодежного предпринимательства направлена на решение проблем, прежде всего, социально-экономического характера: снижение уровня безработицы, реализация возможности создания ряда новых рабочих мест, развитие новых направлений и отраслей экономики и др. Безусловно в развитии российского молодежного бизнеса, есть ряд характерных сложных тенденций: отсутствует федеральная законодательная база, регулирующая молодежное предпринимательство; недостаточно развивается структура, такого важного направления, как государственная поддержка предпринимательских инициатив молодежи, скудное и эпизодическое финансирование предпринимательских инициатив молодежи, а зачастую и полное его отсутствие [3, с.100].

По данным Госстата около 70–80% предприятий, регистрируемых в малом бизнесе

в 2017 году, были организованы молодыми предпринимателями 20–30-летнего возраста.

Особое значение в развитии молодежного предпринимательства и повышении уровня самосознания, росте социальной ответственности и патриотизма молодежи имеет поддержка социального предпринимательства. В развитии молодежного социального предпринимательства видится возможность вовлечения молодого поколения в решение социальных проблем, повышение его самосознания и гражданской активности, социальной ответственности и профессионализма [1, с.133].

Проблемы молодежного предпринимательства широко обсуждаются на государственном и региональных уровнях, например проведение федерального кубка по менеджменту «Управляй!», в котором могли принимать участие не только студенты, но и моло-

дые предприниматели,; проведение конкурса и номинация «Молодой предприниматель года», ежегодно с 2004 года учреждаемая на государственном уровне; проведение семинаров, конференций и форумов по всей России по федеральной программе «Ты-предприниматель!» и др. [4, с.10-14].

Одним из приоритетных направлений работы Правительства Краснодарского края является развитие молодежного предпринимательства. Так на территории края действует федеральная программа помощи и поддержки молодых предпринимателей, которая оказывает финансовую поддержку предпринимателям в виде низкопроцентных кредитов на начало и развитие бизнеса. По мнению губернатора Краснодарского края Вениамина Кондратьева, малый бизнес, который занимает весомую долю в региональной экономике, будет постоянно расти и расширять свое присутствие на рынке до 40-45%, а молодежное предпринимательство — до 23%.

В 2017 году Министерством экономики Краснодарского края прогнозировался прирост количества субъектов малого и среднего предпринимательства на 630 единиц, или на 0,2%, в том числе молодежного предпринимательства — на 330 единиц. В 2018 году прогнозируется прирост численности работников в данной сфере экономики на 3063 человека или на 0,5% [2, с. 594-597].

Таким образом, на сегодняшний день молодежь имеет значительные перспективы для занятия предпринимательской деятельностью. Это обусловлено тем, что молодежная среда ориентирована на успех и качества, присущие современным молодым людям, которые соот-

ветствуют социальным и психологическим требованиям рынка. Это такие качества как: инициативность, мобильность, смелость, склонность к риску, способность к быстрому обучению и переобучению, открытость инновациям, готовность к переменам.

Молодежные предпринимательские инициативы могут быть тем основным фактором, который будет способствовать повышению инновационного уровня в российской экономике.

Список литературы

1. Герасикова Е.Н. Молодежное социальное предпринимательство в решении социальных проблем общества: сущность, роль и практика реализации // Сборник статей конференции: XXXIX Международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ». Новосибирск, 2016. -233 с.

2. Милославский В.Г. Молодежное предпринимательство как фундамент развития среднего класса в России // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 594-597. URL <https://moluch.ru/archive/112/28765/> (дата обращения: 07.06.2018).

3. Раковская О.А. Социальные ориентиры молодежи: тенденции, проблемы, перспективы. М.: Наука, 2013. 192 с.

4. Чупров В.И. Российская молодежь в нестабильном обществе: интеграция или социальное исключение? // Наука. Политика. Предпринимательство. 2016. № 1–2. С.10-14.

5. Боровинская, Д.Н. Экономические и культурные основания креативности // Вестник Томского государственного университета. 2014, № 388 (ноябрь). С.48.

Socio-Pedagogical Factors of Formation of Personal Installation on a Rejection of Extremism in the Process of Studying Social Sciences

Социально-педагогические факторы формирования личностной установки на неприятие экстремизма в ходе занятий по общественным дисциплинам

Nikolay Nikolaevich Gusev,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
associate professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot,
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Для цитирования. Н.Н. Гусев. Социально-педагогические факторы формирования личностной установки на неприятие экстремизма в ходе занятий по общественным дисциплинам. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 19—20.

Annotation. The article deals with the socio-pedagogical factors that contribute to the negative personal assessment and the denial of extremism in the course of social sciences

Аннотация. В статье рассмотрены социально-педагогические факторы, которые в ходе занятий по социальным дисциплинам способствуют негативной личностной оценке и отрицанию экстремизма.

Key words: socio-pedagogical factors, personality, negative personal assessment, extremism

Ключевые слова: экстремизм, личность, личностная установка, общественные дисциплины

Противодействие экстремизму предполагает наличие у населения его устойчивого неприятия как на социальном, так и на групповом и личностном уровнях. В формировании личностной установки на отрицательное отношение к экстремизму существенная роль принадлежит системе образования, где основное решение данной задачи возлагается на дисциплины гуманитарного и социально-экономического цикла, что обусловлено самим содержанием и направленностью общественных наук.

В ходе занятий по общественным дисциплинам осуществляется целенаправленный процесс воздействия на обучающегося, в котором реализуется один из важнейших педагогических принципов — принцип единства обучения и воспитания. Соответственно формирование личностной установки на неприятие экстремизма предполагает использование соци-

ально-педагогических факторов в сочетании с принципами психологии высшей школы.

Прежде всего, речь идет о необходимости учета особенностей возрастных социально-статусных и социально-психологических особенностей молодых людей, составляющих обучающийся контингент: обладание социальными качествами не в полной мере — недосоциализированность; копирование чужих образцов поведения; незавершенность усвоения системы нравственных ценностей; повышенная внушаемость, ориентация на яркие образцы, склонность к подражательству; наличие устойчивых элементов мозаично-эклетического псевдо менталитета. Эти качества могут способствовать возникновению безразличного либо толерантного отношения к экстремизму и его проявлениям, существенно затруднять формирование его неприятие в качестве личностной установки.

В то же время в позитивно-практическом плане следует обращать первостепенное внимание на такие черты современного молодого человека как обостренное неприятие несправедливости, отсутствие свободы выбора и возможных поведенческих альтернатив. При этом на занятиях по каждой из общественных дисциплин с позиций собственного предмета раскрываются общественно и лично опасные черты экстремизма, его идеологии и практики. Философско-мировоззренческие основы отторжения экстремизма последовательно реализуются вслед за занятиями по философии в выявлении психологической составляющей, а также в социологическом и политологическом анализе данного явления. В основе методологического и методического единства обществоведов в этой деятельности лежит установка на развитие критически-аналитических качеств обучающихся и повышения их познавательной активности.

Содержательно на занятиях важно использовать прямое и реверсивное рассмотрение связки таких явлений как радикализм, экстремизм и терроризм. Выявление их генезиса и раскрытие социальных корней наряду с психологическими факторами позволяет оценивать перспективы социальной профилактики этих явлений, видеть перспективы их возможного развития и последствия для социума и личности.

Вполне определенно можно утверждать, что достижение поставленной цели по формированию личностной установки не может быть сведено к стандартному усвоению обучающимися определенного набора знаний. С учетом названных выше особенностей молодых людей здесь должна быть включена вся система воздействия на индивида и группу, рациональные и эмоциональные компоненты их психики.

На лекционных занятиях всегда найдется возможность использования видеоматериалов и иных документов, предоставляющих специальным образом организованную и поданную информацию об экстремизме для постановки проблемных вопросов с последующим обсуждением на семинаре.

Важно, чтобы эта информация первично затрагивала эмоциональную сферу, служила основой формирования отрицательного образа экстремиста и экстремизма как явления,

фактически стала базой для создания «образа врага» с соответствующими негативными ожиданиями. Вслед за этим можно переходить от восприятия к логическим формам познания — к понятию, суждению и умозаключению.

Как представляется, движение сознания от образа (зачастую в значительной степени иррационального) к понятию и научной категории и создает благодатную психолого-педагогическую почву для начала формирования личностной установки на неприятие экстремизма и поэтапного развития умственных действий.

В ходе дискуссий на семинарских занятиях обучающиеся способны самостоятельно разрешать проблемные ситуации, связанные с идеологией экстремизма и его проявлениями во всех подсистемах социума, приходиться к выводу об онтологической несовместимости экстремизма с гуманистическими ценностями цивилизации и нормальным функционированием общества.

Нельзя не отметить, что работа в группе не всегда позволяет охватить всех обучающихся, поддерживать их внимание и познавательную активность. Это связано с тем, что учебные группы по количеству обучающихся превышают эмпирически обоснованную численность малой социальной группы, где происходят контролируемые социализационные процессы. Поэтому для определенной части обучающихся первичная фаза формирования личностной установки на неприятие экстремизма может оказаться основной, что требует дополнить действия, предпринятые в ходе учебных занятий различными формами внеаудиторной работы.

Список литературы

1. *Бельский В.Ю.* Технологии противодействия молодежному экстремизму в условиях глобализации // Журнал «Alma mater (Вестник высшей школы)» № 5, С. 26-29, 2016.
2. *Боровинская Д.Н.* Динамика концептуальных представлений о человеке как выражение социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. № 335 (июнь). С. 30-34. 2010.
3. *Колотуша В.В.* Глобальные проблемы как глобальные угрозы социального характера // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. № 1. С. 47-53. 2017.

Some Tendencies of Development of Extremism in the Youth Environment in Modern Conditions

Некоторые тенденции развития экстремизма в молодежной среде в современных условиях

Alexander Vasilyevich Opalev,
leading researcher of the Centre of security studies of RAS,
doctor of philosophical Sciences, Professor
E-mail: raenbezopasnost@yandex.ru

Александр Васильевич Опалев,
ведущий научный сотрудник Центра исследования
проблем безопасности РАН,
доктор философских наук, профессор
E-mail: raenbezopasnost@yandex.ru

Для цитирования. А.В. Опалев. Некоторые тенденции развития экстремизма в молодежной среде в современных условиях. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 21—22.

Annotation. Tendencies of development of extremism in the youth environment in modern conditions are revealed.

Аннотация. Раскрываются тенденции развития экстремизма в молодежной среде в современных условиях.

Key words: extremism, youth

Ключевые слова: экстремизм, молодежь

Эволюция экстремизма в течение нескольких последних десятилетий в значительной степени связана с изменениями в системе его субъектов, с усилением его многоплановости, расширением социальной базы многих экстремистских организаций, прежде всего за счет молодежи, умножением их идейно-политических направлений и организационных форм.

Результаты анализа современного состояния экстремизма в молодежной среде позволяют обозначить ряд тенденций в его развитии, которые будут продолжать оставаться актуальными в долгосрочной перспективе и которые обуславливают выбор мер противодействия им.

1. Трансформация идеологии экстремизма. Наряду с ранее активно действующими политическими и социально-экономическими факторами наблюдается усиление влияния факторов идейно-психологического характера, связанных прежде всего с распространением идеологии экстремизма и терроризма, оказанием массового пропагандистского и психологического воздействия на большие группы молодежи с позиций оправдания экстремизма как формы политической борьбы.

2. Расширение географии и социальной базы экстремизма за счет увеличения круга сочувствующих и пособников, при особо опасной тенденции распространения влияния экстремистов на представителей молодежи. События последних лет наглядно демонстрируют, что основной социальной группой, поставившей потенциальных террористов, выступает молодежь, что обусловлено присутствием молодым людям неудовлетворенностью жизнью, стремлением к справедливости, отсутствием в ряде случаев возможности легального участия в политической жизни общества. Особенно это характерно для молодежи «неблагополучных» регионов мира. Тенденцией последнего времени стало вступление в ряды экстремистских группировок не только социально неустойчивых или финансово необеспеченных лиц, но и достаточно успешных людей (спортсменов, артистов, студентов, родственников отдельных руководителей и т.д.). И это относится не только к России, но и ко многим другим странам. Формируется определенная мода на экстремистскую идеологию, аналогично тому, как в разные периоды истории в мире были модны

фашистские, анархические, радикально коммунистические и иные доктрины.

3. В числе тенденций современного развития экстремизма, требующих адекватного реагирования на них, одно из ведущих мест занимает активизация деятельности по заблаговременному созданию субъектами экстремизма (преимущественного исламистского и этно-сепаратистского толка) условий, необходимых для активного вовлечения в экстремистскую деятельность представителей т.н. целевых групп населения — молодежи, этнических и религиозных групп и т.д. Данный аспект в общей системе информационного воздействия экстремизма играет особо опасную роль, так как непосредственно направлен на создание кадрового ресурса экстремистских структур.

4. Негативной тенденцией последнего времени становится расширение практики участия молодежи различных государств (в том числе не имеющих устойчивых террористических, экстремистских проявлений) в экстремистской (террористической) деятельности за рубежом, как правило, в т.н. «горячих точках» (страны Северной Африки, Ближнего Востока, Афгано-Пакистанской зоны и др.) и последующего возвращения их в государства исхода. Данный процесс создает растущую опасность распространения идеологии терроризма и экстремизма, создания новых или усиления активной деятельности уже существующих местных экстремистских организаций, формирования каналов переноса экстремистской деятельности в другие страны мира.

5. Активизация религиозного экстремизма. При этом среди наиболее активных экстремистских группировок в начале XXI в. абсолютно доминируют и, как показывает анализ, в обозримом будущем будут доминировать организации радикально-исламистского

толка, действующие на региональном и транснациональном уровне. Исламский фундаментализм в настоящее время стал основной движущей силой международного терроризма и экстремизма.

6. Переход экстремистских группировок к использованию передовых информационных технологий как с технологической точки зрения (для обмена информацией), так и для повсеместного распространения своей идеологии. Эмиссары МТО делают особую ставку на вербовочную работу в социальных сетях, основным участником которых выступает молодежь.

Фактически глобальным стратегическим трендом нового терроризма и экстремизма как элементов ведения современных войн гибридного типа является борьба за создание социальной, информационной среды терроризма и экстремизма по всему миру. Формирование указанных сред позволяет формировать высокомотивированные группы молодежи, превращая их в элемент террористической или экстремистской международной сети.

Список литературы

1. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
2. Бельский В.Ю. Причины молодежного экстремизма в современных условиях // КрУ МВД России (Новороссийск) Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе». С. 5-10, 2016.
3. Золкин А.Л. Постглобализм и проблема цивилизационного суверенитета России // М: МГУ. Монография: «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия» С. 182-206, 2018.

Religious Extremism in Modern Russia

Религиозный экстремизм в современной России

Irina Vladimirovna Polozova,
Professor of the Department of Sociology and Political Science
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikotya, doktor of philosophical sciences
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна Полозова,
профессор кафедры социологии и политологии,
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Для цитирования. И.В. Полозова. Религиозный экстремизм в современной России. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 23—24.

Annotation. The author analyzes the content of religious extremism in a modern multi-religious and multi-ethnic society, emphasizing the particular danger to the values of modern civilization from religious and political extremism.

Key words: traditional religions, multi-confessional society, inter-confessional extremism, religious-political extremism, religious consciousness, values of modern civilization

Аннотация. В статье автор анализирует содержание религиозного экстремизма в современном поликонфессиональном и многонациональном обществе, подчеркнув особую опасность для ценностей современной цивилизации со стороны религиозно-политического экстремизма.

Ключевые слова: традиционные религии, поликонфессиональное общество, внутриконфессиональный экстремизм, религиозно-политический экстремизм, религиозное сознание, ценности современной цивилизации

В последние годы Российское государство нередко сталкивается с вызовами, исходящими от различных религиозных течений. С традиционными религиями, которые являлись наиболее консервативным элементом общества и веками обеспечивали его стабильность, государственные органы выстраивают формы социального партнерства и сотрудничества. Однако, с религией связываются также негативные явления в политической жизни общества, проявляющиеся в виде религиозного экстремизма и терроризма. В многонациональном и поликонфессиональном обществе, опасность религиозного экстремизма приобретает особую остроту.

Религиозный экстремизм представляет собой тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями. Целью религиозного экстремизма является коренное реформирование существующей системы.

Отметим, что религия представляет собой целое со сложной структурой, в котором представлены противостоящие друг другу тенденции, и последовательно проведенная радикальная позиция с неизбежностью приводит к крайности, к абсолютизации одной из сторон. Следствием является конфронтация внутри конфессии, которая приводит либо к подавлению радикального течения, либо к расколу и появлению нового религиозного течения, секты.

Таким образом, экстремистский характер носят те разновидности религиозных течений, которые отпочковываются от основной религии, подвергая ее достаточно жесткой ревизии. Они тенденциозно трактуют основные положения, вырывая из контекста, делая акценты на одних догматах в ущерб другим. Таким образом, основным рычагом экстремистской стратегии является идеология, служащая суррогатом религии, от имени которой она выступает. Соединение религии с любой идеологией является крайне опасным, так как

религиозное сознание бескомпромиссно в принципе, а любая идеология однобока, их единение неизбежно приводит к экстремизму.

Различают два основных типа религиозного экстремизма: внутриконфессиональный и социально ориентированный. Для общества наибольшую угрозу представляет социально ориентированный экстремизм, и, в особенности, экстремизм религиозно-политический. Такой религиозный экстремизм возникает в результате переключения религиозного чувства на иную, политическую сферу. Основанием экстремизма является отрицание существующей властной парадигмы.

Преследование политических целей позволяет отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма, который главным образом проявляется в сфере религии и не ставит перед собой таких целей.

В отношении религии к политике в целом возможны два крайних варианта, и оба из них таят в себе возможность экстремизма: 1) *переключение религиозного стремления на борьбу за властный ресурс*; 2) *полный отказ религиозного направления от взаимодействия с политикой, властью и «миром» вообще*.

Религиозно-политический экстремизм может быть направлен на демонтаж сложившихся общественных структур, изменение существующего государственного строя, реорганизацию национально-территориального устройства. Он может проявляться в виде деятельности, имеющей целью подрыв светского общественно-политического строя и создание клерикального государства, в виде сепаратизма, мотивированного или камуфлированного религиозными соображениями, а также в виде стремления навязать в качестве государственной идеологии религиозное учение.

Второй крайний вариант отношения религии к политической жизни, казалось бы, менее

опасен. Тем не менее, он также содержит в себе большой деструктивный потенциал, поскольку ставит под сомнение значимые для общества ценности и отношения. Такой подход проявляется в малых и локальных группах, которые складываются вокруг духовного лидера и своей целью, как правило, ставят воплощение в жизнь социального-религиозного проекта, нередко имеющего эсхатологическое содержание. Примером может служить группа последователей Петра Кузнецова, получившая известность в 2008 году, закрывшаяся от внешнего мира в пещере под Пензой и ожидавшая скорого наступления конца света.

Следует понимать, что религиозный экстремизм является следствием столкновения традиционной и модернистской культур. В результате гуманизма и просвещения произошел отрыв от тысячелетних ментальных и ценностных структур, были сформированы ценности, которые противостоят традиционным религиям и их ценностям, угрожают самим основам их существования. Именно поэтому религиозный экстремизм во многом направлен против ценностей современной цивилизации.

Список литературы

1. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография. //под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сакуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «Консультант-Плюс».
3. *Бельский В.Ю.* Причины молодежного экстремизма в современных условиях // КрУ МВД России (Новороссийск) Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе». С. 5-10, 2016

Religious Extremism in Russia: Signs, Features

Религиозный экстремизм в России: признаки, особенности

Marina Vladimirovna Kuteпова,

head of the Department of socio-economic and humanitarian disciplines of the Moscow regional branch of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. YA. Kikotya, candidate of biological Sciences
E-mail: office@unity-dana.ru

Марина Владимировна Кутепова,

начальник кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат биологических наук
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования. М.В. Кутепова. Религиозный экстремизм в России: признаки, особенности. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 25—27.

Annotation. The article defines the terms «extremism», «religious extremism», shows the reasons and describes the signs of religious extremism, focuses on the main causes of religious extremism that take place in Russia. The direction of activity of society in fight against this phenomenon is shown.

Key words: religious extremism, safety of citizens, aggressive radicalism, intolerance, law enforcement agencies

Аннотация. В статье дано определение терминов «экстремизм», «религиозный экстремизм», показаны причины и описаны признаки религиозного экстремизма, сделан акцент на основные причины религиозного экстремизма, которые имеют место в России. Показано направление деятельности общества в борьбе с данным явлением.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, безопасность граждан, агрессивный радикализм, нетерпимость, правоохранительные органы

Вопросы, связанные с исследованием угроз религиозного экстремизма, экспансии, не характерных для России религиозных форм, рассматриваются в трудах И.Я. Кантерова, В.А. Колосова, Л.Н. Митрохина, Н.А. Трофимчука, М.П. Свищева, М.П. Мчедлова. В работах Р.Г. Абдулатипова, Л.А. Баширова, З.С. Арухова проведен анализ деятельности радикальных исламских фундаменталистов как экстремистского движения, искажающего основы ислама — одной из мировых религий.

В современном мире происходит глобализация социальных процессов, включение в них больших групп людей различных взглядов и культур, что требует новых подходов к государственному управлению, создание эффективной системы государственной безопасности. В настоящее время мы испытываем внешние воздействия, в результате — экстремизм и терроризм являются реальной угрозой национальной безопасности Россий-

ской Федерации. Это значительная опасность, способная повлиять на устойчивость самого стабильного общества. Противодействие религиозному экстремизму на современном этапе существования российского общества является первоочередной задачей в обеспечении национальной безопасности страны. Безопасность граждан обязаны обеспечить сотрудники правоохранительных органов, прежде всего полиции. В связи с этим актуальны вопросы подготовки будущих сотрудников к выполнению данной задачи. Один из основных способов преодоления угрозы религиозного экстремизма — распознавание и профилактика его проявления.

Сложности переходного периода в нашем многонациональном и поликонфессиональном обществе, связанные с трудными и неоднозначными процессами в экономике, социально-политической и духовной сферах, сопровождающиеся определенными центро-

бежными тенденциями, являются благоприятной средой для крайних форм политического поведения, в том числе и экстремистского [1]. Термин «экстремизм» означает «наиболее удаленное положение от центра». В религии экстремизм — это соответствующая удаленность от основы веры в убеждениях и в поведении. Основное и наиболее опасное последствие религиозного экстремизма — отсутствие равновесия и безопасности в жизни общества, семьи и отдельной личности. В современном мире экстремизм и религиозный экстремизм обладает громадными финансовыми и людскими ресурсами, является хорошо организованной и многогранной системой, маскируется при этом различными политическими и идеологическими доктринами, в том числе и религией.

Религиозный экстремизм — явление многогранное, с различными взаимосвязями, предпосылками и причинами возникновения. При этом следует отметить, что причины возникновения религиозного экстремизма могут быть религиозными, социальными, экономическими, политическими, психологическими, интеллектуальными. Причины экстремистского поведения могут быть и в самом человеке: во взаимоотношениях с семьей, социумом, во внутренних противоречиях личности — между внутренним миром экстремиста и обществом, верой и поведением, словами и поступками, мечтами и реальными достижениями — все это может привести к нетерпимости и агрессивным действиям. Наряду с социальной и личностной неудовлетворенностью, большую роль здесь могут играть низкий культурный уровень, отсутствие прочных мировоззренческих основ, толкающее к духовной всеядности и эклектичному «богоискательству», духовно-нравственные изъяны, эгоистические устремления и амбиции. На наш взгляд, к религиозному экстремизму склонны как раз те группы населения, которые более всего к этому предрасположены. Помимо социальных маргиналов в качестве особых «групп риска» необходимо назвать молодежь, творческую интеллигенцию, работников коммерческо-банковской сферы и сферы обслуживания [2].

Выделяют основные причины религиозного экстремизма, которые имеют место и в России: социальные и экономические кризисы;

деформация политических структур; падение жизненного уровня части населения; подавление инакомыслия и оппозиции власти; национальный гнет; амбиции лидеров политических партий и религиозных групп, стремящихся ускорить выполнение своих задач; деятельность зарубежных религиозных миссионеров, направленная на разжигание межконфессиональных противоречий [3]. Наиболее опасно проявление последствий обозначенных факторов в молодежной среде, так как молодежь — это наиболее подверженная протестным проявлениям часть общества. Не исключено и индивидуальное влияние на некоторых лиц, предрасположенных к воздействию экстремистской пропаганды в силу воспитания, личностных особенностей, влияния социально-культурной среды, психологического статуса человека.

Главной причиной религиозного экстремизма считают отсутствие полного знания о целях и сути религии, которое приводит к эгоизму и аморальному поведению. При этом неполное отрывочное знание дает противоположный результат — агрессивный радикализм. Целью религиозного экстремизма является признание приоритета собственной религии, принуждение к своему вероучению, отрицание иных конфессий путем принуждения к своей вере [4]. Наиболее ярые экстремисты ставят задачу создания государства с заменой правовых норм на нормы общей для всех религии.

По мнению Е.Э. Ганаевой [2], в российском обществе имеется существенная связь религиозных и национально-этнических причин религиозного экстремизма. При этом оба фактора активизируются политическими и экономическими интересами и используются в политической борьбе.

Основными признаками религиозного экстремизма являются: возбуждение религиозной розни; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, в том числе из-за религиозной принадлежности либо отношения к религии; разжигание нетерпимости к представителям других конфессий либо в противоборстве в рамках одной конфессии; приверженность к крайним убеждениям, мерам; радикальное изменение внешнего мира согласно религиозным

взглядам; совершение общественно опасных противоправных деяний по религиозным мотивам [3].

Признаками экстремизма также являются фанатичные нетерпимость и жестокость, неприятие интересов других людей, что не способствует конструктивному диалогу; непонимание сути и целей религии, отсутствие самоконтроля, агрессивность, высокомерие, в результате — отказ от беспристрастного решения проблем; показная чрезмерность в религиозном поведении и стремление других поступать так же; неуместность и несвоевременность следования религиозным предписаниям; грубое и резкое общение с людьми, жесткое категоричное преподнесение информации о религии. Таким образом, основная причина религиозного экстремизма — невежество, а следовательно, противостоять данному явлению можно на интеллектуальном уровне.

Существующие точки зрения на проблему религиозного экстремизма в российском обществе, несмотря на значительный их разброс, в совокупности позволяют выявить понимание обществом приоритетов в принятии мер по противодействию религиозному экстремизму и обеспечении эффективности такого противодействия. Религиозный экстремизм наносит непоправимый вред общественным ценностям, отрицательно влияет на состояние человека, лишает его чувства защищенности. Для избавления от этого явления необходимо объединение всех сил общества, психологическая работа с молодежью, работа по профилактике преступности, наркомании, безнад-

зорности, особенно в молодежной среде, создание специальной программы, включающей политический, социальный, правовой, идеологический аспекты [3].

Достижение устойчивого результата профилактической работы существенно зависит от уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. В этой связи стоит задача совершенствования подготовки и переподготовки сотрудников к данному виду деятельности.

Список литературы

1. *Плужников Е.Н.* Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики: автореф. дис. ... канд. пол. наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Pluzhnikov_avtoreferat.pdf.
2. *Ганаева Е.Э.* Религиозный экстремизм в России: проблемы теоретической интерпретации // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 795-797. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/105/24905/>.
3. *Щеглов А.В.* Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: курс лекций / А.В. Щеглов, В.В. Горохова. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
4. *Кузнецов К.В.* Формы религиозного экстремизма. Социально-экономические и политические причины религиозного экстремизма. Религиозно-политический экстремизм // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2012/06/1333>.

Pedagogical Methods of Formation of Counteraction to Political and Religious Extremism in Educational Organizations of Law Enforcement Agencies

Педагогические методы формирования противодействия политическому и религиозному экстремизму в образовательных организациях силовых ведомств

Natalia Nikolaevna Bashlueva,
candidate of Pedagogical Sciences
assistant professor of socio-economic and humanities
Moscow regional branch of Moscow
University of the Russian Interior Ministry named V.Y. Kikot
E-mail: bashlueva@mail.ru

Dmitry Alexandrovich Temnyakov,
candidate of sciences in theory of education, assistant
professor of socio-economic and humanities
Moscow regional branch of Moscow
University of the Russian Interior Ministry named V.Y. Kikot
E-mail: dima-terjewo@rambler.ru

Наталья Николаевна Башлуева,
доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Московского областного
филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук
E-mail: bashlueva@mail.ru

Дмитрий Александрович Темняков,
доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Московского областного
филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук
E-mail: dima-terjewo@rambler.ru

Для цитирования. Н.Н. Башлуева, Д.А. Темняков. Педагогические методы формирования противодействия политическому и религиозному экстремизму в образовательных организациях силовых ведомств. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 28—30.

Annotation. The article considers pedagogical methods influencing the formation of counteraction to political and religious extremism, considers the requirements to the teacher as a key figure of the educational process, on professional competence and pedagogical skills of which the formation of a professional culture of counteraction to political and religious extremism depends.

Key words: formation of counteraction to political and religious extremism, teacher as a key figure of the educational process, technical means of training, patterns of behavior

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические методы влияющие на формирование противодействия политическому и религиозному экстремизму, рассматриваются требования к педагогу как ключевой фигуре образовательного процесса, от профессиональных компетенций и педагогического мастерства которого зависит формирование профессиональной культуры противодействия политическому и религиозному экстремизму.

Ключевые слова: формирование противодействия политическому и религиозному экстремизму, педагог как ключевая фигура образовательного процесса, технические средства обучения, образцы поведения

Мировое сообщество вступило в новую эпоху, имея богатый опыт борьбы с преступностью, систему разносторонних и полезных знаний в данной области, но, к сожалению, не смогло использовать их для создания надежной защиты против такой угрозы как политический и религиозный экстремизм. Который стал в современных условиях глобальной проблемой для всего мира. Нарастание техногенных рисков и природных угроз, а также социальных дестабилизирующих факторов

заставляют многие государства формировать концепции национальной безопасности, в том числе принимать международные меры на повышение безопасности жизни. Основная обязанность государства стоит в создании безопасной обстановки в обществе и сохранении жизни и здоровья граждан, однако, и сам гражданин должен прилагать определенные усилия для предотвращения возможной опасности и обеспечения собственной безопасности. Общие способности по формированию

безопасного поведения личности в рамках политического и религиозного экстремизма включают в себя и педагогические компоненты.

Педагогика как наука о закономерностях развития личности, ее воспитания, образования и обучения является основополагающим фактором формирования специфических установок противодействия политическому и религиозному экстремизму курсантов и слушателей образовательных организаций силовых ведомств. Признавая необходимость современного подхода в формировании профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей учебных заведений системы МВД, необходимо поставить вопрос о его задачах: какая цель может быть достигнута, какая модель должна закладываться в основу формирования гражданских и профессиональных качеств сотрудников полиции, на какие ценности должна быть ориентирована образовательная система, в состоянии ли она решать эти задачи при данных условиях.

Педагогика, постоянно обращенная к практике наука, а ее отрасль, погруженная в сферу формирования мировоззренческих установок противодействия политическому и религиозному экстремизму при обучении курсантов и слушателей учебных заведений силовых ведомств, просто не может не быть прикладной наукой. В этом ее главное предназначение, и от практических успехов зависит ее признание, поддержка и развитие.

Формирование профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей образовательных организаций силовых ведомств невозможно без целостного воспитательного процесса. Соответственно, в содержании данного воспитания ключевая роль отводится педагогическому коллективу как образцу профессиональной этики сотрудника силовых ведомств.

Технические средства обучения имеют главным своим назначением усиление информационного воздействия между всеми участниками учебного процесса. Так демонстрация видеороликов с различными ситуациями, приемами профессионального обще-

ния в профессиональной деятельности сотрудниками полиции с уважением и защитой человеческого достоинства и прав человека позволит усилить воздействие слов преподавателя на обучающихся, в ходе чего будет формироваться профессионально-нравственная культура курсантов и слушателей. Это подтверждают данные поведенного исследования в молодежной среде учеными, Кубанского государственного университета которые изучали интересы, источники актуальной информации и ценности современной молодежи. Данные социологического опроса показывают, что наибольший интерес у молодежи вызывают следующие темы: фильмы (38,9%), будущая карьера (37,5%), музыка (33,4%), спорт (24,8%) [3, с. 46]. Соответственно эти данные необходимо использовать при подборке образцов поведения для формирования у курсантов и слушателей профессиональной и нравственной культуры.

В свою очередь необходимо отметить, что даже самое современное материально-техническое обеспечение не решает вопросов формирования профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей системы МВД России без должной подготовки преподавателей. Формирование и развитие профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей во многом зависит от способностей преподавателя быть лидером, его умения мотивировать и сориентировать обучаемого на целесообразность использования в своем профессиональном поведении того или иного образца поведения, исходя из специальности, личной общекультурной компетентности, возможности самостоятельного поиска, анализа и преломления образцов поведения, научить и разъяснить методики использования нравственно-правовых норм, регулирующих профессиональное общение и профессиональную деятельность сотрудников полиции.

Формирование и развитие профессиональной и нравственной культуры является сложным педагогическим явлением, которому присущи следующие признаки:

- педагогическая практика, обеспечивающая подготовку подрастающего поколения к усваиванию накопленного опыта профессиональной и нравственной культуры;
- педагогическая доктрина, продуктом которой являются программы, учебники, учебные пособия, методические пособия, методики воспитания и обучения, предназначенные для формирования профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей;
- педагогическая теория, раскрывающая сущность, структуру, цели, содержание, педагогические средства, формы и методы, движущие силы, закономерности и принципы формирования профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей;
- создание педагогом благоприятных условий для усвоения воспитанниками общей культуры в процессе осознанной, целеустремленной деятельности, направленной на формирование у себя необходимых черт характера, профессионально деловых качеств и норм поведения, а также усвоение знаний в области этических основ профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел;
- содержание воспитания, представляющее систематизированный и адаптированный к условиям педагогического процесса вузов МВД опыт формирования профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей;
- функция воспитания, выражающаяся в устойчивом влиянии педагогического процесса на уровень готовности сотрудников органов внутренних дел руководствоваться в своей деятельности нравственно-правовыми нормами;

Список литературы

1. *Зайцева Н.В.* Особенности преподавания психолого-педагогических дисциплин в условиях реализации стандартов нового поколения / Актуальные проблемы преподавания психолого-педагогических дисциплин в современных условиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Московского областного филиала Московского университета МВД России, 2013. С. 172-176.

2. *Темняков Д.А.* Воспитание культуры личной профессиональной безопасности в органах внутренних дел. Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Научно-практическое издание. Старотеряево: Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2016. С. 215-218.

3. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтнического региона. Второй этап исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2016.

Information Security of Formation in Teaching Spiritual and Moral Resistance to the Ideology and Extremism Practice in the Process of Teaching Political Science

Информационное обеспечение формирования у обучающихся духовно-нравственной устойчивости к идеологии и практике экстремизма в процессе преподавания политологии

Alexander Ilyich Sacuta,

Professor of the Department of Sociology and Political Science
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya, Candidate of Philosophy, Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Александр Ильич Сацута,

профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук,
профессор
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования. А.И. Сацута. Информационное обеспечение формирования у обучающихся духовно-нравственной устойчивости к идеологии и практике экстремизма в процессе преподавания политологии. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 31—32.

Annotation. The author emphasizes the special role of social and humanitarian disciplines in shaping students' sustainable rejection of the ideology and practice of extremism, the importance of information support for teaching social and political sciences and the need for deep knowledge and personal conviction about extremism as a socially dangerous phenomenon.

Key words: rejection of extremism, spiritual and moral stability of an individual, disciplines of the social and humanitarian cycle, informational and informative provision of education, a socially responsible person

Аннотация. Автор подчеркивает особую роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании у обучающихся устойчивого неприятия идеологии и практики экстремизма, значение информационного обеспечения преподавания социально-политических наук и необходимости глубоких знаний и личной убежденности об экстремизме как социально опасном явлении.

Ключевые слова: неприятие экстремизма, духовно-нравственная устойчивость личности, дисциплины социально-гуманитарного цикла, информационно-содержательное обеспечение образования, социально ответственная личность

Цивилизационные изменения в современном мире, сопровождаемые ростом вызовов и рисков жизнедеятельности и безопасности человечества, порождают различные негативные явления в образе жизни и поведении отдельных индивидов и различных социальных групп. Одной из крайних их форм является экстремизм, постоянно расширяющий социальное пространство своего отрицательного воздействия. Сегодня требуется активное противодействие экстремизму, формирование у членов социума отчуждения и неприятия экстремизма, устойчивого иммунитета его идеологии и практики.

Ядром иммунитета у индивидов и социальных групп к идеологии и практике экстремизма

является духовно-нравственная устойчивость личности. Духовно-нравственная устойчивость личности к установкам и положениям идеологии экстремизма, его проявлениям в общественной жизни заключается в способности личности отрицать и не воспринимать их, в ее готовности и возможности активно противостоять экстремизму, сохранять свои ценности и качества в условиях его негативного воздействия. Основу духовно-нравственной устойчивости личности к идеологии и практике экстремизма составляют такие ее духовные ценности и социальные качества как образованность, сознательность, убежденность, гуманность, чувство долга, гражданственность, профессиональная компетентность, нравственность, патриотизм, верность

традициям, социальная ответственность за судьбы страны, Отечества.

В формировании духовно-нравственной устойчивости личности к идеологии и практике экстремизма особая роль принадлежит системе образования, организации и содержанию образовательного процесса. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года указывается, что в сфере образования для борьбы с экстремизмом и противодействия ему необходимо включение в учебные планы, учебники, учебно-методические материалы тем, обеспечивающих формирование традиционных для российской культуры ценностей, внедрение новых образовательных стандартов и педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму. В этом контексте исключительно важно в учебных заведениях разного уровня и профиля дидактически грамотное и ценностно-ориентированное информационно-содержательное обеспечение преподавания учебных дисциплин. Особую роль играют дисциплины социально-гуманитарного цикла, позволяющие сформировать и развивать у обучающихся социально-значимые духовно-нравственные ценности и качества, установки и принципы поведения в социальной среде, не допускающие и отрицающие идеологию и практику экстремизма.

Значительным потенциалом для формирования у обучающихся духовно-нравственной устойчивости к идеологии и практике экстремизма обладает информационно-содержательное обеспечение и наполнение преподавания политологии. Оно заключается прежде всего в глубоком и всестороннем раскрытии в процессе преподавания политологии политической теории как системы научных, социально-значимых, созидательных и прогрессивных знаний, выделение и объяснение обучающимся ценностно-мировоззренческих и культурно-образовательных аспектов ее отдельных концепций, положений и идей, формирующих социально-ответственную и социально-активную личность, ее гражданственность и патриотизм. Политическая теория является по своей сути теорией гуманистической, приобщающей обучающихся к духовным ценностям, ориентирующей на высокоморальные нормы человеческой жизни, соблюдение правил и традиций совместной жизнедеятельности людей. Она, писал Аристотель, придает «гражданам известного рода хорошие качества, делает их людьми, поступающими прекрасно».

Информационное обеспечение преподавания политологии, формирующее у обучающихся отрицательное отношение к идеологии и практике экстремизма, их готовность и способность противодействовать ему, состоит в разъяснении в образовательном процессе теоретических идей, положений и норм политико-правовых и нормативных документов о социально-деструктивной природе и сущности экстремизма, его форм и проявлений, необходимости глубоких знаний и личной убежденности об экстремизме как социально опасном явлении, условиях компетентного и эффективного противодействия ему. Важная составляющая содержания преподавания политологии, обеспечивающего формирование духовно-нравственной устойчивости личности к экстремизму, использование на занятиях сюжетов, примеров, фактов из истории и современной общественной практики о высокой духовности российского народа, его особом менталитете, основанном на самопожертвовании, мужестве, коллективизме, взаимовыручке и товариществе, об экстремизме как угрозе социально-политической стабильности. Информационное обеспечение формирования у обучающихся духовно-нравственной устойчивости к идеологии и практике экстремизма в процессе преподавания политологии предполагает также наличие литературы по проблеме экстремизма в фондах библиотек вузов, оформление ее выставок, аналитические реферативные обзоры литературы по экстремизму на занятиях.

Эффективное использование информационного обеспечения формирования у обучающихся устойчивого отрицания экстремизма, готовности и способности противодействовать ему в процессе преподавания политологии и других социально-гуманитарных наук достигается педагогическим мастерством преподавателя.

Список литературы

1. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
2. Бельский В.Ю., Иноземцева Е.М. Понятие профессиональной ориентации в системе категорий профессионального становления молодежи // Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение» № 1, С.16-19, 2017
3. Колотуша В.В. Глобальные проблемы как глобальные угрозы социального характера // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С.47-53.

Youth Extremism as a Social Problem

Молодежный экстремизм как социальная проблема

Vitaliy Yurievich Belsky,
doctor of Philosophy, Professor, head of the Department
of sociology and political science Moscow University
of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: v. belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич Бельский,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: v. belskiy@bk.ru

Для цитирования. В.Ю. Бельский. Молодежный экстремизм как социальная проблема. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 33—34.

Научная специальность – 09.00.03 История философии

Annotation. The article deals with the content and forms of manifestation in the youth environment of such phenomena as radicalism, extremism and terrorism. It is shown that the factor of the emergence of extremist ideologies and, as a consequence, extremist behavior among young people is the dysfunction of social institutions.

Key words: youth environment, radicalism, extremism, terrorism, social institution

Аннотация. В статье рассматривается содержание и формы проявления в молодежной среде таких феноменов как радикализм, экстремизм и терроризм. Показывается, что фактором возникновения экстремистских идеологий и, как следствие, экстремистского поведения в молодежной среде является дисфункция социальных институтов.

Ключевые слова: молодежная среда, радикализм, экстремизм, терроризм, социальный институт

Человечество на протяжении всей своей истории в большей или меньшей степени сталкивалось с проявлениями таких феноменов как радикализм, экстремизм и терроризм. Явления эти, несмотря на все различия, внутренне наитеснейшим образом взаимосвязаны. Если радикальные движения и преобразования иногда могут обходиться без идеологического исповедания и практического применения террора, то терроризм как таковой всегда радикален и более того — экстремален. Экстремизм и терроризм естественным образом взаимосвязаны и органически дополняют друг друга¹.

Важным условием распространения экстремистских идеологий в молодежной среде является подверженность социальным рискам. Процесс социализации у молодежи как социально-демографической группы не завершен, социальные роли до конца не освоены, статусы не определены. Это делает возможной депривацию различных групп молодежи. При этом крайне сложным оказывается вопрос вы-

явления распространенных в молодежной среде идеологий.

Неслучайно С.И. Левикова отмечает, что «когда говорят об экстремизме в молодежной среде, имеют в виду в первую очередь поведение, так как о взглядах можно судить, лишь ознакомившись с ними, но каналов для этого нет. Молодые люди не имеют собственных СМИ: молодежные телепередачи и печатные журналы на деле оказываются созданными и контролируруемыми взрослыми для молодых и именно взрослые решают, что и как поданное интересно и нужно молодым. В свою очередь ... взрослые от лица молодых выпускают издания, такие как, к примеру, «Московский комсомолец» и т.п., из которых другие взрослые должны составить представление о молодежи»².

Главным фактором возникновения экстремистских идеологий и, как следствие, экстремистского поведения в молодежной среде является дисфункция социальных институтов. Кризис семьи развивается параллельно с кри-

зисом системы образования. Одновременно различные группы давления предпринимают попытки использовать мировую тенденцию к глобализации социальных процессов. Одной из форм проявления глобализации является кризис постиндустриального перехода и разрушение государственных структур, зачастую провоцируемое извне. Одновременная дисфункция государства, семьи, системы образования и даже средств массовой информации приводит к ситуации, когда кумулятивный эффект усиливается даже относительно слабым вмешательством, например, распространением и пропагандой экстремистских идеологий.

В этой связи показательной является позиция главы Федеральной службы безопасности России. А.В. Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета 11 июня 2013 года назвал социальные сети в интернете источником экстремистских идей, с помощью которых ведется вербовка интернет-пользователей.

«Своеобразным источником идей экстремизма стала часть интернета. В социальных сетях создаются закрытые группы, активизируется деятельность сайтов, на которых ведется целенаправленная идеологическая обработка пользователей»³, — заявил Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета. По его мнению, на таких веб-ресурсах развернута широкомасштабная работа по привлечению экстремистами новых сторонников. «Современная практика борьбы с терроризмом свидетельствует о том, что важное место в процессе распространения террористических угроз принадлежит идеологии религиозно-политического экстремизма»⁴, — подчеркнул Бортников.

В условиях кризиса основных социальных институтов остается надежда на гражданское общество. Однако и здесь не все благополучно. Недобросовестные политические технологи пытаются использовать молодежные движения и организации в интересах политиков, запускающих процессы разрушения государственных структур и вообще любых элементов социальной организации.

В этих условиях единственным социальным институтом, способным защитить интересы мо-

лодежи и противостоять распространению экстремистских идеологий и экстремистских форм политического поведения оказывается система образования, в которой особое внимание должно быть уделено формированию четких мировоззренческих основ, опирающиеся на глубинные традиционные ценности Российского общества.

Список литературы

1. *Богатуров А.Д.* Усталость от американской ответственности // Независимая газета. 2006. 11 сентября. С. 3.

2. *Бельский В.Ю.* Экстремизм в восточной Европе как фактор мировой политики // КрУ МВД России. Крымский филиал (Симферополь). Материалы всероссийской научно-практической конференции: «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики». С. 228—231. 2015.

3. *Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография* / [В.Ю. Бельский и др]; под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.

4. *Левикова С.И.* Молодежный экстремизм как характерная черта неблагополучных социальных систем. // http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Ekstremizm.pdf

5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>

6. *Практика работы полиции зарубежных стран по предупреждению экстремистских проявлений среди молодежи* // Сборник аналитических и информационных материалов ВНИИ МВД России. М., 2008

7. *Золкин А.Л.* Постглобализм и проблема цивилизационного суверенитета России. // М: МГУ. Монография: «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия» С. 182—206, 2018.

¹ См.: *Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография* / [В.Ю. Бельский и др]; под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.

² *Левикова С.И.* Молодежный экстремизм как характерная черта неблагополучных социальных систем. // http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Ekstremizm.pdf

³ <http://news.mail.ru/incident/13455494/>

⁴ <http://news.mail.ru/incident/13455494/>

The Formation of the Worldviews of Cadets on Combating Political and Religious Extremism

Формирование мировоззренческих установок курсантов по противодействию политическому и религиозному экстремизму

Andrey Lvovich Zolkin,
Professor of the Department of philosophy,
doctor of philosophical sciences Moscow University
of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович Золкин,
профессор кафедры философии
Московский университет МВД России им.В.Я. Кикотя
доктор философских наук, доцент
E-mail: az20042004@mail.ru

Для цитирования. А.Л. Золкин. Формирование мировоззренческих установок курсантов по противодействию политическому и религиозному экстремизму. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 35—36.

Annotation. The article deals with the problems of extremism in connection with the socialization of young people in higher education. It is argued that one of the sources of extremism is a distorted understanding of social reality and the prospects of self-assertion. The conclusion is formulated that the domestic education should be based on the civilizational model of formation of socio-cultural competences.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы экстремизма в связи с социализацией молодежи в процессе высшего образования. Утверждается, что одним из источников экстремизма является искаженное понимание социальной реальности и перспектив самоутверждения личности. Формулируется вывод о том, что отечественное образование должно опираться на цивилизационную модель формирования социокультурных компетенций.

Key words: worldview, extremism, socialization, patriotism, liberalism, competence

Ключевые слова: мировоззрение, экстремизм, социализация, патриотизм, либерализм, компетенции

Одним из главных истоков политического и религиозного экстремизма является дезориентация человека в социально-политических и мировоззренческих смыслах своей жизни. Подобная дезориентация является в настоящее время не просто результатом сбоя в программах социализации индивида, а существенным качеством культурно-информационного контекста современности.

Важнейшую роль в трансформации дефектов социализации в экстремистское поведение играет манипулирование сознанием со стороны средств массовой информации. Необходимо переходить к ценностным формам воспитательного процесса в условиях новой информационной реальности. Для этого следует осмыслить потенциал патриотизма в борьбе с цивилизационной агрессией ряда стран, разжигающих различные формы экстремизма. Следует

признать: основным источником экстремизма сегодня является политика консолидированного Запада, направленная на глобальное доминирование и основанная на использовании в своих интересах объективных трудностей в развитии тех стран, которые рассматриваются как угроза. При этом используется понятие «угроза национальным интересам», которое маскирует угрозу глобального доминирования. Глобальное доминирование Запада объявляется национальным интересом США.

Западное общество превращается в неоталитарное общество. Граждане такого общества субъективно считают себя свободным, но объективно не имеют возможности выйти за пределы навязанного им ценностного стандарта как в силу угрозы десоциализации и маргинализации, так и в силу отсутствия основы для выработки собственной критической

позиции. Фактически, мы сталкиваемся с тем, что доминирующая сегодня культурная модель постмодернистского либерализма производит экстремизм как свою системную характеристику.

При этом следует учитывать, что «Болонская» система образования предназначена для социализации в глобальный либеральный порядок через адаптацию к проекту утопического капитализма. Образовательные стандарты нового поколения заменяют социокультурные компетенции на универсальные, где социализация сводится к тренировкам по выработке способности к «командной игре». Это либеральная и глобалистская идея о том, что человек есть одиночка, ищущий трудоустройства и заработка в глобальном мире и нуждающийся в навыках работы во временных коллективах в неизвестной стране.

Нежизнеспособность этой модели заключается в том, что современное общество не является воплощенной рыночной утопией. Оно продолжает оставаться смешанным обществом с незавершенными либеральными, социалистическими и консервативными проектами, да еще с «глубинными государствами» внутри. Если бы современные общества были бы либеральными, то они могли бы ограничиваться социализацией либерального типа на основе разумного эгоизма. Но общества такими уже не являются. Либерализм — это незавершенный утопический проект.

Следует отказаться от наивного либерализма. Он создает идеологию, которая разру-

шительно действует на реальность, поскольку оправдывает экономические преступления, политический экстремизм и утрату культурной идентичности как основы формирования личности. Мы должны противопоставить утопическому либеральному проекту цивилизационную модель социализации молодежи. Этот подход должен сочетать системное понимание реальности, внятно определить цивилизационные приоритеты развития страны, сформулировать принципы культурной идентичности. Либерализм должен быть заменен на концепцию цивилизационно-личностной коэволюции.

Список литературы

1. Бельский В.Ю., Сацута А.И. Политология: возможности и роль в формировании общекультурных компетенций сотрудников правоохранительных органов // Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение». № 4. С. 12—17. 2017.
2. Колотуша В.В. Глобальные проблемы как глобальные угрозы социального характера // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. № 1. С. 47—53. 2017.
3. Боровинская Д.Н. Динамика концептуальных представлений о человеке как выражение социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. № 335 (июнь). С. 30—34. 2010.
4. Лепехин В.А. Ценности Российской цивилизации в контексте изучения ее оснований // Социально-гуманитарное обозрение. № 4. С. 56—60, 2018.

The Role of Cultural (Creative) Industries in the Development of Modern Civilization

Роль культурных (креативных) индустрий в развитии современной цивилизации

Daria Nikolaevna Borovinskaya,
Ph.D in philosophy, docent of the Department
of social and humanitarian education of Surgut State
Pedagogical University
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Дарья Николаевна Боровинская,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарного
образования Сургутского государственного
педагогического университета
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Для цитирования. Д.Н. Боровинская. Роль культурных (креативных) индустрий в развитии современной цивилизации. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 37—38.

Annotation. The article analyzes the role and influence of scientific achievements of the XX century on the process of formation of modern approaches of cultural and creative industries. Attention is drawn to the fact that making up the basis of the economy of many developed countries, cultural industries directly or indirectly affect our understanding of the world, determine it.

Key words: civilization, creative product, commodity, economy of culture, cultural industries, creative industries

Аннотация. В статье анализируется роль и влияние научных достижений XX века на процесс формирования современных подходов культурных, креативных индустрий. Обращается внимание на тот факт, что составляя основу экономик многих развитых стран, культурные индустрии прямо или косвенно влияют на наше понимание мира, определяют его.

Ключевые слова: цивилизация, креативный продукт, товар, экономика культуры, культурные индустрии, креативные индустрии

Социальные преобразования и научные достижения XX века внесли много нового в толкование понятия «цивилизация», которая традиционно рассматривается как целостность экономической, социально-классовой, политической и духовной сфер жизни общества в определённых пространственных и временных границах. Эта целостность, как правило, выражается в наличии устойчивых взаимосвязей между сферами экономики и культуры.

Существует мнение, что цивилизация есть внешняя материальная оболочка культуры. И если принять во внимание тот факт, что переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки по преимуществу материальные, как, например, употребление железа и т.п.¹, то вполне естественно, что представления о цивилизации развиваются с позиции экономических концепций в тесной взаимосвязи с культурой. «Культурное производство и потребление все чаще вписываются в промышленные рамки, а по-

требляемые культурные блага рассматриваются как товары»².

Базовые принципы культурного контекста экономической деятельности были заложены ещё в классических теориях политической экономии Адама Смита и Дэвида Рикардо. Однако стоит отметить, что широкое развитие термин «экономика культуры» как междисциплинарное направление получает лишь в 1960-е годы, в связи с активным развитием частного бизнеса в культурном производстве.

К числу наиболее актуальных подходов следует отнести подход культурных (креативных) индустрий. Например, в рамках политической экономии данные исследования широко представлены в работах североамериканских и европейских авторов: Г. Бекера, Н. Гарнэма, П. Голдинга, Р. Макчесни, Б. Мьежа, Г. Мэрдока, Р. Петерсона, А. Турена, Д. Хезмондалша, Д. Хокинса, Н. Хомского, Г. Шиллера и многих других. Отдельного внимания заслуживают работы австралийского исследователя

Д. Тросби и новозеландца Б. Райена, посвященные экономическим аспектам культурной деятельности и культурному контексту экономики и экономического поведения.

Культурные (креативные) индустрии определяют современную цивилизацию. Как особые отрасли производства они представляют собой комплекс институтов (коммерческие компании, государственные и некоммерческие организации), участвующих в производстве социального смысла. Составляя основу экономик многих развитых стран, культурные индустрии прямо или косвенно влияют на наше понимание мира, определяют его. Широкое распространение получили транснациональные корпорации, целенаправленно вкладывающие огромные средства, например, в киноиндустрию, видео- и компьютерные игры, маркетинг и т.д.

Сравнивая культурные индустрии с другими формами капиталистического производства, Н. Гарнэм выделяет такие отличительные черты, как рискованность ведения бизнеса, наличие конфликта между креативностью и коммерцией, высокие затраты на производство и низкие затраты на воспроизводство продуктов индустрий, формирование общественных благ и потребность создавать дефицит³. По мнению Д. Хезмондалша, это индустрии, напрямую связанные преимущественно с промышленным или полупромышленным способом производства⁴.

Современная цивилизация немислима без многофункционального и высокотехнологичного процесса, ориентированного на массовые объемы производства товаров и услуг множества компаний и организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере культурных (креативных) индустрий. Рынок креативных товаров развивается лучше, чем многие другие отрасли: только за период с 2004 по 2013 год он вырос на 86,3%⁵.

Товары креативных индустрий возникают в результате творческого процесса, и обладают как экономической ценностью или стоимостью⁶, так и культурной ценностью, которая, по мнению Д. Тросби, содержится в некоторых аспектах культурных феноменов и обладает рядом характеристик: аутентичная ценность (эстетические характеристики: красота, гармония); духовная ценность (религиозный контекст); социальная ценность; историческая

ценность; символическая ценность; ценность подлинности⁷.

В целом формирование представлений о современной цивилизации — это процесс, обусловленный сущностным характером структурных трансформаций в обществе, происходящих из меняющейся природы экономики. Стремление к получению прибыли, удовлетворению потребностей и интересов провоцирует рациональное, осмысленное поведение людей в пользу экономически выгодного положения. Это обуславливает развитие и доминирование экономической составляющей современной цивилизации. При этом экономический подход сегодня не может быть реализован без контекста исследований культуры.

Если экономический подход был релевантен в условиях классической философии, то философия современная этот экономический подход нагружает социокультурным фактором: экономика обнаруживает себя в культуре. Например, социокультурный подход к исследованию продуктов современной цивилизации становится релевантным, поскольку даёт возможность увидеть его всесторонне, а не в ракурсе только одного фактора — экономики. Причина недостаточности кроется в чрезвычайном разнообразии продуктов, их постоянном изменении, временности существования, что обуславливается их коммерциализацией⁸.

¹ См.: Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.

² Боровинская, Д.Н. Экономические и культурные основания креативности // Вестник Томского государственного университета. 2014, № 388 (ноябрь). С.48.

³ См.: Garnham, N. Capitalism and Communication. L.: Sage, 1990.

⁴ См.: Хезмондалиш, Д. Культурные индустрии/ пер. с англ. И. Кушнарево; под науч. ред. А. Михалево; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.

⁵ См.: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/29/11/2017/5a1e66a09a79478521dc8da1>

⁶ См.: Howkins, J. The Creative Economy: How people make money from ideas. London: Allen Lane, Penguin, 2002. 288 p.

⁷ См.: Throsby, D. Economics and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 228 p.

⁸ См.: Боровинская, Д.Н. Специфика креативного продукта как товара культурной индустрии // Вестник Московского государственного университета культуры. 2016. № 3. С.133—140.

To the Question of Countering Extremist Ideology of Non-Traditional Religious Cults

К вопросу о противодействии экстремистской идеологии нетрадиционных религиозных культов

Yulia Aleksandrovna Koshkarova,
associate professor humanitarian, social and economic
and information and legal disciplines
Novorossiysk branch of the Krasnodar university
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
candidate of cultural science
E-mail: juli_and_eva@mail.ru

Юлия Александровна Кошкарова,
доцент кафедры гуманитарных, социально-
экономических и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета
Министерства внутренних дел РФ, кандидат культурологии
E-mail: juli_and_eva@mail.ru

Для цитирования. Ю.А. Кошкарова. К вопросу о противодействии экстремистской идеологии нетрадиционных религиозных культов. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 39—40.

Annotation. The author draws attention to the spread of non-traditional religions and sects as one of the serious threats to modern Russian society in terms of countering extremist ideology.

Key words: the threat of extremism, non-traditional religious beliefs, neo-cults, missionary activity, religious sects, lobbying the interests of non-traditional religious associations

Аннотация. Автор обращает внимание на распространение нетрадиционных вероучений и сект как одну из серьезных угроз современному российскому обществу в плане противодействия экстремистской идеологии.

Ключевые слова: угроза экстремизма, нетрадиционные религиозные вероучения, неокульти, миссионерская деятельность, религиозные секты, лоббирование интересов нетрадиционных религиозных объединений

Недооцененность экстремистской угрозы нетрадиционных религиозных вероучений и культов все еще остается одной из серьезных проблем современного российского общества. Традиционное цивилизационное противостояние «просвещенного демократического Запада» «консервативному и деспотическому Востоку» породило миф о перманентной угрозе, надвигающейся с Востока и необходимости активного противостояния ей в целях обеспечения всеобщей безопасности. Стремление в постсоветский период приобщиться к западной культуре и системе ценностей привело к укреплению данных стереотипов и в общественном сознании россиян. Как итог на рубеже XX—XXI вв. в качестве реальных и потенциальных экстремистов в России рассматривались, как правило, представители

фундаментального ислама [1, с. 277—293], а начавшаяся очередная (третья) волна экспансии неокультов, преимущественно западных, не встречала особого сопротивления.

По оценкам специалистов, в современной России насчитывается около 80 крупных нетрадиционных религиозных сект и от 500 до 3 тысяч мелких неокультов [2]. При этом значительная часть из них носит ярко выраженный деструктивный характер. Так, по данным Министерства Юстиции РФ в перечне организаций, признанных российскими судами экстремистскими, среди 64 организаций, религиозных насчитывается 24, включающих 8 исламистских объединений и 16 нетрадиционных вероучений и культов (не считая 397 местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы, закрытых после ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России») [3].

Проблема противодействия экстремистской идеологии нетрадиционных религиозных вероучений с конца 1990-х гг. поднимается представителями Русской православной церкви, а также отдельными учеными и представителями общественности. Однако реальные шаги в решении данного вопроса на государственном уровне начали предприниматься лишь в последние пару лет. В частности, в июле 2016 г., по инициативе депутата И. Яровой, в главу III Федерального Закона от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» были внесены дополнения, ужесточившие требования к миссионерской деятельности в России.

Сложность решения данной проблемы обусловлена рядом факторов. Прежде всего, закрытостью информации и замалчиванием многих практических аспектов деятельности нетрадиционных религиозных сект. Seriously осложняет процесс выявления деструктивных некультов и их мимикрия: осуществление государственной регистрации в качестве образовательных или медицинских организаций, продвижение квазисоциальных благотворительных проектов гуманистической направленности и т.п. Еще одним немаловажным

фактором является лоббирование интересов нетрадиционных религиозных объединений целым рядом представителей научного сообщества и политических кругов (результатами этого процесса стали отклонение проекта закона «О тоталитарных сектах» 2013 г. и внесение поправок в статью 11 Федерального Закона от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 2015 г. [4], упростивших государственную регистрацию религиозных организаций).

Список литературы

1. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
2. *Петин В.* 800 тысяч adeptов // Российская газета. 2014, 6 марта;
3. Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (Дата обращения 10.03.2018 г.);
4. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.09.2017 г.)

Characteristics of the Individual Juvenile Offender (on the Example of Krasnodar Region)

Характеристика личности несовершеннолетнего преступника (на примере Краснодарского края)

Sergey Petrovich Bondarev,
Senior lecturer, Department of criminal law and criminology
Novorossiysk branch of the Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
PhD in law
E-mail: serzh.bondarev.1983@bk.ru

Irina Olegovna Bondareva,
Lecturer of the Department of criminal procedure
and criminology Novorossiysk branch of the Krasnodar
University Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation, PhD in law

Сергей Петрович Бондарев,
Старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Новороссийского филиала
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел РФ,
кандидат юридических наук
E-mail: serzh.bondarev.1983@bk.ru

Ирина Олеговна Бондарева,
Преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминологии Новороссийского филиала
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел РФ,
кандидат юридических наук

Для цитирования. С.П. Бондарев, И.О. Бондарева. Характеристика личности несовершеннолетнего преступника (на примере Краснодарского края). Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 41—42.

Annotation. The authors draw attention to the spread of juvenile delinquency in the Krasnodar region.

Key words: minors, crimes, youth and teenage crime, Krasnodar region

Аннотация. Авторы обращают внимание на распространение преступности несовершеннолетних на территории Краснодарского края.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступления, молодежная и подростковая преступность, Краснодарский край

В последние годы остро стоит проблема молодежной и подростковой преступности, как в России, так и в зарубежных странах.

Личность несовершеннолетних преступников имеет характерные особенности, изучение которых дает возможность выбрать наиболее целесообразные меры для исправления, индивидуальной воспитательной работы и эффективной профилактики, а также для своевременной коррекции личности подростков, характеризующихся асоциальным поведением, но еще не вставших на путь преступления.

Характеризуя возрастные аспекты личности несовершеннолетних субъектов преступления, обратим внимание на следующее соотношение.

Субъекты преступления обладали следующими возрастными характеристиками: несовершеннолетние от 14 до 15 лет — 37,4%; несовершеннолетние от 16 до 17 лет — 62,6%; в группу лиц входили несовершеннолетние обеих возрастных категорий (от 14 до 17 лет) — 3,6%; группа включала несовершеннолетних различных возрастных категорий и совершеннолетних — 39,7%; единолично совершали преступления — 61,7% [1].

Лица несовершеннолетнего возраста женского пола, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, составляют в 2016 г. — 10,8%, 2017 г. — 8,8%. В 2010 [2, с. 62] году удельный вес девочек в структуре

несовершеннолетних преступников составлял 11%. Таким образом, мы можем заметить, что имеется тенденция снижения в рассматриваемом периоде с 10,8% до 8,8% [1].

Характеристика уровня образования несовершеннолетнего преступника имеет криминологическое значение, поскольку связана с культурой личности, ее социальным статусом, кругом контактов, жизненных планов и возможностей для его реализации.

Необходимо отметить, что в 2015 г. почти 29,2% несовершеннолетних рассматриваемой группы на момент совершения преступления нигде не учились и не работали, в 2016 г. — 50%, в 2017 г. — 24%; чуть более половины несовершеннолетних преступников (68%) в 2015 г. обучались в образовательных учреждениях, в 2016 г. — 66,0%, в 2017 г. — 63,7%; в 2015 г. — 2,8% — работали на временной или постоянной работе, в 2016 г. — 0,8%, в 2017 г. — 0,7% [1].

Переходя к рассмотрению структуры преступности несовершеннолетних, необходимо отметить стабильность распределения их по категориям тяжести совершенных преступлений. За последние семь лет число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, колеблется в пределах 22—30% (в 2010 г. — 29,8%, в 2011 г. — 27,6%, в 2012 г. — 22,6%, в 2013 г. — 21,8%, в 2014 г. — 23,3%, в 2015—25,7%, в 2016—31,3%, в 2017—32,4%) [1; 2, с. 63]. Причем показатель данных пре-

ступлений в отдельные годы превышает долю преступности в целом.

В последнее время среди молодежи растет число преступлений с психическими расстройствами, в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения. В состоянии алкогольного опьянения, в 2010 г. — 10,0%, в 2011 г. — 11,0%, в 2012 г. — 13,9%, в 2013 г. — 13,9%, в 2013 г. — 13,9%, в 2016 г. — 13,8%, в 2017 г. — 12,6% в состоянии наркотического опьянения, в 2010 г. удельный вес таких лиц составлял 0,2%, в 2011 г. — 0,4%, в 2012 г. — 0,4%, в 2013 г. — 0,7%, в 2014 г. — 1,1%, в 2016 г. — 1,1%, в 2017 г. — 0,8% (за последние семь лет она увеличилась в четыре раза) [1; 2, с. 63].

Подводя итог вышесказанному, преступление подростков может быть идентифицировано как самостоятельный вид преступления, характеризующийся лишь его количественными и качественными показателями его динамики в течение нескольких лет, что обусловлено, прежде всего, личностью преступника, а в основе всего этого, на наш взгляд, лежит эгоцентризм и неустойчивая психика.

Список литературы

1. Состояние преступности в России: статистические материалы: январь-декабрь 2016, январь-декабрь 2017 г. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД РФ». 2017.
2. Анисимова Я.Б. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11—2 (16). С. 60—66.

Education of Patriotism and Citizenship of Cadets of Higher Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs as a Means of Countering Extremism

Воспитание патриотизма и гражданственности курсантов высших учебных заведений системы МВД как средство противодействия экстремизму

Irina Borisovna Ryazantseva,
st. lecturer of the Department of socio-economic
and humanitarian disciplines of the Moscow regional
branch of the Moscow University of the Ministry
of internal Affairs. V.J. Kikot, candidate of economic
Sciences, associate Professor
E-mail: irina-ryazanceva@mail.ru

Ирина Борисовна Рязанцева,
ст. преподаватель кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Московского областного
филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент
E-mail: irina-ryazanceva@mail.ru

Для цитирования. И.Б. Рязанцева. Воспитание патриотизма и гражданственности курсантов высших учебных заведений системы МВД как средство противодействия экстремизму. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 43—45.

Annotation. The article considers the importance of the formation of effective patriotism among cadets of departmental universities, which is the main means of countering extremism. The results of sociological research are presented.

Аннотация. В статье рассматривается значение формирования действенного патриотизма у курсантов ведомственных вузов, выступающего главным средством противодействия экстремизму. Приводятся результаты социологического исследования.

Key words: patriotism, extremism, citizenship, police, sociological research

Ключевые слова: патриотизм, экстремизм, гражданственность, полиция, социологическое исследование

Мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором проблема национального, этнического, социального и политического экстремизма стоит особенно остро. По данным МВД России, на учете ОВД состоят 302 неформальных молодежных объединения, 50 из которых представляют наибольшую общественную опасность. По экспертным оценкам, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера — это лица, возраст которых не превышает 30 лет. Экстремистское поведение молодежи — одна из наиболее актуальных социально-политических и правовых проблем. Состояние, уровень, динамика экстремизма молодежи широко обсуждаются в средствах массовой информации и в специальной литературе, выпускаются аналитические сборники [4].

Обеспокоенность вызывает, в первую очередь, тот факт, что экстремизм становится все более масштабным, многоликим по видам проявления и преследуемым целям и способен проникать во все сферы социального бытия, а в своих преступных целях использует несовершенство законодательства, достижения науки и даже, что наблюдаем особенно в последнее время, религию. Именно в такой непростой ситуации сотрудники полиции должны суметь обеспечить конституционный правопорядок и надежно защитить права и законные интересы граждан. Ясно, что справиться с этой задачей возможно только при условии внутренней готовности, твердой гражданской позиции. Гражданственность характеризует личность сотрудника полиции как гражданина-патриота, несущего ответствен-

ность за судьбу своей Родины, сопричастность к ее судьбе и, вместе с тем, непримиримость ко всяким проявлениям экстремизма. В нашей учебной организации в этом направлении проводится целенаправленная работа как в учебном процессе, в первую очередь, в ходе преподавания социально-гуманитарных дисциплин, так и в рамках всевозможных мероприятий в свободное от занятий время.

С целью выявления результативность проводимой работы нами было проведено исследование «Патриотизм — основополагающее профессиональное качество сотрудника полиции» методом анкетирования [5]. Эмпирическим объектом настоящего исследования выступили курсанты и слушатели заочного обучения, являющиеся сотрудниками полиции Москвы и Московской области, Тверской, Калужской, Смоленской, Тульской, Белгородской областей, имеющие профессиональный стаж от 5 до 20 лет.

В рамках нашего круглого стола представим лишь некоторые полученные результаты.

Респондентам было предложено выбрать не более пяти наиболее приоритетных ценностей в жизни из 15 возможных вариантов.

Анализ показал, что в ряду ценностей на первом месте оказалась семья (курсанты — 100%, слушатели — 96%), на втором — здоровье (курсанты — 64%, слушатели — 80%), на третьем — дружба (курсанты 59%, слушатели — 56%).

Приоритеты курсантов и слушателей существенно различаются относительно таких ценностей как: материальный достаток (27% и 68% соответственно), справедливость (59% и 28% соответственно), безопасность (41% и 24% соответственно), духовность (9% и 28% соответственно). Если представленные различия можно объяснить различиями в социальных статусах (по возрасту, семейному, профессиональному положению и т.п.), то уж сложно поддается объяснению столь низкая оценка ценностей, которые должны быть неотъемлемыми качествами сотрудника полиции. Так, по результатам исследования, будущие (курсанты) и действующие (слушатели)

сотрудники оценили соответственно: патриотизм — 36% и 20%, законность — 32% и 32%, права человека — 14% и 0%, общественное признание — 9% и 0%.

Получается, что современного полицейского не интересует ни защита прав и свобод человека, ни отношение людей к полиции. Соответственно, он потенциально готов к действию (бездействию), влекущему нарушение закона, ради семьи, дружбы, материального достатка. И это мнение той части сотрудников, которые получают высшее университетское образование по выбранной профессии!

Анализ анкет показал, что лишь около трети опрошенных (32% курсантов и 28% слушателей) ассоциируют понятие «Родина» с государством. Большая часть выбрали ответ «родной край, страна, земля» (73% курсантов и 64% слушателей), а 5% курсантов и 8% слушателей затруднились ответить на этот вопрос.

Патриотизм, безусловно, подразумевает защиту своей страны, поэтому мы решили выяснить готовность респондентов встать на защиту Родины.

Готовность встать на защиту Родины высказали 100% курсантов (из них 86% твердо ответили «да», а 14% — «скорее да, чем нет») и 96% слушателей (84% ответили «да», 8% — «скорее да, чем нет», а 4% — затруднились ответить). При этом не все из опрошенных «защитников Родины» считают себя человеком, имеющим гражданскую позицию; к таковым относят себя 86% курсантов и 72% слушателей.

Чувство гордости за свою страну испытывают 84% респондентов (4% ответили «нет», 12% затруднились ответить). По данному вопросу ответы курсантов и слушателей полностью совпали.

На вопрос «В чем, на Ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм?» было предложено выбрать не более трех вариантов из предложенных ответов. Мнения участников опроса, представленные в диаграмме 2, распределились следующим образом:

- курсанты: в уважении традиций — 77%, в укреплении семьи и воспитании детей — 68%, в беседах со знакомыми на патриотические темы — 55%, в праздновании исторических событий и юбилеев — 50%, в работе с полной отдачей — 27%, в конструктивной критике недостатков в своей стране — 14%, в голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов — 5;
- слушатели: в уважении традиций (84%), в укреплении семьи и воспитании детей (60%), в работе с полной отдачей (44%), в праздновании исторических событий и юбилеев — 28%, в голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов — 28%, в конструктивной критике недостатков в своей стране — 12%, в разговорах и беседах со знакомыми на патриотические темы — 4%, затруднились ответить — 8%.

Таким образом, проведенное исследование выявило, что у респондентов различное понимание патриотизма. Однако в целом, понятия «патриотизм», «гражданский долг» находятся на формально-вербальном уровне, представления о профессиональном и гражданском долге очень расплывчаты.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что далеко не все сотрудники полиции считают, что патриотизм — это не только теоретическая любовь к Родине, но и долг перед ней.

Вместе с тем, следует согласиться с мнением доктора юридических наук, профессора С.А. Воронцова, который утверждает, что «появление качественно нового типа мировой культуры ставит перед Российским государством задачу переформулирования содержательного понятия патриотизма от теоретического и общеизвестного «патриотизм это любовь к Родине» к действенному «патриотизм — это также служение Родине» [3].

Список литературы

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 08.02.2011. № 25.
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 № Пр-2753). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www/scrf.gov.ru>.
3. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Вилков А.А. Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 70—74.
4. Кочиева Л.Г. Патриотизм, национализм, экстремизм: сравнительный анализ // Молодой ученый. 2014. № 20. С. 483—485.
5. Рязанцева И.Б. Патриотизм — основополагающее профессиональное качество сотрудника полиции (результаты социологического исследования среди курсантов) // В сборнике: Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Научно-практическое издание. Саратов 2016. С. 192—196.

The Educational Process in the Military Higher Education: Correction of Training and Methodological Paradigm

Образовательный процесс в силовых вузах: корректировка учебно-методической парадигмы

Vladimir Anatolievich Lepekhin,
Director of the Institute of the EAES,
candidate of philosophy
E-mail: vlepchin2015@yandex.ru

Владимир Анатольевич Лепехин,
директор института ЕАЭС,
кандидат философских наук
E-mail: vlepchin2015@yandex.ru

Для цитирования. В.А. Лепехин. Образовательный процесс в силовых вузах: корректировка учебно-методической парадигмы. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 46—48.

Annotation. The article draws attention to the multidimensional nature of the problem of youth extremism, its political, social, cultural and other aspects. It is shown that one of the foreshortenings of this topic is the process of transformation of the communication space.

Key words: educational process, youth environment, radicalism, extremism, terrorism, social institution

Аннотация. В статье рассматривается развитие и корректировка образовательного процесса в силовых вузах. Показывается и раскрывается что, в современных российских гуманитарных науках преобладают две основные парадигмы оценки таких явлений, как экстремизм и терроризм. Дается их краткий анализ.

Ключевые слова: образовательный процесс, молодежная среда, радикализм, экстремизм, терроризм, социальный институт

Вне всякого сомнения, проблемы российской молодежи должны находиться и находятся сегодня в поле зрения силовых ведомств. Без анализа молодежных трендов, невозможно строить образовательный и воспитательный процессы, в рамках которых формируются основные образовательные парадигмы. Как специалистов в области обеспечения правопорядка и государственной безопасности нас волнуют проблемы роста в ряде регионов мира таких явлений как политический экстремизм и терроризм. Как специалистов в области преподавания гуманитарных наук нас, разумеется, не могут не интересовать проблемы, связанные с организацией учебно-воспитательного процесса.

Выстроим логическую связку этих тем в таком порядке.

Первое: проблема нарастания в мире и России политического экстремизма и между-

народного терроризма — это, безусловно, одна из важнейших глобальных угроз.

Второе: названные явления характерны, в первую очередь, для молодежи (и российская молодежь здесь не исключение).

Третье: основным направлением предупреждения экстремизма и терроризма является учебно-воспитательный процесс; применительно к современной России — качество и структура существующей в РФ образовательной системы.

Как один из авторов Федерального закона № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» и соавтор трех монографий на эту тему, я мог бы долго говорить о том, что такое современные экстремизм и терроризм, каковы их истоки, сущности и проч. Но хочу высказать несколько суждений о другом — о том, как эта тема представлена сегодня в учебно-методических пособиях и как она

ДОЛЖНА БЫТЬ представлена, если мы все-речь собираемся противодействовать названной глобальной угрозе.

В современных российских гуманитарных науках (и соответственно, в их преподавании студентам) превалируют две основных парадигмы оценки таких явлений, как экстремизм и терроризм.

Первый подход, который к настоящему времени практически сошел на нет, связан с советскими оценками международного терроризма как явления, порожденного глобальным капиталистическим рынком. В самом деле, кто из нас, преподавателей не знаком с тезисом о том, что капиталист в погоне за сверхприбылью не остановится ни перед чем, включая самые чудовищные преступления перед человечеством? И чем были всем хорошо известные войны западных стран против Советского Союза во Второй мировой войне, затем США — во Вьетнаме, Ираке и еще в двух десятках стран, как не масштабными террористическими акциями по запугиванию, захвату и уничтожению тех или иных независимых государств?

Для нас неоспоримо, что западные пропагандисты перевернули все с ног на голову и создали миф о «красном терроре», приписав насильственные сущности и агрессивные наклонности Советскому Союзу, его союзникам и левым силам. Хотя совершенно очевидно, что в контексте Второй мировой и последующих войн 20 века СССР всегда был обороняющейся стороной, либо стороной, защищающей левые силы, в то время как Запад всегда был стороной экспансионистской и атакующей.

В итоге западным пропагандистам удалось запутать не только мировые СМИ, но и гуманитарные науки. Реальные национально-освободительные и антиимпериалистические движения и акции на Западе маркировались не иначе как «террористическими», в то время как карательные акции мирового капитала по подавлению освободительных движений в странах третьего мира, осуществляемые руками нацистов и разного рода

наемников и бандитов, подавались как действия «повстанцев» и «партизан» либо как «контртеррористические» операции.

Гуманитарная наука оказалась в плену у западной внешнеполитической пропаганды — и до сих пор она находится у нее в плену.

Второй подход к рассмотрению названного явления распространился в западной гуманитарной науке, а вслед за этим стал мейнстримальным и в российской гуманитарной среде уже после упразднения СССР и обвала мирового коммунистического движения.

В этот период, поскольку исчез сам объект, выдаваемый западными пропагандистами за «Обитель зла», у США и их союзников пропала возможность приписывать собственные экспансионистские действия своим геополитическим противникам. С другой стороны — отпала и сама необходимость это делать. В 90-е годы прошлого века США и страны НАТО перешли к открытому террору против суверенных стран, включая Россию. Орудием же этого террора стали абстрактные «международные террористы» — без гражданства, прописки и официально признаваемых источников финансирования.

Классика жанра — приписывание террористической акции в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года созданной самими американскими спецслужбами запрещенной в РФ террористической группировке «Аль-Каеда», возглавляемой мифическим Бен-Ладеном.

Сегодня мир вроде бы начал разбираться, что так называемые «международные террористы», например, в Сирии, которых США называют «умеренной оппозицией», на самом деле являются разновидностью финансируемых Западом ЧВК, решающих чисто коммерческие задачи в интересах своих спонсоров. Проблема, однако, в том, что вся современная гуманитарная наука, российская — в том числе, оперируют понятиями и суждениями, вытекающими из западных пропагандистских установок, а не из серьезных исследований таких явлений, как международный терроризм и политический экстремизм.

Подавляющее большинство учебно-методических пособий в современной России исходят из того, что «глобализм по-американски» — это вполне безобидное, неизбежное и в целом позитивное явление.

В этих же пособиях нет анализа истинных причин международного терроризма, включая анализ его обусловленности самим характером современного глобального капитализма.

Международный терроризм и экстремизм рассматриваются как абстракции: все внимание здесь обращается на форму активностей, а не на их истинные цели и содержание.

Как результат, подлинный экстремизм не замечается, в то время как не обязательно силовая реакция тех или иных сил на экстремизм подается как собственно экстремистские действия. Классический пример: в западных «научных» изданиях законные действия «Беркута» на майдане в Киеве по защите конституционного строя подаются как экстремизм, в то время как антизаконные силовые действия специально подготовленных боевиков квалифицируются как «меры самозащиты».

К счастью, в российских гуманитарных науках до таких конъюнктурных крайностей дело пока не доходит. Однако, сдается, что если бы не было в отношении оценок названных событий на Украине конкретных установок власти, и в России дело обстояло бы ровно так, как оно обстоит сегодня в западной гуманитарной науке: настолько плотно и не критично нынешние российские гуманитарии продвигают прозападные псевдонаучные штаммы.

Как видим, вопросов — огромное количество. И ответить на них просто необходимо. В противном случае под видом образования российской молодежи мы вынуждены будем

продвигать в учебном процессе установки нашего геополитического противника.

Нам нужно подвергнуть серьезной корректировке методологическую парадигму гуманитарного знания и полностью обновить понятийный аппарат современных российских общественно-политических наук, по меньшей мере, на самых актуальных их направлениях, какими являются исследования в области политического экстремизма, терроризма, современных войн и военных конфликтов. А в качестве методологической основы такой работы нужно, как я полагаю, рассматривать обновленную с учетом требований времени стратегию национальной безопасности России, которая давно должна быть трансформирована в Стратегию цивилизационной безопасности.

Список литературы

1. *Лепехин В.А.* Ценности Российской цивилизации в контексте изучения ее оснований // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 4. С. 56—60.
2. *Бельский В.Ю.* Изучение социально-гуманитарных дисциплин в образовательных учреждениях МВД России как фактор укрепления национальной безопасности // КрУ МВД России. Крымский филиал (Симферополь). Материалы всероссийской научно-практической конференции: «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы». 2017. Т. 2. С.150—152.
3. *Золкин А.Л.* Постглобализм и проблема цивилизационного суверенитета России. // М: МГУ. Монография: « Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия». 2018. С. 182—206.

Formation of Civilizational Identity of Russian Youth in the Educational Process

Формирование цивилизационной идентичности российской молодежи в образовательном процессе

Vyacheslav Vladimirovich Kolotusha,
Professor of the Department of social and human Sciences and natural Sciences of the Moscow psychological and social University, doctor of philosophy
E-mail: kolot2009@yandex.ru

Вячеслав Владимирович Колотуша,
профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского психолого-социального университета, доктор философских наук
E-mail: kolot2009@yandex.ru

Для цитирования. В.В. Колотуша. Формирование цивилизационной идентичности российской молодежи в образовательном процессе. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 49—50.

Annotation. The formation of a polycentric world is a global social process of our time, which is accompanied by a significant intensification of information warfare. In these conditions, the humanitarian component of secondary vocational and higher education is intended to be the protection and means of forming the spiritual self-sufficiency of young people. It is necessary to strengthen its Patriotic orientation, to form awareness of national interests among young people, readiness to protect and defend them.

Key words: civilizational identity, polycentric world, information confrontation, humanitarian component of education, patriotism, national interests, threats to national security

Аннотация. Становление полицентричного мира является глобальным социальным процессом нашего времени, который сопровождается значительной активизацией информационного противоборства. В этих условиях защитой и средством формирования духовной самодостаточности молодежи призвана быть гуманитарная составляющая среднего профессионального и высшего образования. Необходимо усилить его патриотическую направленность, формировать у молодых людей осознание национальных интересов, готовность их защищать и отстаивать.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, полицентричный мир, информационное противоборство, гуманитарная составляющая образования, патриотизм, национальные интересы, угрозы национальной безопасности

Становление полицентричного мира является глобальным социальным процессом нашего времени. На фоне нежелания расстаться с прежней моделью мироустройства нарастает информационное давление США и их союзников на те страны, которые отстаивают свой суверенитет и цивилизационную самобытность. В условиях такого противоборства наши граждане и прежде всего молодежь должны обладать идейной «упругостью», быть готовыми противостоять любым информационным атакам со стороны наших противников.

Общество может существовать и развиваться как самодостаточная социальная группа только в условиях наличия общих ценностных ориентиров, общих духовных основ. Духовный арсенал формирования цивилизационной идентичности нашей молодежи со-

держит такие скрепы, как патриотизм, общая историческая память, идея справедливости, осознание своей принадлежности к российской цивилизации, к цивилизации Северо-Востока, к Русскому миру, к миру кириллицы, осознание себя гражданами стержневого государства нашей цивилизации. Среди институтов, которые призваны транслировать эти идеи новым поколениям граждан России, особое место принадлежит образованию. В условиях, когда страны Запада развязали информационную войну против России, усиливают давление на отечественную духовную сферу в целях подчинения российского общества их интересам, должно быть переосмыслено содержание универсальных компетенций и учебных дисциплин, с помощью которых они реализуются.

В идейном противоборстве с нашими противниками своего рода «защитным поясом» нашей духовной самодостаточности призвана быть гуманитарная составляющая в системе среднего профессионального и высшего образования. Следует продолжить выработку единых подходов к содержанию гуманитарной составляющей образования. Необходимо раскрывать обучающимся картину мира социального, формировать у них понимание национальных приоритетов, осознание угроз безопасности России, бдительность по отношению к проявлениям духовной агрессии против основополагающих ценностей нашей цивилизации.

Образовательная деятельность в образовательных учреждениях России направлена в первую очередь на подготовку специалистов. В процессе обучения будущие специалисты должны приобретать не только необходимые в профессии знания и навыки, но и усваивать ценности, традиции, правила и нормы поведения, которые составляют духовно-нравственный каркас их профессиональной активности, направленной на реализацию национальных интересов.

В формировании осознанного и устойчивого патриотизма молодежи, готовности к противодействию политическому и религиозному экстремизму, большую роль играют такие дисциплины как философия, этика, политология, социология, история, религиоведение и другие.

В условиях острого информационного противостояния представляется необходимым

при разработке универсальных компетенций для ФГОС следующего поколения в качестве наименования категории первой из них предложить следующее название «Патриотизм, готовность к защите российских национальных интересов, ценностей и традиций». Ее наименование, желательно было сформулировать следующим образом: «Выпускник способен к выбору мировоззренческих ориентиров на основе знания и уважения отечественной истории и культуры, осознания своей цивилизационной идентичности».

Таким образом, в условиях перехода к полицентричному миру усиливается информационное давление цивилизации Запада на российскую и другие цивилизации, что обуславливает необходимость усиления гуманитарной составляющей образовательного процесса, придания ей отчетливой патриотической направленности.

Список литературы

1. Колотуша В.В. Глобальная составляющая угроз пограничной безопасности общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2. С. 62—67.
2. Колотуша В.В. Глобальные проблемы как глобальные угрозы социального характера // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 47—53.
3. Колотуша В.В. Пограничная сфера общества в условиях становления многополярного мира // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 280—288.

Problem of Forming Adequate Perception of Extremism Ideology in Teaching Political Science

Проблема формирования адекватного восприятия идеологии экстремизма в преподавании политологии

Arkadi Nikolaevich Borozdin,
Professor of the Department of Sociology and Political
Science Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of Philosophy,
Associate Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Аркадий Николаевич Бороздин,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук, доцент
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования. А.Н. Бороздин. Проблема формирования адекватного восприятия идеологии экстремизма в преподавании политологии. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 51—52.

Annotation. Analyzing the origins and development of modern extremism and terrorism, the author comes to the conclusion that without a detailed study of the history of radical political doctrines, it is impossible to understand and counter this phenomenon at the ideological level.

Key words: strengthening of extremist manifestations, assessment of the ideology of extremism, perception of the problems of political extremism, right-wing organizations and movements, ideological opposition to extremism

Аннотация. анализируя истоки возникновения и процесс развития современного экстремизма и терроризма автор приходит к выводу, что без детального изучения истории радикальных политических учений невозможно его понимание и противостояние этому явлению на идеологическом уровне.

Ключевые слова: усиление экстремистских проявлений, оценка идеологии экстремизма, восприятие проблем политического экстремизма, праворадикальные организации и движения, идеологическое противостояние экстремизму

Жизнедеятельность социума во все времена сопровождалась и в изрядной степени обусловливалась политическим и идеологическим противоборством различных социально-политических сил. Современный этап развития мировой политической жизни характеризуется усилением экстремистских проявлений в сфере политической и идеологической деятельности. Курсанты высших учебных заведений системы МВД России по самому характеру своей будущей, а именно — правоохранительной деятельности, должны уметь четко выявлять и адекватно оценивать не только противоправные действия экстремистской направленности тех или иных лиц или организованных групп, но и свободно ориентироваться в идеологических компонентах данного идейно-политического феномена. Во избежание нежелательных эксцессов, сотрудники полиции должны уметь четко отличать идеологию легальной, системной политической оппозиции от экстремистских проявлений по-

литической деятельности. В решении данной задачи первостепенное значение имеет добросовестное и успешное изучение курсантами соответствующей проблематики курса политологии. Для обеспечения эффективного решения проблемы формирования адекватного восприятия и грамотной оценки идеологии экстремизма (без чего невозможно и противодействие практической деятельности экстремистских сил), определяющую роль играет проблематика, связанная с историей политических учений и современными политическими идеологиями. Именно здесь курсанты получают фундаментальные знания и умения анализа и адекватной оценки политических феноменов радикализма и экстремизма.

Последние сто лет мировой истории не просто характеризуются наличием политического экстремизма и террора, но буквально перенасыщены ими, прежде всего классическими образцами их проявления: революциями и контрреволюциями, войнами, в том числе

и двумя мировыми в XX веке, а в конце XX — начале XXI веков — довольно мощным всплеском исламского радикализма и экстремизма и соответствующих террористических движений и группировок.

Политический экстремизм является продуктом развития крайних форм политического радикализма. Он означает приверженность к крайним взглядам и методам в политике (от фр. *extremism*, или лат. *extremus* — крайний). К экстремистским обычно относят организации и движения, которые абсолютизируют насильственные, вооруженные — вплоть до массового террора — методы и средства политической борьбы. Следовательно, специфика экстремизма напрямую сопрягается не только и не столько со специфическими целями, идеалами той или иной политической силы, а, прежде всего, с исповедуемыми и применяемыми для их достижения средствами и методами. Радикальные настроения, взгляды, идеологии, организации всегда были и есть, различаются только степень их проявления и распространения, влияния в политической жизни общества. Экстремизм же более ситуативен, чаще всего он проявляется тогда, когда иные методы и средства достижения политических целей недостаточно эффективны, или вообще не срабатывают. Поэтому экстремизм никогда принципиально не отказывался от террора как тактического, а иногда и стратегического средства политической борьбы. Не случайно в определениях терроризма, как у зарубежных исследователей, так и отечественных общим местом является его толкование как особой формы или метода политического насилия для достижения поставленной цели посредством нагнетания страха, запугивания (от лат. *terror* — страх, ужас). Феномен ужаса демонстрирует крайнюю степень нагнетания чувства страха и включает в себе прежде всего деструктивное, дезорганизирующее начало — надо запугать людей до такой степени, чтобы они лишились здравого смысла, собственной воли, поддались настроениям отчаяния и паники.

Несомненная злободневность формирования адекватного восприятия проблем политического экстремизма и терроризма в жизни современного общества предполагает изучение не только его нынешних причин проявле-

ния, но и постановку более фундаментальных проблем о сущности и социальной обусловленности этих феноменов. Данная проблема в большей или меньшей степени была актуальна всегда, и степень эта была обусловлена уровнем интенсивности и масштабности проявления и распространения соответствующих процессов. Все ведущие политические силы, определявшие и определяющие политические процессы в мире, не отказывались от использования (в случае необходимости) крайних, — т.е. экстремистских мер в политике. Все они: от консерваторов и либерал-демократов, до фашистов и неонацистов — справа, и социалистов, коммунистов и даже многих анархистов — слева, если и не всегда декларировали свою приверженность насилию и террору, то и не отрекались от них, в случае необходимости, на практике. Ветхозаветный принцип: «око за око, зуб за зуб» был одним из ведущих во всей политической истории человечества.

Конец XX — начало XXI веков характеризуются усилением экстремистских, террористических устремлений в среде организаций и движений, прежде всего праворадикальной ориентации. Основными, базовыми компонентами правоэкстремистской идеологии в это время становятся два фактора — религиозный и националистический. В последние же годы эти факторы всё более явственно приобретают цивилизационный, или точнее, межцивилизационный характер. В деятельности по противодействию экстремизму и терроризму важно учитывать не только то, кто инициирует, создает, финансирует и направляет террористические организации, но и идеологическое обеспечение их деятельности. Без учета этого фактора идеологическое противостояние экстремизму абсолютно бесперспективно.

Список литературы

1. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография. // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
2. Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Цивилизационные угрозы в современном мире и их преодоление (к 70-летию со дня создания ООН) / М: Библиотека факультета политологии МГУ. Монография: «Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века». 2016. С. 141—159.

Problems of Formation of Relationship to Manifestations Extremism and Terrorism in the Teaching Process Social and Humanitarian Disciplines

Проблемы формирования отношения к проявлениям экстремизма и терроризма в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин

Dmitri Georgievich Loshakov,
Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
E-mail: dmi353@yandex.ru>

Дмитрий Георгиевич Лощаков,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: dmi353@yandex.ru>

Для цитирования. Д.Г. Лощаков. Проблемы формирования отношения к проявлениям экстремизма и терроризма в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 53—54.

Annotation. Comparing the formal legal and socio-humanitarian approaches to the definition of extremism, the author seeks to show how their opposition can affect the attitude of students in the system of educational institutions of the Russian Interior Ministry to the very phenomena of extremism and terrorism.

Key words: learning process, contradictory definition of extremism, formal legal and socio-humanitarian approaches, methodological pluralism, dysfunction of the social system

Аннотация. Сравнивая формально-юридический и социально-гуманитарный подходы к определению экстремизма, автор стремится показать как их противопоставление может сказаться на отношении обучающихся в системе учебных заведений МВД России к самим явлениям экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: процесс обучения, противоречивость определения экстремизма, формально-правовой и социально-гуманитарный подходы, методологический плюрализм, дисфункция социальной системы

Если кратко сформулировать суть вопроса, то речь идет о несовпадении доминирующих в системе учебных заведений МВД России юридических определений экстремизма и терроризма с их пониманием в социально-гуманитарных дисциплинах.

Правовой подход делает акцент на противоправном и антигосударственном характере названных явлений, что часто приводит к их чрезмерной идеологизации и политизации. Напротив, социально-гуманитарные дисциплины стремятся охватить весь спектр социальных причин и форм проявления экстремизма и терроризма, что нередко уводит их в сторону объективистской безоценочной трактовки данных явлений.

Если с точки зрения формально-правовой экстремизм и терроризм представляют собой

крайне опасные, угрожающие жизни и здоровью граждан и затрагивающие основы общественного строя деяния, то с точки зрения социально-гуманитарной и то и другое явления могут рассматриваться как формы социального протеста. Каждый из этих подходов имеет свою оправданность и свою логику, но сознанию учащегося бывает трудно совместить столь далеко отстоящие друг от друга, если не противоречащие друг другу позиции, которые соединяют в одном лице преступника и пострадавшего. Ситуация усугубляется еще и тем, что в самих социально-гуманитарных кругах отсутствует однозначное понимание природы экстремизма и терроризма. Так, психологи делают акцент не столько на терроризме, сколько на терроре, — на самом процессе создания в обществе атмосферы страха

и паники с целью давления на власть. Политологи в зависимости от контекста видят в терроризме или крайнюю форму политического экстремизма, или форму политического протеста. Экстремизм и терроризм пытаются трактовать и как дисфункцию социальной системы и как разновидность социального конфликта и т.п.

Сложить эти определения в единую концепцию пока не получается, ибо они начинают противоречить друг другу, и учащийся попадает в ловушку двойных и тройных стандартов, когда в одной системе координат теракт однозначно оценивается как бесчеловечное преступное деяние, а в другой, — как героическая акция во имя интересов своего народа. В равной степени не удастся подвести под общий знаменатель террор, исходящий от государственной власти, в целях поддержания политической стабильности, и террор антигосударственный, направленный на дестабилизацию этой же власти, при том, что измеряемые в человеческих жертвах последствия массовых репрессий со стороны государства всегда на порядки выше, чем у оппонентов политики этого государства.

В рамках учебного процесса обозначенные выше трудности могут быть частично минимизированы на пути методологического плюрализма, согласно которому любое соци-

альное явление включено в сложную и к тому же меняющуюся систему связей и отношений, и в силу этого допускает множество различных подходов к его рассмотрению. Однако подвергая экстремизм и терроризм разностороннему анализу важно не скатиться на позиции примитивного констатирующего объективизма, не упустить из виду ценностный, субъективно-оценочный аспект рассмотрения названных явлений, который собственно и служит основанием для выработки мировоззренчески зрелого отношения к различным проявлениям экстремизма и терроризма с учетом их реальной общественной опасности. В любом случае следует избегать противопоставления социально-гуманитарного подхода к проявлениям экстремизма и терроризма их юридической правовой оценке.

Список литературы

1. Бельский В.Ю. К.Д. Ушинский об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования // Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение». 2018. № 4. С. 8—12.
2. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.

Education as a Factor of Personal and Professional Development of Modern Youth

Образование как фактор личностно- профессионального развития современной молодежи

Nina Mikhaylovna Novikova,
senior teacher humanitarian, social and economic
and information and legal disciplines
Novorossiysk branch of the Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
candidate of pedagogical sciences
E-mail: tanm75@mail.ru

Нина Михайловна Новикова,
ст. преподаватель кафедры гуманитарных, социально-
экономических и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета
Министерства внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук
E-mail: tanm75@mail.ru

Для цитирования. Н.М. Новикова. Образование как фактор личностно- профессионального развития современной молодежи. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 55—56.

Annotation. The article is devoted to problems of professional formation of the personality in higher education institution and formations of model of the expert, the main directions of realization of professional socialization are considered.

Key words: professional socialization, professional formation, personal development, expert's model, humanistic values

Аннотация. Статья посвящена проблемам профессионального становления личности в вузе и формирования модели специалиста, рассмотрены основные направления реализации профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессиональная социализация, профессиональное становление, личностное развитие, модель специалиста, гуманистические ценности

Значение образования в формировании гармонично развитой личности в настоящее время высоко как никогда. Образование для современного выпускника не только ограничивается прикладным инструментарием в виде профессиональных знаний, умений и навыков, но и является основой для дальнейшего духовно-нравственного развития.

Главная цель высшего образования — развитие личности человека, проявляющейся во всех сферах ее жизнедеятельности, включая профессиональную деятельность, чему и призвана способствовать концепция профессиональной социализации, основными направлениями реализации которой являются:

- выявление механизмов превращения индивида в профессионала как в целом, так и применительно к отдельным стадиям его профессионального становления;

- разработка эффективных методов взаимодействия, управления, сотрудничества и сопровождения человека в процессе профессиональной социализации, которые были бы адекватны меняющейся ситуации профессионального развития человека;
- обеспечение единства и преемственности методов формирования профессионала и его сопровождения на различных этапах профессионального пути [3].

Традиционно считается, что отправной точкой для построения системы педагогических целей применительно к высшему образованию служит модель специалиста. Причем сама модель специалиста не является психолого-педагогическим конструктом, она становится инструментом решения педагогических задач, когда на ее основе строится модель подготовки будущего специалиста, в которой

осуществляется проекция требований к специалисту на требования к организации учебного процесса, к содержанию учебных планов, программ, к методам обучения.

Модель специалиста понимается как некий идеал, который должен быть достигнут при реализации вузовской подготовки. В широком плане под моделью специалиста понимается совокупность профессионально значимых качеств, определяющих его способность трудиться в условиях рыночных отношений, добиваясь результатов, адекватных требованиям общественного и научно-технического прогресса. Модель специалиста как исследовательский аппарат должна обладать определенными свойствами и строиться на определенных принципах, обеспечивающих достижение поставленных целей.

Профессиональное становление находится в неразрывной связи с личностным становлением, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Накопление знаний, умений и навыков преобразует качественно, прежде всего, внутренний мир личности, способствует росту и совершенствованию системы ценностных ориентаций, что, в конечном итоге, приводит к трансформации личностных качеств в профессионально-интеллектуальные свойства. Формирование и становление профессионала приводит к возрастанию уровня требований к себе, как к личности, что способствует непрерывному и качественному росту Я — личности и Я — профессионала. Поэтому профес-

сиональная социализация основывается на профессионально-интеллектуальных свойствах и личностных качествах, которые складываются благодаря имеющейся системе ценностных ориентаций, в свою очередь формирующиеся по мере совершенствования умений и навыков. Таким образом, профессиональная социализация будущего специалиста представляет собой четкую систему, интегрирующую ценности профессиональной деятельности, общепрофессиональные и специальные знания, социальный опыт, ориентированную на самосовершенствование личности.

Список литературы

1. *Анохина Т.В.* Педагогическая поддержка как реальность современного общества [Текст] / Т.В. Анохина // Новые ценности образования: Забота — Поддержка — Консультирование. М.: Инноватор, 1996. С. 71—88.
2. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения [Текст] / В.В. Давыдов. М.: Интор, 1996. 544 с.
3. *Шварцкоп С.Г.* Формирование профессионального самосознания практического психолога образования в процессе профессиональной социализации: Дис. ... канд. психол. наук [Текст] / С.Г. Шварцкоп. М., 2005.
4. *Бельский В.Ю. К.Д. Ушинский* об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования // Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение». № 4. С. 8—12. 2018.

The Role of Social and Humanitarian Disciplines in the Prevention of Extremism

Роль социально-гуманитарных дисциплин в профилактике экстремизма

Andrey Dmitrievich Korolev,
PhD in Philosophy, Senior Research Fellow,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: korolev7772008@yandex.ru

Андрей Дмитриевич Королёв,
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник Института философии РАН
E-mail: korolev7772008@yandex.ru

Для цитирования. А. Д. Королёв. Роль социально-гуманитарных дисциплин в профилактике экстремизма. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 57—58.

Annotation. The article analyzes the role of teachers of social and humanitarian disciplines in the prevention of extremism. Attention is drawn to the fact that teachers should educate their students in the ability to think critically, to form abstract concepts, to expand their horizons, to take care of the meaning of life.

Аннотация. В статье анализируется роль преподавателей социально-гуманитарных дисциплин в профилактике экстремизма. Обращается внимание на тот факт, что преподаватели должны воспитывать в своих учениках умение критически мыслить, формировать абстрактные понятия, максимально расширять свой кругозор, заботиться о смысле жизнедеятельности.

Key words: teaching of social and humanitarian disciplines, prevention of extremism, abstract thinking, meaning of life

Ключевые слова: преподавание социально-гуманитарных дисциплин, профилактика экстремизма, абстрактное мышление, смысл жизнедеятельности

Для предотвращения политического и религиозного экстремизма преподавателям социально-гуманитарных дисциплин следует иметь в виду следующее:

1. Экстремистом никогда не будет тот человек, который хорошо знает историю и географию самых разных стран и народов. Сравнение с другими странами — это лучшее средство избежать экстремизма. Приведём пример. Если считать, что за последние 30 лет промышленные предприятия закрывались только в России, то очень легко во всём обвинить руководителей нашей страны и перейти на ту или иную систему экстремистских взглядов. Если знать, что тоже самое происходило в Европе и США, то экстремистом никогда не станешь. Достаточно понять, что в США семьдесят тысяч уникальных промышленных предприятий ликвидировали не Чубайс, Гайдар или Ельцин, чтобы навсегда охладить горячие головы. Коммунистическая

партия никогда не управляла Турцией, однако, цены от ста тысяч до миллиона раз росли одновременно в Турции и России.

2. Экстремистом никогда не будет тот, кто овладел абстрактным мышлением. Например, человек, владеющий абстрактным мышлением, прекрасно знает, что ничем не обеспеченные билеты (*note*, по-английски), которые во всех странах мира выдают за деньги, не являются полноценными деньгами, а потому рисковать жизнью ради денег не стоит. Эти единицы и нолики в компьютере в любой момент могут перевести в другие страны, как это произошло в Аргентине 20 лет назад, или заблокировать, как это произошло на Кипре в 2013 году.

3. Экстремистом никогда не будет тот, у кого есть смысл жизни, не зависящий от конкретной ситуации, от стимулов, соблазнов и ловушек современного мира. Экстремист — это биоробот, имеющий тело человека, но

обладающий максимально узким блоком «внимание», безропотно выполняющий полученную инструкцию. Биоробот, практически, ничего не видит и не слышит. Например, в фильме «Лучше, чем люди» экстремистами являются ликвидаторы, уничтожающие роботов. Эти ликвидаторы в упор не замечают, что действуют на деньги и под руководством производителей роботов.

Подведём итог сказанному. Любой преподавателей социально-гуманитарных дисциплин имеют уникальную возможность внести свой посильный вклад в профилактику экстремизма. Для этого нужно воспитывать в своих учениках умение критически мыслить, задавать вопросы, свободно выступать перед аудиторией без использования бумажных и технических носителей текста, формировать абстрактные понятия, максимально расширять свой кругозор, заботиться не о количестве полученных в ходе обучения баллов, а о смысле жизнедеятельности, о творчестве, о практическом применении своих знаний и умений в социально-культурной деятельности. «Социально-культурная деятельность общества по противодействию экстремистских настроений среди подрастающего поколения нацелена на формирование гуманисти-

ческого мировоззрения, не зависящего от национальности и вероисповедания человека, межкультурной коммуникации, прививающей уважение к вере и обычаям других народов, мультикультурного образования».

Одной из важнейших причин экстремизма является неконтролируемая миграция, захлестнувшая весь мир. «Сегодня над мировым сообществом нависла новая, ещё не вполне очевидная и не совсем осознаваемая, но от этого не менее опасная проблема — масштабная волна переселения значительных человеческих масс, а то и вовсе планетарное демографическое цунами. Оно основательно перекроит современную карту мира и кардинально изменит этнический состав населения планеты». Другими словами, все, о чем мы говорили выше, остается, как никогда, актуальным.

Список литературы

1. *Негин В.В.; Григорьева Е.И.* Роль социально-культурной деятельности в процессе профилактики молодёжного экстремизма // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22, вып. 4 (168). С. 37—41.
2. *Чумаков А.Н.* Глобальный мир: столкновение интересов: монография. М.: Проспект, 2018. 512 с.

Developed Medieval Style in Georgian Architecture

Развивающийся стиль в средневековой архитектуре Грузии

Fatmani Rezoevna Bigvava,

Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University (MGPU),
«Military University of the Ministry of Defense of the Russian
Federation»

E-mail: fatibigvava@mail.ru

Nodari Darchoevich Eriashvili

doctor of economics, candidate of juridical sciences,
candidate of historical sciences, laureate of RF Government
prize in science and technology, professor

E-mail: professor60@mail.ru

Manana Slukhanishvili

E-mail: nitagogrichiani97@gmail.com

Фатмани Резоевна Бигвава,

старший преподаватель Московского государственного
лингвистического университета (МГПУ),
«Военного университета Минобороны РФ»

E-mail: fatibigvava@mail.ru

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, лауреат премии
Правительства РФ в сфере науки и техники, профессор

E-mail: professor60@mail.ru

Манана Сулханишвили,

преподаватель высшей категории
E-mail: nitagogrichiani97@gmail.com

Для цитирования. Ф.Р. Бигвава, Н.Д. Эриашвили, М. Сулханишвили. Развивающийся стиль в средневековой архитектуре Грузии. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 59—64.

Annotation. The work is about developed medieval Georgian art. The main tendencies are analyzed in this work and the novelty, which took place in these periods of Georgian architecture. Among the cultural buildings the leading place is domed Church with a plan. On the top of four post supported the dome. A great attention is paid to the façade decoration. The monument's style is changed into decorative. In the XII-XIII cc at last was formed Georgian domed Church canonistic facade was changed into this proportion. In these conceit examples are ankylosed these features which were kept from earlier periods buildings and these tendencies and new style were formed. The ecclesiastical buildings are analyzed with monuments of the national architect and their architectural value. It is said about assembly of engineering art models. So, X-XIII centuries are real architectural classical epoch. Its communication between national and traditions is very strong, but at this time is world's acquisition.

Key words: medieval evolving style tetrakonkh, apses, six-apse church, wardul, facing, pilaster, five arch system

Аннотация. В работе поднимаются вопросы развивающейся архитектуры Грузии Средних веков. В ней представлены основные тенденции грузинской архитектуры X—XIII вв., проанализированы новшества, существовавшие в тот период. Среди религиозных сооружений ведущее место занимает куполообразный храм по прямоугольному плану с установленным на четырех столбах куполом. Большое внимание уделено украшению фасадов. Монументальный стиль сменяется декоративным.

На рубеже XII—XIII веков окончательно сформировался вид купольного грузинского храма, изменились пропорции. На примере конкретных памятников проанализированы те главные особенности и тенденции предшествующего периода, которые сохранились в постройках этого периода, образовавших новый архитектурный стиль.

Вместе с церковными постройками обсуждаются памятники светской архитектуры, обладающие большой художественной и архитектурной ценностью. Речь об уникальных ансамблях в скалах, замечательных образцах инженерного искусства.

Таким образом, грузинская архитектура X-XIII вв. является истинно классическим периодом, тесно связанным с национальными самобытными традициями. Но в то же время из-за своей индивидуальности и независимого характера этот период — общечеловеческое достижение.

Ключевые слова: средневековый развивающийся стиль, тетраконх, апсид, шестиапсидная церковь, вардула, облицовочный, пилястр, пятиарочная система

Развитие архитектуры Средних веков относится к периоду со 2-ой половины X века до рубежа XIII—XIV веков. Это второй период расцвета грузинской архитектуры Средних веков.

Экономическая и политическая мощь страны способствовала развитию грузинского искусства, в частности, архитектуры. В этот период было создано множество ценных светских и церковных памятников архитектуры,

декоративных скульптур, а также работ, относящихся к настенной росписи. Архитектура XI века создала самых значимые и большие храмы, царские дворцы и замки-крепости Средних веков в Грузии. Среди культовых сооружений ведущее место занимает куполообразный храм, прямоугольный в плане, с установленным на четырех столбах куполом с высоким барабаном. Также увеличиваются масштабы строительства. Строгая простота старых памятников уступает место большему разнообразию, динамике и украшению фасадов. Здания украшаются декоративными арками, резными карнизами и облицовочными витражами, ვარდულები и крестами. Резьба по камню богатая и разнообразная, внутри храмов — настенная роспись. Таким образом, монументальный стиль постепенно сменился декоративным. Архитектурные памятники этого периода выделяются пропорциональностью и изысканным художественным оформлением.

Кумурдо — крупный памятник, построенный архитектором Сакоцари в Джавахетии в 964 году. Он является самым значимым памятником как с точки зрения художественного достоинства, так и с точки зрения уровня технического исполнения. В нем объединены, с одной стороны, характерная для предыдущего периода многофасадность, которая не встречается в грузинских храмах X—XI вв., а с другой — характерная для следующего периода грузинской архитектуры продолговатая форма с поднятыми пропорциями, треугольной формой восточной стороны и углового фасада, резной лицевой частью с витражами и разнообразно резьбой, что делает храм более современным.

Новые тенденции еще более очевидно просматриваются в Ошкском кафедральном соборе, расположенном в исторической области Тао-Кларджети на Юге Грузии. Согласно надписям на стенах, он был построен владельцами Тао-Кларджети из династии Багратиони (2-я половина X века).

План **Ошкского храма** имеет форму тетраконха — крестообразной фигуры, восточная, южная и северная стороны которой оканчиваются полукруглыми апсидами, а западная — продолговатая, однефная и не имеет апсида. Его пропорции относятся к постройке нового

типа. Высота стен больше по сравнению с их шириной, а свод купола очень возвышен. Вместо правильного восьмигранного свода купола, купол этого собора имеет цилиндрическую форму и делится на 24 поля кручеными колоннами и декоративными арками. Вместо четырех форточек (окон) в храмах старого типа, в этом их 14. Фасад храма украшен декоративными арками и пилястрами. В храме три композиции из пяти декоративных арок, в каждой из которых по две треугольные ниши, повторяется трижды. В XI—XX вв. композиция данного типа стало типичной для многокупольных храмов на востоке.

Выделяющимся памятником конца X века является монастырь Хахули, основанный Давидом III Куропалатом во второй половине X века. Находится в исторической области Тао-Кларджети на юге-западе Грузии.

Монастырь Хахули — большой купольный храм удлиненной крестообразной формы. Опору угловых апсидов купола составляют два отдельно стоящих столба. Западный столб разделен по всей длине тремя попарными нефами. Восточный столб, по обеим сторонам которого небольшие апсиды, заканчивается полукруглым апсидом. Монастырь богато украшен резьбой. Свод купола украшен кручеными колоннами, с опирающимися на них арками. Вверху каждого столба находятся развернутые в стороны лучи, обделанные камнем, а посередине арки на их фоне вставлено рельефное изображение орла. Вся композиция увенчана широко развернутой декоративной аркой. Вокруг храма находится несколько маленьких часовен, одна из которых относится к концу X века.

В X—XI вв. существовал еще один новый тип церковных сооружений-шестиапсидные церкви, такие как: Гогубский, Киамисалтский и Олтийский храмы в южной Грузии, крепость Борджоми в Кахетии, Катский монастырь рядом с городом Чиатура. Все это — памятники нового стиля развивающейся архитектуры Средних веков, которые украшают Грузию.

Храм Баграта — это одна из вершин искусства Грузии. Построен во времена Баграта III, как главный собор его Грузинского королевства (освященный в 1003 году). План храма крестообразен и имеет форму тетраконха.

В основании купола 4 мощных столба. Снаружи имеет форму прямоугольного креста, а внутри завершается полукруглыми апсидами. Храм монументальный и величественный, но в тоже время, разнообразный и динамичный. Выступающие формы западных фасадов ассиметричны.

Храм Светицховели — Храм Светицховели построен в первой половине IX века в городе Мцхета. Две подписи в храме подтверждают, что архитектором был Арсакидзэ. Здание храма имеет форму вытянутого прямоугольника с востока на запад. Все стороны храма, за исключением восточной, выполнены в прямоугольной форме. В восточной части храма расположено святилище, поэтому она имеет форму абсида. В основании купола, который видно со всех сторон, находятся четыре мощные колонны. Купол состоит из 16 витражей. Высота храма 45 метров, он является самым большим церковным строением в Грузии. Несмотря на то, что в храме неоднократно проводились ремонтные и восстановительные работы, изысканные формы и первозданный вид были сохранены.

Алавердский монастырь — памятник первой половины XI века типа Тетраконх с продолговатой западной стороной. Рядом есть неф. Внешне храм имеет прямоугольный вид. Основу купола составляют четыре столба. Раньше у алавердов с трех сторон были галереи, но в начале IX века были разрушены. Внутреннее убранство отличается своей грандиозностью и изощренностью. Купол имеет 16 витражей. Фасад украшен небогато. Пристройками восточного фасада являются пять декоративных арок и две глубокие треугольные ниши. Среди всех памятников архитектуры древней Грузии не найдется примеров такого грандиозного внутреннего убранства, как в Алавердском монастыре. До нынешнего времени эта церковь была самой высокой в Грузии. (более 50 метров)

Кафедральный храм Самтавро в Мцхете (первая половина XI века) — крестово-купольное здание с пристройками с южной, северной и западной сторон. Постройка выполнена из камней желтого и коричневого цветов. План здания прямоугольный. В отличие от более ранних построек, план храма укороченный, основу купола составляют не

четыре, а два столба, а также присутствуют выступы стены алтаря. С южной стороны находятся выложенные звездообразными камерами большие ворота часовни. Вторая пристройка находится с северной стороны. Нельзя не отметить великолепную декоративную украшенность здания. На восточном фасаде изображена пятиарочная композиция. Наиболее красочно украшены южные и северные фасады.

Храм Самтависи (1030) известен не только своими произведениями искусства, но и тем, что обнаруженные здесь находки характерны для архитектурных памятников XII века. Это подтверждает, что Самтависи является предвестником всего цикла развития грузинской архитектуры. Храм имеет четыре купольных столба, два столба, расположенные с восточной стороны, находятся вблизи алтаря. Восточная часть фасада имеет пятисводчатую систему, и здесь можно увидеть более сложные декоративные композиции. В головной части — огромный резной каменный крест. Под окном, в углу, установлены два квадрата, заполненные декоративными элементами. Срединная ось фасада украшена элементами, скрепленными друг с другом рамками. Они висят на главной арке, спускаясь вниз до конца стены.

Также ключевыми памятниками архитектуры XI века являются:

- монастырь Ишхани, храм в Манглиси, монастырь Самтавро, собор Никорцминда (1010—1014), а также ряд однонефных церквей: церковь в Хциси (1002), в селе Пока, в Саване (1046), церковь Спасителя в Корети, церковь Богородицы в Эхвеви.

В структуру церквей обязательно входит гипсовый, вырезанный из камня, украшенный рельефами иконостас — оснащенная колоннами и арками перегородка, которая отделяет алтарь от остальной части храма.

Особенно примечательны иконостасы этого периода в церкви Спети, монастыре Сапара, Атенском Сионе, Ховле и монастырском комплексе Шиомгвиме. На них изображены эпизоды жития Шио Мгвимского.

Лучшим образцом архитектурной тенденции XI века являются принесенные из монастыря Сапара фрагменты каменного иконо-

стаса, на которых изображены сцены «Благовещения Пресвятой Богородицы» и «Встречи Марии и Елизаветы». Этот каменный иконостас — истинный шедевр грузинской пластики средних веков.

Из всей грузинской архитектуры первой половины XII века особо выделяется **Гелатский монастырь**. Основанный Давидом Строителем в 1106 году монастырь строился на протяжении XII—XIII веков и превратился в огромный архитектурный ансамбль. В его составе: Собор Рождества Богородицы, Церковь Св. Георгия, небольшая двухэтажная Церковь Св. Николая, колокольня и здание Академии. Для постройки большого собора использовался местный известняк, для стен — булыжник, известковый раствор и плиточный камень. Внутреннее пространство храма воистину грандиозно. Массивный купольный шатер с 16 витражами располагается на стенах апсиды алтаря и двух крепких опорах. Вместе с поздними экземплярами фресок в Гелати сохранилась великолепная алтарная мозаика — Богоматерь с младенцем и двумя Архангелами.

Колокольня построена в XIII веке и является одной из старейших в Грузии. Усыпальница Давида Строителя находится в двухэтажном здании к югу от главного монастыря.

Из памятников XII века особо выделяется крестово-купольный Тигвский храм (Знаурский район) и маленькая часовня (Тедзамское ущелье) с витражным иконостасом (оба памятника — 1152 года постройки).

На рубеже XII — XIII веков в восточной Грузии была создана большая группа крестово-купольных храмов, из которых наиболее значимые: Икортский храм (1172), монастыри Бетания, Кватахеви, Питарети, Ахтала, Тимотесубани, Кинцвиси, Гударехи, храм Цугругашени, Дманисские ворота, Капени (не сохранился), церковь Эртацминда, так называемая церковь в Храмском ущелье, церковь Вифлеемской иконы Божией Матери в Цинарехи, Казрети. В этот период был окончательно сформирован каноничный образ грузинского крестово-купольного храма. В проектировании храмов стали незаменимыми тенденции, которые были введены при строительстве монастыря Самтавро и храма Самтависи. Проектировки сократились, и форма храма

приблизилась к квадрату, а вместо четырех отдельно стоящих столбов остались два. Два восточных столба слились со стеной алтаря. С изменением пропорций понизился корпус здания, а шатер купола стал еще выше.

Голубой монастырь был построен во времена царицы Тамары (1190—1191). Это был купольный храм, облицованный сточенным камнем и украшенный витражом с резными изображениями, но из-за сильных повреждений к 19 веку остались лишь фрагменты первоначальной постройки. Памятники грузинской архитектуры выделяются своими художественными украшениями — резьбой. В ней выделяются как стилистические свойства, так и национальный колорит.

Украшение фасадов храма орнаментами началось в X веке и полного развития достигло в начале XI века. Архитектурный орнамент широко использовался в интерьере, но особое внимание придавалось украшению свода купола. Купол уменьшился в диаметре, зато стал выше и был покрыт резьбой. Катапетасме, находящейся в верхней части витража алтаря, характерны большие декоративные кресты, а под витражом находятся декоративные квадраты, резные диски, плоские рисунки и сюжетные рельефы. На своде купола храма появилась широкая, резная рамка. В некоторых памятниках грузинской архитектуры, например в Никорцминде купол целиком украшен резным витражом. В архитектуре XII—XIII веков изображения на орнаменте воспринимаются целиком, а не в деталях. Орнамент уплотнялся, если там была основа для орнамента, то он был ярко виден, сейчас же видны лишь незначительные углубления. Грузинская архитектура характеризуется рельефными скульптурами. Православные церкви не признают округлые скульптуры, поскольку это видится предметом дохристианской культуры и идолопоклонничества. Поэтому в Грузии развивались лишь рельефные скульптуры. Со второй половины X века их развитие достигло высокого уровня — человеческая фигура была пропорциональной, рельеф обрабатывался большими мастерами, композиционный макет полностью соответствовал задумке мастера.

В X веке наиважнейшими скульптурными образцами являются рельефы храмов Ошки и Хахули.

В XI веке в грузинском искусстве появляется особый интерес к правильной передаче пропорций и реального объема человеческой фигуры, олицетворяющего скульптуру.

Самым развитым и важным образцом являются сюжетные рельефы Никорцминды, которые украшены описанием божественных сцен и отдельных святых.

В средние века в Грузии скульптура и живопись были полностью связаны с архитектурой. Фасады зданий украшаются каменными, деревянными и особенно металлическими коваными рельефами, украшаются отдельными архитектурными деталями, деревянными дверями, стеллами. Живопись и мозаика предназначены для пола и стен.

Стены грузинских храмов расписываются монументальными композициями — блестящими фресками. Со средних веков в монументальной грузинской живописи выделяется два этапа. Этому времени принадлежат образцы церковных картин. На первом этапе (XI—XII вв) для живописи характерен строгий монументализм. Примерами являются фрески четырех церквей Ошхани, Хахули, Ошки, Тбета.

Сванетия сохранила нам имя «Царского художника — Федора» (художник Царя Давида Строителя). Его картина под названием «Ипрарис тарнгзели» (1096 г.), хранилась в церкви Кирика и Иулиты в Кала, а с 1112 г. — в Накифарии в церкви Георгия.

В первой половине 12 века в Сванети работал художник Михаил Махлакели, который расписал храм Спасителя.

Памятником монументальной грузинской живописи 10 века является роспись Атенского Сиона в деревне Рача. Земокрисская церковная живопись, мозаика на алтаре Большого Гелатского храма — Слава Богородицы — Богородица с младенцем на руках и двумя архангелами, Фрески XII века в западной пристройке Гелатского храма — со сценами семи вселенских церковных соборов. Второй период развития художественного творчества занимает XII век и первую половину XIII века. Для него характерна более декоративная и динамичная композиция. В это время мас-

терство художников достигает высшего мастерства изысканности и грации цветов их рисунков. В это время важнейшими памятниками искусства являются работы в Бетании, Кинцвиси, Бертубни и фрески Ахтали.

Кроме евангельских сюжетов текстов и изображений святых, особый интерес привлекает портреты различных исторических деятелей, изображения битв, а также четыре портрета Царицы Тамары, выполненными еще при ее жизни — в Вардзии, Бетании, Кинцвиси и Бертубани.

В живописи того времени мы встречаем глубокий гуманизм и лиризм. Например в фигуре ангела («Сцена Воскресения») в Кинцвиси.

Величайшую архитектурную ценность имеют высеченные в скалах монастырские комплексы. Длинный путь развития прошел древнейший из высеченных в скале великих городов — Уплисцихе, основанного задолго до развития пути Господнего — с первой половины I тысячелетия до Рождества Христова и до XVIII века после Рождества Христова.

Возведенный в VI веке Давидом Гареджийским высеченный в скале монастырский ансамбль, существовал и развивался на протяжении всех Средних веков.

Уникальный памятник градостроительства всемирного значения — Вардзия. Здесь плоскостная совокупность городской системы преобразована в вертикальное расположение. На всем Ближнем Востоке и во всем христианском мире пещерный монастырь только в Грузии стал культурным, религиозным и политическим центром государства.

Вардзия — высечена в отвесной скале (ее длина 500 м). Несколько сотен келий расположены на многочисленных этажах. Этажи и отдельностоящие комплексы сооружений монастыря соединяются друг с другом высеченными в скале переходами. На случай долговременной осады, монастырский комплекс был обеспечен питьевой и проточной водой. Водопровод был протянут из села Верхний Вардзий. Одна треть этой трассы протяженностью 3,5 км. проходит по высеченным в скале туннелям в виде керамических труб. Объем водоснабжения составлял 166 тысяч литров в сутки, с расчетом предположительно на 50 тысяч жителей. Водохранилище находилось в западной части Вардзии и имела

вместимость 630 тысяч литров воды. Рядом с церковью Девы Марии, прямо из скалы, течет природный источник. Его бассейн имеет объем 8 кубм., а температура там постоянна — 11 градусов по Цельсию.

На сегодняшний день Вардзия насчитывает 641 помещение. Многоэтажный комплекс расположен вокруг храма, находящегося в глубине пещеры в центре. В отличие от Уплисхихе, где при строительстве перекрытий в больших залах используются конструкции из дерева, строители Вардзии используют для перекрытий арочные конструкции, что помогает распределять огромную нагрузку веса скалы и предохраняет в течение веков от разрушения этажи воздвигнутых пещер. Огромное значение для Вардзии также играет целиком расписанная внутри Великая пещерная церковь, (с портретами Георгия третьего и царицы Тамары).

Рядом с Вардзией на второй горе находится другой монастырь той же эпохи — Ванис Квабеби. В Джавахети есть и другие — высеченные в скалах комплексы. Например: Самсарские пещеры и другие.

В эту эпоху особенным предметом государственной заботы в XII веке стало сохранение значительно увеличившейся государственной казны. В это время существовала целая система тайников кувшинов, особенная нужда в которых появилась еще во время нападения турок-сельджуков (XI в.), а затем в монгольский период. Прежде всего, нужно отметить — кваллские, Вифлеемские и Терехские — кувшины.

В XI—XII вв. из светских архитектурных зданий особого внимания заслуживает «**Гелатская Академия**», одноэтажное здание которой включает большой зала для заседаний и двое входных ворот.

Важнейший памятник светской архитектуры Грузии эпохи Возрождения — сохранившийся дворец-крепость в Гегути, около Кутаиси. Некоторые его части относятся к XII веку, а другие еще древнее.

Интересным образцом светской архитектуры являются древние ворота **Светицховели** —

отличное сооружение — с большой входной аркой, арочными окнами на втором этаже, стеновыми колоннами и скульптурным декором.

Наиболее важными из инженерных сооружений являются Цкалтба — Шиомгвимский времен царицы Тамары, мосты XI—XII века Беслетский (в Сухуми), Дондалский (в Рача) и Ацкурский (в Месхетии). В XI—XII — веках — особое — внимание — уделялось строительству — крепостей. Каждая из них — отличный — образец — инженерного искусства. Например, крепости Самцхи, Хертвиси, Ацкури, Золотая крепость, город-крепость Тмовги и другие.

Таким образом, X—XIII века являются поистине классическим временем грузинской архитектуры. Тесна её связь с народной самобытной традицией. Но в то же время её считают, замечательным явлением европейского и среднеазиатского искусства. Из-за своего индивидуального неповторимого характера она приобрела всемирное значение.

Список литературы

1. Культурология второе издание. «Справедливая Грузия». Тбилиси. 2016.
2. *Н. Бердзанишвили* — Вопросы истории Грузии. Т. I—V.
3. *В. Беридзе* — древняя грузинская архитектура, Тбилиси. 1972 год.
4. *В. Беридзе* — архитектурные памятники Самцхи, Тбилиси. 1970 год.
5. *Д. Гритишвили, Ш. Мэсхия* — история Тбилиси, Тбилиси. 1952 год.
6. История Тбилиси т. 1 наука, 1990 год.
7. *А. Гугунава* — путешествие по истории Южной Грузии, Тбилиси. 1996 год.
8. *П. Закарая* — города-крепости, крепости, замки Грузии. Тбилиси. 2001 год.
9. Очерки по истории Грузии т. I—VIII, Тбилиси. 1980 год.
10. *И. Цицишвили* — История архитектуры Грузии, Тбилиси. 1955 год.
11. *В. Цинцадзе* — Храм Баграта, Тбилиси. 1964 год.
12. *И. Джавахешвили* — история грузинского народа, Тбилиси. 1965 год.

The Notion of Advocacy and its Correlation With Entrepreneurial Activity

Понятие адвокатской деятельности и соотношение ее с предпринимательской деятельностью

Ruslan Bashirovich Gandaloev,
candidate of political sciences, doctoral student
of Department National Federative relations
of the Russian presidential Academy of national
economy and public administration
E-mail: RusSud@bk.ru

Timur Markovich Gappu,
3rd year student of the correspondence form
of training the faculty of graduate UGWU
(RPA of the Ministry of justice of Russia),
the master's programme «Advocacy and Notariat»
E-mail: timurmarkovich@mail.ru

Руслан Баширович Гандалоев,
кандидат политических наук, докторант кафедры
Национальных федеративных отношений Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: RusSud@bk.ru

Тимур Маркович Гаппи,
студент 3 курса заочной формы обучения
факультета магистратуры ВГУЮ
(РПА Минюста России), магистерская программа
«Адвокатура и Нотариат»
E-mail: timurmarkovich@mail.ru

Для цитирования. Р.Б. Гандалоев, Т.М. Гаппи. Понятие адвокатской деятельности и соотношение ее с предпринимательской деятельностью. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 65—68.

Annotation. The definition of the concept of «advocacy» in the current law on advocacy gives a clear understanding of the essence of this type of activity, and a clear indication of the distinction from entrepreneurial activity. The constitutional Court of the Russian Federation has repeatedly drawn attention to the «non-entrepreneurial «nature of lawyers» activities. And yet, the debate about the nature of advocacy, its relationship with entrepreneurial legal activity, whether it is the provision of legal assistance or legal services, is still ongoing.

Key words: lawyer, entrepreneur, notary, activities of lawyers, constitutional Court, Civil Code, law Institute, qualification of services

Аннотация. Определение понятия «адвокатская деятельность» в действующем Законе об адвокатуре¹ дает вполне ясное понимание сущности данного вида деятельности, и четкое указание на отграничение от предпринимательской деятельности. На «непредпринимательский» характер деятельности адвокатов неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ². И тем не менее, дискуссия о характере адвокатской деятельности, ее соотношении с предпринимательской юридической деятельностью, является ли она оказанием юридической помощи или юридических услуг, по прежнему продолжается³

Ключевые слова: адвокат, предприниматель, нотариус, деятельности адвокатов, Конституционный Суд, Гражданский Кодекс, юридический институт, квалифицированности услуги

В целом, в среде специалистов преобладает мнение, что адвокатская деятельность, как особый вид публично-правовой деятельности, не может быть предпринимательской, то есть осуществляемой на свой страх и риск, и главное, направленной на извлечение прибыли.

Действительно, давая определение адвокатской деятельности, законодатель прежде всего определяет ее целью защиту прав и законных интересов а также обес-

печение доступа к правосудию для всех без исключения лиц, вне зависимости от их социального и имущественного статуса. То есть, цель явно носит неимущественный характер, не предназначена для удовлетворения имущественных интересов субъектов адвокатской деятельности, а скорее достижение интересов публичных, поскольку защита прав и законных интересов даже частных субъектов в своей совокупности обеспечивает интерес публичный.

В это же время, целью предпринимательской деятельности, согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ⁴, является систематическое извлечение прибыли, то есть, цель этой деятельности носит исключительно имущественный характер, направленный исключительно на удовлетворение частных имущественных интересов предпринимателя, хотя и ограниченных требованием законности и добросовестности при достижении указанных интересов.

В этом, телеологическом аспекте, как представляется, и заключается кардинальное отличие адвокатской деятельности от предпринимательской, поскольку в своем внешнем выражении они могут иметь очень много сходных черт, обусловленных прежде всего содержанием такой деятельности.

В качестве еще одного заслуживающего внимания момента можно отметить и то обстоятельство, что в отдельных случаях Законом на адвоката возложена обязанность осуществлять свою деятельность, то есть, есть определенный аспект принудительного исполнения своей деятельности, как это имеет в случаях обязательного оказания помощи отдельным малоимущим категориям населения бесплатно или, например, участвовать в уголовных делах «по назначению», по требованию соответствующего правоохранительного органа. Такое «принуждение» к осуществлению деятельности является совершенно неприменимым в отношении предпринимателей, поскольку деятельность носит «рисковый» характер, и последствия такого риска несет сам предприниматель.

Нормы гражданского законодательства (ст. 2 ГК РФ), раскрывают содержание предпринимательской деятельности в том числе и через оказание услуг. Несмотря на то, что адвокатская деятельность в базовом Законе об адвокатуре обозначена как юридическая помощь, ее понимание как своеобразной юридической услуги в целом воспринимается современной научной доктриной и правоприменительной практикой⁵, хотя и услуги довольно специфичной, регулируемой не только нормами гражданского законодательства о возмезд-

ном оказании услуг. Так, при осуществлении своей адвокатской деятельности в качестве представителя в судебном процессе, так и вне его, адвокат обязан соблюдать также корпоративные правила, которые содержатся в Кодексе профессиональной этики адвоката⁶. Надо сказать, что подобный «корпоративный» подход к адвокатскому сообществу позволяет говорить об определенной доле сходства данного сообщества с корпорацией, как субъектом коммерческой деятельности, но это касается только аспектов внутренних, организационных отношений внутри корпорации — сообщества, но отнюдь не позволяет распространять данное сходство на целевую направленность деятельности членов корпорации-сообщества, которая, как было отмечено выше, является основным критерием разграничения адвокатской и предпринимательской (коммерческой) деятельности.

В связи с этим стоит отметить, что настоящее время принято выделять две формы адвокатской деятельности — процессуальную и внепроцессуальную, подразделяя их по признаку регулирования нормами процессуального законодательства. Если деятельность адвоката в гражданском, равно как и в арбитражном или уголовном процессе регламентируется соответствующей процессуальной нормой, то деятельность признается процессуальной, и облекается в процессуальную форму. Если деятельность адвоката не регулируется процессуальной нормой, то такая деятельность признается внепроцессуальной. Использование термина «непроцессуальная форма»⁷ на наш взгляд является не вполне оправданным с филологической точки зрения, поскольку не вполне адекватно противопоставление форм через частицу «не», что может быть воспринято как отрицание одной формы другой, их противопоставление. Таким образом расцениваются противостоящие формы как «цензурная» и «нецензурная», взаимоисключающие друга. Как представляется, обе формы оказания юридической помощи не противостоят другу-другу, а наоборот, дополняют, помогая тем самым адвокату использовать все возможные, как предусмотренные законом

процессуальные, так и дополняющие указанные в Законе об адвокатуре и не запрещенные законом внепроцессуальные способы осуществления адвокатской деятельности.

Что касается содержания адвокатской деятельности, то она, как отмечено выше, характеризуется понятием «юридическая помощь», нередко отождествляемым с понятием «юридические услуги». Категорически противопоставлять данные понятия, как представляется, будет не вполне правильным, так как этимологически понятие «услуга» неразрывно связано с его содержательной частью — «оказание помощи», то есть, любая услуга — это прежде всего оказание помощи в каком либо вопросе. Также как и услуга, такая помощь не может быть «навязанной», то есть, она должна быть добровольной, оказываемой на основе двухстороннего соглашения между оказателем услуги (помощи) и ее получателем. Существенным обстоятельством, характеризующим адвокатскую деятельность, что такая помощь (услуга), должны быть квалифицированными. Здесь стоит отметить, что требование об оказании квалифицированных услуг, квалифицированного исполнения работ, не содержит ни одна норма, регулирующая предпринимательскую деятельность. Есть лишь замечания о качестве оказываемых услуг или выполняемых работ, что они должны соответствовать условиям договора или по умолчанию соответствовать обычным требованиям для подобного вида работ (услуг) (ст. 721 ГК РФ).

Содержание понятия квалифицированности адвокатской деятельности в научной литературе является дискуссионным. Так, Н.К. Панько к содержательному критерию относит достижение результатов в оказании юридической помощи⁸. В ряде случаев данное понятие отождествляется с критерием «качества» или «качество» рассматривается как признак квалифицированной помощи⁹.

Тем не менее, для адвокатской деятельности не представляется возможным в соглашении установить какую-то планку качества, равно как и не представляется

возможным оценить качество адвокатской деятельности по каким-то усредненным стандартам качества деятельности всех субъектов, оказывающих юридические услуги. Для адвокатской деятельности есть единственное мерило — квалификация оказанной помощи (услуги). Стандарты квалификации не имеют своего законодательного закрепления, и определяются, в случае возникновения сомнений, компетентными органами самого адвокатского сообщества. При этом, квалификация юридической помощи определяется не только и не столько достигнутым результатом, что характерно для предпринимательской деятельности, сколько исчерпанностью использования адвокатом всего допустимого правового ресурса при осуществлении своей деятельности, насколько полным и всеобъемлющим был сам процесс такой деятельности¹⁰. Здесь можно вспомнить и запрет на оценку результата деятельности адвоката в зависимости от степени достижения желаемого результата, так называемого «гонорара успеха», или «премии адвоката»¹¹. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает, что результат адвокатской деятельности не может служить в качестве единственного мерила качества такой деятельности, особенно, в условиях состязательного процесса, а также непостоянства судебной практики, при которой сходные ситуации в различных судебных инстанциях заслуживают порой диаметрально противоположных оценок.

В целом, взятый в последнее время курс на «профессионализацию» рынка юридических услуг ставит перед вопросом, а можно ли будет требовать от лиц, до недавнего времени оказывавших юридические услуги в качестве предпринимателей, то есть, свободно, на свой страх и риск, того же, что требует законодательство от адвокатов — квалификации услуг, обязательного участия в делах «по назначению», оказания «бесплатных» услуг малоимущим, несения дисциплинарной ответственности, от которой эти лица в настоящее время избавлены полностью. Или эти особенности адвокатской деятель-

ности постепенно утратятся, в связи с чем последняя станет полностью «коммерческой», направленной исключительно на извлечение материальной выгоды для оказателя юридической услуги.

Или все таки может, стоит сохранить существующую «двухуровневую» систему, в которой выделена группа профессиональных юристов, наделенных большими полномочиями и, соответственно, повышенной ответственностью, и группа прочих, возможно не менее квалифицированных юристов, которые осознано не хотят на себя повышенные обязательства перед обществом по исполнению публично-значимых функций.

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

³ См.: Булатова Н. Правовая природа юридических услуг // Нотариус. 2009. № 5. С. 28—32; Вайпан В.А. Законность совмещения гражданином двух статусов: адвоката и индивидуального предпринимателя // Право и экономика. 2011. № 5. С. 4—12; Шаров Г.К. К спору о «коммерциализации» адвокатуры // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 4. С. 169—176; Токмаков И.С. К вопросу об общей характеристике соглашения об оказании юридической помощи // Адвокатская практика. 2012. № 3. С. 25—30; № 4. С. 16—21; Грудцына Л.Ю. Гарантии независимости, самоуправления и финансирования адвокатской деятельности // Новый юридический журнал. 2013. № 1. С. 33—48; Подольный Н.А. Качество защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, оказываемой адвокатами: подходы к решению проблемы со времени принятия «Учреждения судебных установлений» до наших дней // Адвокатская практика. 2014. № 6. С. 24—28; Чукарев А.А. К проблеме легального определения предпринимательской деятельности // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 105—120, и др.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ См., например: Булатова Н. Правовая природа юридических услуг // Нотариус. 2009. № 5. С. 28—32; Токмаков И.С. К вопросу об общей характеристике соглашения об оказании юридической помощи // Адвокатская практика. 2012. № 3. С. 25—30; № 4. С. 16—21, и др.

⁶ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. № 3. 2013.

⁷ См.: Леонтьева Е.А. О деятельности адвоката-представителя в гражданском судопроизводстве // Адвокатская практика. 2008. № 4.

⁸ Панько Н.К. Реализация функции защиты на досудебных стадиях производства по уголовному делу // Адвокатская практика. 2002. № 3.

⁹ Гаврилов С.Н. К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // Адвокатская практика. 2010. № 5.

¹⁰ См., подробнее: Орлов А.А. Оценка юридической помощи, оказываемой в процессе познания адвокатом // Адвокатская практика. 2014. № 5. С. 3—9.

¹¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П // Доступ из СПС КонсультантПлюс; Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14—3167 по делу «А60—11353/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Phenomenon of the Transnational State: Illusion or the Formed Reality

Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность

Andrey Nikolaevich Piatakov,
candidate Sci (Political), Leading Researcher of Center
of Political Studies, Institute of Latin America of RAS, Moscow
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Андрей Николаевич Пятаков,
кандидат политических наук, ведущий научный
сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Для цитирования. А.Н. Пятаков. Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 69—75.

Annotation. The article considers the economic and political tendencies connected with the world economy transnational sector's formation and functioning. The author assumes that the nowadays growing transnational corporations' role can't but build certain political and social institutes upon itself. It allows affirm the formation of the transnational state phenomenon, existing «atop» and over the traditional national states» world system. At the same time, the traditional state generic properties are inherent also to the transnational state. The author tries to expose it on a number of concrete examples.

Key words: transnational capitalism, transnational corporations (TNC), global contradictions, transnational state and its components

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и политические тенденции, связанные с формированием и функционированием транснационального сектора мировой экономики. Автор полагает, что в настоящее время растущая роль транснациональных корпораций не может не надстраивать над собой определенные политические и социальные институты. Это позволяет говорить о формировании феномена транснационального государства, существующего «поверх» и над традиционной мировой системой национальных государств. При этом родовые свойства традиционного государства присущи и транснациональному государству. На ряде конкретных примеров автор пытается показать это.

Ключевые слова: транснациональный капитализм, транснациональные корпорации (ТНК), глобальные противоречия, транснациональное государство и его компоненты

Один из базовых императивов, стоящих в нынешнюю эпоху перед общественной наукой, заключается в том, чтобы составить адекватное научное представление о современном обществе. Понятие «общества» следует рассматривать в широком понимании: как синоним человечества, то есть как глобальное общество. Подобная трактовка редко используется в научных исследованиях, но именно она наиболее адекватна анализу современной эпохи.

Безусловно, популярности такого широкого понимания общества мешает тот факт, что человечество внутренне не едино, не есть целостный субъект, поэтому трактовка общества как человечества выглядит преждевременной. Целесообразной она представляется потому, что может выступать инструментом и фактором общественного движения к будущему

единству человеческого общества, то есть коммунизму. Расширенное понимание общества представляется принципиальным в процессе положительного определения коммунизма, в рамках которого «стратегическая перспектива человечества не может больше сводиться лишь к отрицанию капитализма» [7, С. 279].

Ключевым теоретическим действием в осмыслении современной эпохи является выделение фундаментальных противоречий современности. Нынешняя эпоха есть сложный комплекс противоречий, в котором можно и нужно выделить базовое противоречие. Сделать это — значит нащупать основной нерв современного общества.

В книге «Логика Истории» выдающийся советский философ-марксист В.А. Вазюлин,

описывая противоречивый характер капитализма на монополистической стадии¹, так описал комплекс базовых противоречий современности: «На стадии монополистического капитализма происходит резкое обострение противоречий капитализма. Это вытекает из самой природы капиталистической монополии. Речь идет прежде всего и главным образом о противоречиях между капиталистами и рабочими, между монополиями, между монополистическим и немонополистическим капиталом, между монополиями и слабо развитыми зависимыми странами» [1, С. 317]. В данном фрагменте теоретически зафиксирован спектр общих противоречий, характеризующих капитализм. Это не отменяет того, что в разные циклы динамического развития современного капитализма на передний план выдвигается одно из указанных противоречий, то есть какое-то противоречие становится главенствующим. Попробуем определить, какое же противоречие к концу второго десятилетия XXI века можно рассматривать как ключевое.

Безусловно, глубинным противоречием капитализма является противоречие между трудом и капиталом, выступающее фундаментальным и основополагающим для капитализма в целом. По аналогии с понятиями «класс-для-себя» и «класс-в себе» можно говорить о «противоречии-для-себя» и «противоречии-в-себе». В данный исторический момент противоречие между трудом и капиталом не выступает «противоречием-для-себя» и находится в неактуализированной, латентной форме. Это не означает, что оно перестало определять основной внутренний конфликт капитализма, хотя на «поверхности» это может проявляться как «исчезновение» данного противоречия. Противоположность между трудом и капиталом в настоящее время еще недостаточно созрела и не приобрела характер собственно противоречия — стадии открытого конфликтного взаимодействия противоположностей. В данный момент это противоречие существует как сущностное противоречие-в-себе.

В современных исследованиях популярна точка зрения, будто разграничение на правых и левых потеряло актуальность. Между тем данная дихотомия, начиная еще с Великой Французской революции, есть концептуально-

идеологическое отражение противоположности между трудом и капиталом. Объяснить массовый отказ от классового подхода и производных от него концептуальных делений причинами сугубо субъективными было бы упрощением. Объективно за этим кроется латентный характер противоречия между трудом и капиталом. С точки зрения современных политологов это противоречие *уже потеряло* свою актуальность, с нашей — *еще не приобрело ее*.

Итак, в современном глобальном капитализме противоречие между трудом и капиталом остается базовым, но еще не получило адекватного проявления в общественной жизни, не стало противоречием-для-себя. Пока не назрело фронтального столкновения между глобальным трудом и глобальным же капиталом, определяющую роль в динамике современного капитализма играет определенная сторона этого противоречия. Какая? Из диалектики мы знаем, что в каждом противоречии есть ведущая и подчиненная его сторона. Сейчас ведущей стороной данного базового противоречия оказывается сторона капитала, и именно внутри него нужно искать ключевое противоречие эпохи. Когда ведущей стороной станет «глобальный труд», это будет означать вхождение человечества в новую революционную эпоху. Итак, какое противоречие внутри самого капитала оказывается пока непосредственно определяющим и составляет специфику современной эпохи?

Ведущей глобальной тенденцией, опосредующей и выражающей это противоречие, является противостояние между нарастающей транснационализацией мировой экономики и политики с определяющей ролью частного капитала, с одной стороны, и попытками региональной и всемирной консолидации государственно-капиталистических — с другой [8]. Оно имеет ряд конкретно-исторических проявлений. В этой плоскости разворачивается противостояние между США и Китаем. В частности, КНР создает альтернативные Бреттон-Вудской финансовой системе механизмы. Основанный в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (включает более 80-ти стран), бросает вызов таким глобальным кредитным институтам, как Всемирный банк и МВФ. Инициатива «Нового Шел-

кового пути» — попытка переформатирования глобальных торговых маршрутов с учетом интересов КНР и создания альтернативы инициативам продвижения транснационального частно-корпоративного капитала. Набирающее силу соперничество между США и КНР свидетельствует, что азиатский гигант становится фактором глобальных «альтернативных» преобразований: БРИКС возник как попытка объединения в мировом масштабе сил государственно-капиталистической ориентации, а переговоры по Тихоокеанскому и Трансатлантическому партнерствам были попыткой глобальной консолидации сил транснационального капитала. Даже в конфликте в Сирии опосредовано столкновение этих тенденций, но уже в военно-политической сфере.

Прежде чем перейти к предмету статьи, целесообразно для обоснования основной теоретической гипотезы на ряде примеров показать масштаб транснационализации. Начнем с количественного аспекта. Обращает на себя внимание экспоненциальный рост числа ТНК: 1939 г. — 30, 1976 г. — 11 тыс. (с 86 тыс. зарубежных филиалов), 1991 г. — 35 тыс. (150 тыс. филиалов), 2000 г. — 63 тыс. (630 тыс. филиалов), 2008 г. — 80 тыс. (810 тыс. филиалов) [18]. К 2013—2014 г. количество ТНК варьируется от 90 до 100 тысяч. Что касается качественного веса, то ТНК обеспечивают 50% промышленного производства в мире и контролируют 70% «торговли» [5]. О вкладе ТНК в глобальную экономику можно судить из следующих фактов. По данным ВБ, мировой ВВП увеличился с 63,19 трлн. долл. (2010) до 69,98 трлн. долл. (2011) [2], т. е., мировая экономика выросла на 10,7%. Какое государство (или группа), обеспечили такой рост, да еще в условиях начавшегося в 2008 г. мирового кризиса? Среднемировой рост ВВП (213 стран) составил в 2011 г. лишь 3,6%. Откуда такое несоответствие? Ответ находим в докладе UNCTAD: «В 2011 году зарубежные филиалы ТНК обеспечили занятость примерно 69 млн человек, которые генерировали объем продаж в размере 28 трлн долл. и добавленную стоимость в 7 трлн долл., что примерно на 9% больше, чем в 2010 году» [4, С. 7]. Эта сумма, сгенерированная ТНК, и есть разница между мировым ВВП в 2010 и

2011 гг.. Получается, что мировой рост обеспечили 69 млн работников ТНК. Мировая экономика развивается силами 1,5% мирового населения (хотя ассоциировано с ТНК раз в десять больше).

Другой аспект — концентрация транснационального капитала. В начале XXI в. в мировой экономике наблюдался бум слияний и поглощений ТНК (M&A). Волна концентрации транснационального капитала растет из года в год. Если в 2003 г. объем M&A составил 19 млрд долл., то в 2007 г. — уже 124 млрд. Уже в 2011 г. сделок было заключено на 526 млрд долл. (на 53% больше, чем в 2010 г. [26]). Неуклонно растет и количество мегасделок M&A. В 2004 г. был преодолен рубеж в 1500, и после этого показатель уже не снижался. К 2016 г. их число увеличилось до 6607 единиц на сумму в 887 млрд [27]. Налицо последовательный количественный и качественный рост транснационального сектора. Общеизвестен факт о превосходстве ТНК над многими государствами по экономическому масштабу. Чего стоит заявление основателя Facebook после взлета акций: а не купить ли ему Грецию? [6]

Мы имеем дело с новым типом капитализма — транснациональным. Концепция транснационального капитализма (ТК) сменяет прогрессивную в XX в., но недостаточную уже в XXI-м, теорию периферийно-зависимого капитализма. В рамках ТК сохраняется деление мирового капиталистического хозяйства на центр и периферию, отражаемое теорией зависимого развития. Но конкретное содержание этого деления меняется. С точки зрения концепции ТК открывается возможность определить центр и периферию мирового капитализма не географически, а политэкономически. Если раньше структурными элементами как центра, так и периферии системы капитализма были отдельные страны или их группировки, то в условиях ТК роль ведущего субъекта мировой экономики и глобального центра все больше переходит к материнским компаниям ТНК, роль ближней периферии — к зарубежным филиалам тех же корпораций, а роль периферии дальней — к ассоциируемым с ними или зависимым от них формам «мелкого» и «среднего» бизнеса, на деле также

монополизированного, но в «превращенных» формах аутсорсинга, «заемного труда», сверхэксплуатации иммигрантов и т.д.

Здесь мы переходим непосредственно к предмету настоящей статьи — феномену транснационального государства (ТГ). Каковы следствия роста экономической мощи ТНК в политическом плане? Современный мир представляется как мозаика национальных государств, как политическая карта мира в масштабе 1:1. Но такое представление уже устарело. Нужно создавать новую — политико-экономическую — карту, на которой наряду с территориями государств будут обозначены сферы влияния тех или иных ТНК. Нередко они оказываются в мировой политике важнее, нежели границы государств.

Растущий транснациональный капитал формирует поверх традиционной (в устоявшейся политологической терминологии — «Вестфальской») международной системы новую, отчасти невидимую, политико-экономическую структуру. Мощная транснациональная составляющая мировой экономики не может не генерировать над собой и политическую надстройку. «В 70-е годы прошлого века на роль ведущей силы мирового капитализма начали выдвигаться гигантские ТНК ... Не случайно именно в эти годы создаются транснациональные консультативные органы, такие как ВЭФ, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб — первые зачатки политической надстройки над транснациональным же базисом» [21, С. 23].

При описании данной формирующейся политической надстройки часто используют расплывчатые и в общем некорректные понятия («мировое правительство», «корпоративные элиты»; нередко рассуждают на уровне некой «теории заговора»). В осмыслении данного феномена имеет место гносеологический кризис, проявляющийся в отсутствии адекватного категориального аппарата. Понятия, используемые при описании новой реальности, не отражают ее. Это объясняется и субъективными, и объективными причинами. Корпоративный сектор достаточно замкнут и не склонен афишировать информацию о себе. Объективно же мы имеем дело с еще формирующейся реальностью. Еще не вполне оформлены сами институты транснациональной

политической надстройки, проявляются лишь отдельные признаки. Другая объективная причина — известная марксизму тенденция к отставанию общественного сознания, в частности научного, от общественного бытия. Поэтому этот феномен остается «невидим» для научного анализа и тем более для обычного сознания (обоснование познавательной ограниченности последнего см. в трудах [15,16,17,18]). Формируется новая реальность, для познания которой пока нет адекватного аналитического аппарата.

Впрочем, есть более или менее удачные попытки концептуально осознать эту реальность. Например, концепция США как «кластера транснациональных элит», проводимая российским политологом А.И. Фурсовым. В западной и особенно латиноамериканской политологической мысли сейчас активно используется термин «СЕОкратия» (от английского Chief Executive Officer (CEO) — топ-менеджеры крупных ТНК) [24], т.е. «корпоратократия» или «менеджерократия». Входит в моду понятие «deep state» (глубинное государство), но в самой формулировке есть неопределенность, выдвинутый в режиме поиска адекватного термина. Непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике имеет концепция «транснационального капиталистического класса», выдвинутую канадцем Р. Кохом и британцем Л. Склярсом [3, 13]. В российской политологии этот подход последовательно проводится российским ученым А.Б. Рахмановым [9, 10, 11, 12, 14]. В концепции акцент делается на субъекте ТК. Мы же предлагаем остановиться на институциональном аспекте, т.е. какие институты формируются в ходе развития ТК.

Наиболее адекватным при описании такой институциональной политической надстройки ТК стал бы термин «транснациональное государство» (ТГ). Он содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, мы говорим о чем-то принципиально новом, но используем при этом «старый» термин «государство». Речь идет, скорее, о парагосударстве (или метагосударстве), но это тонкости, в которые пока вряд ли целесообразно вдаваться. Если же попытаться проанализировать ТГ в рамках классического понятия «государство», то можно выявить его структуру, сходную с традиционной.

В нем можно обнаружить ряд компонентов национального государства: 1) политические структуры, принимающие решения, и исполняющий эти решения собственно бюрократический аппарат; 2) судебная система; 3) социальные институты; 4) военные и полицейские органы принуждения. «Примерить» эти компоненты к феномену ТГ. Функционируют политические институты, которые пока мало изучены из-за закрытости. Сюда можно отнести известный Бильдербергский клуб, ВЭФ, где ежегодно собирается транснациональная элита и порой принимаются решения глобального масштаба. Это центры принятия решений. Аналогом бюрократической машины национального государства выступают полуменеджерские-полубюрократические структуры международных финансово-экономических организаций типа МВФ, ВБ, ВТО, интеграционных объединений, в первую очередь ЕС (получившая печальную известность «брюссельская бюрократия»). Что касается экономической составляющей феномена ТГ, то ее ткань формируют комплексы ТНК (см. выше). Центрами принятия глобальных экономических решений здесь выступают ВБ, МВФ и ВТО. Впрочем, их решения имеют и политический эффект. Например, решение по кредиту той или иной стране, может иметь политические следствия (оказать влияние на исход выборов). Поэтому их функциональность не сводится исключительно к экономике, а относится одновременно и к первому типу, т.е. эти институты входят в состав политической бюрократической надстройки ТГ.

Ведущей судебной инстанцией ТГ можно считать Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID). Он служит ярким примером нарастание в начале XXI в. конфронтации между государствами и ТНК. Исходно ICSID — главная судебная инстанция, созданная при ВБ еще в начале 60-х гг. по решению споров между ТНК и государствами. В первые 30 лет функционирования в нее не было подано ни одного иска (!), ставился вопрос о ее закрытии. Но потом что-то произошло. В период с 1987 по 1999 гг. в ICSID было подано 38 исков. Между 2000 и 2012 гг. — 480!!! [22] Сейчас организация

процветает, причем большинство исков решается в пользу ТНК.

При описании социальных институтов ТГ мы вступаем в поле относительной невидимости. Транснациональные элиты создают свою жилищную инфраструктуру, сектор социального обеспечения, стандарты потребления и т.п. (ряд аспектов исследован в трудах А.Б. Рахманова). Приведем пример на латиноамериканском опыте. После госпереворота в Гондурасе в 2009 г. крупные ТНК стали скупать земли с целью создания урбанистических проектов под названием «модульные города» [24], своего рода «урбанистические латифундии или анклавов XXI века». Суть сводилась к тому, что на огромных территориях строились полностью автономные феешенебельные городские комплексы, предназначенные для проживания топ-менеджеров не только местной, но и мировой корпоративной элиты. При этом города обладали как инфраструктурной, так и юридическо-правовой автономностью (планировалось, что на территории городов будет иметь силу свое уголовное и гражданское право, отличное от национальных юридических норм страны пребывания). Правовой порядок в транснациональных анклавах должен был обеспечиваться частной охраной и частной полицией. Эти анклавов формировались в режиме «государства в государстве». В 2010—2012 гг. имелась информация о начале строительства «модульных городов». Завершен ли проект на настоящий момент — вопрос открытый, так как информация о нем исчезла. Логика процесса подсказывает, что число подобных проектов должно расти. К тому же типу создания «социальной среды» для транснациональной элиты можно отнести строительство насыпных островов в Дубае, Катаре и других регионах мира, но о них также очень мало информации. Сколько анклавов поселения транснациональной элиты уже построено — можно только предполагать, но факт остается фактом: заявка и запрос на создание транснациональной социальной среды существуют, и фактически это вопрос времени.

Что касается военной сферы ТГ, то здесь институтами выступают военные базы и частные военные корпорации. Базы США

и НАТО — это военная машина глобального распространения (их объекты находятся в более чем 100 странах мира). Функционально это — транснациональный военный аппарат подавления. В большинстве исследований, не говоря о СМИ, данные базы квалифицируют как национальные, т.е. «базы США» или их союзников.

Если приглядеться к самому феномену современных США, то обнаруживается, что «национальная» принадлежность — лишь видимость, сущность же сугубо транснациональная. США давно перестали быть — если были когда-либо — традиционным национальным государством, и квалификация их в качестве такового представляет собой теоретическую ошибку. Российские исследователи резонно отмечали: «Такое положение ставит перед нами вопрос: *кто* собственно, господствует в этой системе — США как политическое и экономическое целое или транснациональные корпорации, *использующие* США, как и другие государства, в *своих* интересах? Не перестает ли на наших глазах единственная сверхдержава быть *сверхдержавой* и не превращается ли в сверхрезиденцию транснациональной олигархии и мирового сверхжандарма на ее службе?» [21, С. 25]. Эту трактовку можно слегка расширить и квалифицировать США как резиденцию основного ядра транснационального капитала в целом, что перекликается с подходом А.И. Фурсова, трактующего США как «кластер транснациональных корпораций» [20].

Когда речь идет о военных базах США, которых в мире насчитывается порядка 800 [25], то более адекватным было бы говорить о военной машине ТГ, нежели о формах иностранного военного присутствия национального государства. Любопытно, что феномен такого рода баз также имеет тенденцию к преодолению открытых форм военного присутствия. США очень стараются сделать данный феномен невидимым для общественного сознания в информационном пространстве. Проиллюстрировать это можно на латиноамериканском опыте, на чем мы остановимся в следующей статье.

Подытоживая, отметим, что в данной статье предпринята попытка интерпретации и анализа феномена, во многом пока скрытого от общественного и научного сознания, прежде всего ввиду закрытости самих транснациональных структур. В настоящее время речь идет о выдвигании гипотез, которые могут быть подтверждены, уточнены или опровергнуты в зависимости от поступления эмпирического материала. Комплексный анализ феномена транснационального государства — дело будущего.

Продолжение следует.

Список литературы

1. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. Издание третье, исправленное и дополненное. Серия «Размышляя о марксизме», № 119, URSS, издательство ООО «ЛЕНАНД», Москва, 2015. С. 317.
2. Всемирный Банк: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=graph>
3. *Добреньков В.И. Рахманов А.Б.* Социология глобализации. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2014. 663 с.
4. Доклад о мировых инвестициях, UNCTAD, 2012 (издание на русском языке), стр. 7.
5. *Кизим А.А., Козырь Н.С.* Интернационализация бизнеса: транснациональные корпорации, эволюция подходов. / *Экономика и бизнес.* 2011. № 1 (5).
6. «Коммерсант», 18.05.2012 /<http://www.kommersant.ru/doc/1938522>
7. *Пателис Д.* О ранних и поздних социалистических революциях в свете Логике Истории. О теоретической и практической актуальности социализма. «CREDO NEW Теоретический журнал», № 2. 2011. С. 279.
8. *Пятаков А.* Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, № 1, т. 62. С. 85—93. DOI: 10.20542/0131—2227—2018—62—1-85—93.
9. *Рахманов А.Б.* Женщины-миллиардеры в 2018 г.: гендерный анализ бизнес-элит ведущих стран мира. *Вопросы экономики*, 2018, № 8. С. 148—157.
10. *Рахманов А.Б.* Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ. ЭКО, 2017, № 10 (520). С. 62—84.
11. *Рахманов А.Б.* Капиталистический класс в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*, № 10, 2017. С. 16—34.

12. Рахманов А.Б. Капиталистический класс современного Китая. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.* № 2. Т. 22. 2016. С. 62—83.
13. Рахманов А.Б. Концепция транснационального капиталистического класса в трудах в западной социальной мысли конца XX начала XXI века (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса). *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология.* № 2, 2015. С. 98—115.
14. Рахманов А.Б. Транснациональный капиталистический класс и образование: к критике концепций постиндустриального общества. *Университет в глобальном мире: новый статус и миссия.* Сборник материалов XI Международной научной конференции. МГУ им. М.В. Ломоносова, Социологический факультет, 2017. С. 221—222.
15. Сегал А.П., Кошель В.А. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания *«Международный академический вестник»* Междисциплинарный научный журнал, № 4 (10), 2015. С. 15—23.
16. Сегал А.П. Будущее и прошлое в зеркале здравого смысла. *Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС».* № 1 (13), 2018.
17. Сегал А.П. Проблемное поле исследования обыденного сознания. *Современные проблемы науки и образования.* № 6, 2013.
18. Сегал А.П. Проблемное поле обыденных и научных представлений о Золотом веке как продукт «визуализации знания». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»,* № 2, 2016. С. 36—49.
19. Титов А.Н. Тенденции формирования транснациональных корпораций. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова,* 2011, № 4.
20. Фурсов А.И. Глобальный социально-экономический кризис, его причины, параметры, особенности протекания и вероятные сценарии дальнейшего развития. *Focus* № 1, 2017, <http://dynamic-of-civilizations.ru/zhurnal-focus-1/75-andrej-fursov-tezisy-vystupleniya.html>
21. Харламенко Е.Н., Харламенко А.В. «Многополюсный мир» или империалистическая глобализация. *Марксизм и современность.* № 3—4 (20—21), 2001.
22. América Latina en Movimiento, Ecuador, № 485, Mayo 2013 Источник в интернете: <http://alainet.org/publica/485.phtml>
23. Gauto M. CEOcracia: mitos y verdades // Portal Perfil.com, 2017, <http://www.perfil.com/noticias/columnistas/ceocracia-mitos-y-verdades.phtml>
24. Las «ciudades modelo» de Honduras, entre Hong Kong y Eurovegas. 22.09.2012. RTVE. // <http://www.rtve.es/noticias/20120922/honduras-podria-ser-primer-pais-del-mundo-crear-ciudades-privadas/564056.shtml>
25. Por qué EE.UU. tiene unas 800 bases militares por todo el mundo?, 31.05.2015. Russia Today // <https://actualidad.rt.com/actualidad/176300-ba-ses-eeu-mundo-causas>
26. World Investment Report. 2012. UNCTAD // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2012_embargoed_en.pdf
27. World Investment Report. 2018. UNCTAD // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf

¹ Тот факт, что переживаемая нами эпоха типологически относится к монополистическому (причем уже транснациональному) капитализму, для одних является аксиомой и чем-то само собой разумеющимся, для других – терминологическим рудиментом «устаревшего» марксизма. Объем и тематические рамки статьи не позволяют специально доказывать правомерность такой квалификации эпохи. Тем не менее некоторые факты и соображения в пользу нее читатель найдет в последующем изложении.

«Civilizational Cycle» and the Methodology of Forecasting Events

«Цивилизационные циклы» и методология прогнозирования событий¹

Vladimir Anatolievich Lepехin,
Vice-rector for science
and education Business-University MIRBIS,
candidate of philosophy
E-mail: vlepehin2015@yandex.ru

Владимир Анатольевич Лепехин,
проректор по науке и образованию
Бизнес-университета МИРБИС,
кандидат философских наук
E-mail: vlepehin2015@yandex.ru

Для цитирования. В.А. Лепехин. «Цивилизационные циклы» и методология прогнозирования событий. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 76—84.

Annotation. The article deals with the methods of modern political forecasting and, above all, the method of extrapolation of past events into the future on the example of the so-called «civilization cycles». Analyzing the key events of Russian history, the author puts forward a hypothesis about the cyclical-progressive type of development of Russia.

Key words: methods of political forecasting, Russian civilization, historical cycles, civilizational cycles, extrapolation method, civilizational choice, competitive civilizations, civilizational war, Russian people, national elites, peripheral capitalism

Аннотация. В статье рассматриваются методы современного политического прогнозирования и, прежде всего, метод экстраполяции событий прошлого в будущее на примере так называемых «цивилизационных циклов». Анализируя ключевые события российской истории автор выдвигает гипотезу о циклично-поступательном типе развития России.

Ключевые слова: методы политического прогнозирования, российская цивилизация, исторические циклы, цивилизационные циклы, метод экстраполяции, цивилизационный выбор, конкурентные цивилизации, цивилизационная война, российский народ, национальные элиты, периферийный капитализм

В канун Нового 2019 года в российских и зарубежных СМИ, как это обычно бывает на стыках времен, появились десятки и даже сотни публикаций разного рода пророков и предсказателей. При этом число считающих, что будущий год будет явно лучше предыдущего, примерно равно числу тех, кто утверждает прямо противоположное.

В рамках настоящей статьи, никак не относясь к опубликованным в СМИ «прогнозам», выскажем ряд соображений по поводу самой методологии прогнозирования событий в современной России.

Для начала отметим несколько моментов.

Первый момент заключается в том, что все предсказатели будущих событий делятся на три основные категории. Во-первых, это футурологи и методологи (их меньшинство), то есть ученые, пытающиеся прогнозировать

те или иные события на основании анализа имеющейся информации и выявления определенных законов и закономерностей в последовательности и повторяемости тех или иных процессов и явлений (к этой категории предсказателей я отнес бы и писателей, работающих в жанре *science fiction* — уж поскольку они строят сюжеты своих романов на экстраполяции каких-то современных знаний в обозримое будущее). Во-вторых, это «эксперты», называющие себя носителями некоей инсайдерской информации, но в процессе самопиара не настаивающие особо на достоверности своих прогнозов — как бы «за что купил, за то и продаю». В-третьих, это авантюристы, называющие себя пророками или экстрасенсами, которые в своих прогнозах так или иначе стреляют пальцем в небо (это относится, в первую очередь, к астрологам).

Второй момент заключается в том, что говоря о заявленной в статье теме, нас, безусловно, интересует первая категория «предсказателей», то есть собственно футурологи, социологи, политологи и проч. и их прогнозы, основанные на конкретной научной доказательной базе. Нас интересуют также те методы, которыми пользуются ученые, способные предсказать то или иное событие.

Третий момент касается так называемых исторических циклов, точнее — некоторых витков в развитии человечества или отдельных его сегментов: экономик, технологических укладов, событий геополитического характера, этногенеза, антропогенеза, а также развития цивилизаций — *уж поскольку одним из основных методов научного прогнозирования является метод экстраполяции...* Опять же, судя по названию статьи, нас в данном случае интересует тот элемент или аспект процесса прогнозирования будущего, который касается установления так называемых «цивилизационных циклов» — временных отрезков в развитии конкретных трансрегиональных цивилизаций, в течение которых то или иное цивилизационное образование совершает очередной виток в своем генезисе, как бы возвращаясь к некоей исходной точке, но на более высокой степени своего развития.

Наконец, *четвертый момент* состоит в том, что нам интересны, в первую очередь, РОССИЙСКАЯ цивилизация, ее обозримое будущее. Посему и рассмотрим мы более внимательно алгоритм развития Руси-России-СССР-РФ, как культурно и исторически единой (одной и той же) цивилизации, в процессе чего попытаемся показать, что с определенного времени для этой цивилизации характерно не линейное, но и не циклическое, но *поступательно-циклическое* развитие. Прежде всего, в политической сфере (в широком смысле — как в сфере самоорганизации общества, требующей своего государственного и собственно политического оформления).

Отметим, что в мировой гуманитарной науке существует немало теорий и концептов, основанных на открытии, либо же конструировании цикличности тех или иных процессов. Опустим здесь «кондратьевские циклы»,

как частный (отраслевой) случай прогнозирования развития цивилизаций, который, конечно же, следует квалифицировать как научное открытие. Подтверждением научности этого открытия является сама жизнь: так, современные экономисты, понимая логику «кондратьевских циклов», научились предсказывать события, связанные со взлетами и падениями западной и мировой экономики.

«Кондратьевские циклы» и иные закономерности в повторяемости тех или иных процессов позволяют математизировать экономическую прогностику. В результате на основе просчета различных статистических данных были выявлены **экономические циклы Китчина, Жюгляра, Кузнеця** и т.п. Динамично развивается в последние десятилетия прогнозирование с использованием математических методов и в социальной сфере, хотя социологические прогнозы — по понятным причинам — предельно маргинализированы, за исключением быть может только тех прогнозов, которые основаны на предвыборных exit polls.

Что же касается политических прогнозов, то математические методы здесь не проходят. Политика — сфера субъективного, и здесь слишком велика (до бесконечности) шкала вероятностей. Тем не менее, и в политической сфере возможно прогнозирование, но при опоре на, прежде всего, формальную логику, оперирующую, как известно, не числами (как в математике), а единицами языка, то есть смыслами. Проблема, однако, в том, что 99% нынешних так называемых политологов никогда не изучали логику, а многие из тех, кто её все-таки изучал, попросту не имеют «логического слуха». Отсюда — неспособность нынешних политэкспертов объяснить (а политиков — понять), что происходит, а тем более — что будет происходить в действительности.

Очевидно, что первые попытки прогнозировать будущие события были зафиксированы в астрономии (циклическость времен года, времени суток и т.п.) и земледелии, нуждающемся в знании природного календаря. Сложнее было выявлять действие объективных законов, предопределяющих социальные, политические или антропологические колебания. Однако еще Платон и Аристотель обратили

внимание на круговорот многих явлений в социуме: например, форм правления.

С тех пор не было, наверное, философа и историка, которые бы не пытались представить историю человечества как движение через какие-то этапы, ступени «лестницы эволюции», формации, стадии или циклы развития. Из современных концептов цикличности истории на ум, в первую очередь, приходит концепт советского историка **Льва Гумилева**, относящийся то ли к открытию, то ли к красиво представленной гипотезе **полутора-тысячелетних циклов этногенеза**, согласно которому всякий крупный этнос проходит в своем развитии четыре основных стадии — от становления до разрушения.

В Китае и вообще на востоке весьма популярны **теории жизненных циклов** и самые известные жизненные циклы — продолжительностью в 12 лет и в 64 года. В частности, на 12-летнем цикле развития человеческого индивида основан китайский календарь. Возможно, именно 12-летние циклы китайского календаря сподвигли некоторых российских историков (**О.Ю. Маслова, А.В. Прудника** и др.) применить данную методологию по отношению к России, к её истории.

Авторы этого концепта констатируют, что закономерности, фиксирующие 12-летний цикл российской истории, начинают действовать, как минимум, с 1881 года. [1] В этот год умирает великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, предсказавший грядущую смуту, погибает от рук террористов император Александр II, казнены 5 организаторов его убийства, а также подписан Императорский манифест, в котором Александр III подтверждает намерение хранить незыблемыми истоки самодержавия

Через 12 лет, в 1893 году было запрещено частичное перераспределение земель внутри общины, а для общих переделов был установлен наименьший срок: раз в 12 лет. В декабре 1893 года был наложен запрет на продажу общинных земель и крестьянских наделов. И «именно нерешенность в России крестьянского вопроса и вылилась в дальнейшем в революцию 1917 года», — отмечают авторы данного концепта.

Историки отмечают также, что за 12 лет до 1881 года в марте 1869 года произошли студенческие волнения в Петербурге и арест большинства членов нелегальной группы С. Нечаева и П. Ткачева. В этом же году на русском языке был издан «Манифест Коммунистической партии». Соответственно, за 12 лет до этого, в 1857 году А. Герцен и А. Огарев начинают издавать в Лондоне журнал «Колокол», и тогда же выходит Императорский рескрипт, запустивший обсуждение условий освобождения крестьян.

В 1845 году в Петербурге начинает собираться кружок М. Петрашевского, находящегося под влиянием социалистических идей Ш. Фурье, а в 1833 году вышел запрет на продажу на аукционах крепостных без земли для погашения долгов.

Правда, в 1821 году, как и в 1809-м, вроде бы ничего существенного в России не произошло и, спроецировав 12-летний цикл не в прошлое, а уже в будущее уже после 1893 года, авторы рассматриваемой концепции напоминают, что: «1905 год — первая российская революция, 1917 год — социалистическая революция, 1929 год — год «великого перелома», 1941 год — начало Великой Отечественной войны, 1953 год — смерть Сталина». [2]

И вот здесь ряд циклических событий вроде бы заканчивается. Сами авторы рассматриваемого нами оригинального концепта исторической цикличности событий в России отмечают: «в 1965 году ничего судьбоносного в истории нашей страны не произошло. И из-за этого возникает ощущение, что 12-летние циклы характерны лишь для полувекового периода развития России — СССР».

С нашей точки зрения, если 12-летний цикл — всего лишь случайное совпадение ряда значимых дат, следует отметить также, что любая выборка исторических событий страдает определенной субъективностью. К примеру, Николай I умер в 1955 году (как считается, был отравлен), а это куда более важное событие того периода, чем начало издания журнала «Колокол» в 1857 году, крестьянская реформа началась все-таки в 1861 году, а не в 1857-м, Александр III умер в 1894 году, ну и вступление России в Первую мировую

войну, то есть самое значимое событие начала 20 века, согласно 12-летнему циклу русской истории, вообще остается за бортом данной хронологии. Далее: большевики взяли власть в 1918 году, а не в 1917-м, как следует из большевистской историографии, а 1927 год был с точки зрения расстановки сил в РФ куда более значимым 1929 года и т.д.

Отметим также, что на некоторых этапах в истории той или иной страны наверняка могут действовать некоторые закономерности, предопределяющие наличие такой вот краткосрочной (10, 12 и т.п. лет) цикличности. Однако же мы в данной статье говорим о цивилизационных циклах, то есть о **довольно длительных этапах развития надгосударственных общностей (или же стран-цивилизаций вроде России, Китая или США), которые затрагивают судьбы этих цивилизаций как таковых, а не только отдельные политические или же экономические события.**

В этом смысле гумилевский «полуротатысячелетний» полный цикл в развитии этносов цивилизационного типа вполне возможно имеет под собой какие-то объективные основания и, не исключено, является блестящей догадкой великого ученого, тем более, что в 1997-м году в палеоклиматологии (науке об истории изменений климата Земли) были открыты т.н. циклы Джерарда Бонда. Анализ результатов многолетних исследований им ледниковых кернов Гренландии и айсбергового льда показал наличие колебаний климата в Северной Атлантике, происходящих с периодичностью примерно в те самые 1500 лет (если точнее — 1470 +/- 500) с начала текущей геологической эпохи — голоцена. [3]

Так вот, **циклы продолжительностью примерно 1500 лет — это вполне пристойно для истории ведущих трансрегиональных цивилизаций мира.** Не только для российской, но и для западноевропейской христианской (постримской) цивилизации, которая, будучи старше русско-российской, совершенно точно подошла к пределам своего развития, и сегодня мы наблюдаем не что иное, как ее агонию.

Автор этих строк в свое время опубликовал ряд работ, посвященных так называемому антропологическому повороту (и циклу), являющемуся итогом почти 2000-летнего периода в истории западной (христианской) части человечества и началом некоего нового её этапа. [4] Симптоматично, что известный израильский историк и футуролог **Юваль Харари**, книга которого («**Homo Deus: Краткая история будущего**») [5] год назад была переведена на русский язык и теперь активно продвигается на российском рынке западными издателями, также рассматривает мировой антропогенез в трех основных циклах: дохристианском, христианском и постхристианском — но с чисто глобалистских позиций.

Несомненный интерес в связи с такой вот христианоцентричной периодизацией мировой истории вызывают работы российского историка и аналитика **Александра Рудакова**, описывающего **532-летние периоды** в развитии христианской цивилизации — так называемые циклы Великих Индиктионов, предопределенные — со времен императора Константина — включенностью всех процессов в рамках западной цивилизации в систему новой христианской хронологии (церковного юлианского календаря). [6] По его мнению, названные циклы есть не что иное как Большие эпохи в жизни христианских народов, исторически связанные с символами Первого, Второго и Третьего Рима.

Весьма популярной была в РФ в 90-е годы прошлого века и концепция «**маятниковых колебаний**» в развитии России, которую сегодня уже особо не вспоминают в виду, прямо скажем, её незамысловатости.

Как видим, существует масса подходов к периодизации мировой и российской истории и обоснованию разного рода цикличностей в развитии тех или иных общностей. Каков сухой остаток? И какая методология применима к описанию цикличности истории России как цивилизации?

К первому методологическому требованию в прогнозировании будущего российской цивилизации мы бы отнесли принцип рассмотрения всей видимой и более или менее достоверной истории России в её неразрыв-

ном единстве. И это объект исследования с историей в чуть более тысячу лет, поскольку мы почти ничего не знаем о том, что происходило в пространстве Северной Евразии до 9-го или даже до 10 века.

За эти тысячу с небольшим лет русский народ не единожды сменил тип и форму государственности, но российская цивилизация все это время развивалась в определенной логике и от простого к сложному. Какого рода ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ (то есть сущностные), а не просто локальные экономические или политические колебания и витки развития происходили на этом пути?

Очевидно, что развитие цивилизации подчинено логике эволюции всего живого — по аналогии с одногодичным циклом смены времен года: весна, лето, осень и зима. В приложении этой логики к циклу развития цивилизации и отдельных её этапов это становление (рождение и выход в рост), развитие (до достижения зрелости), переход к кризису (остановка в развитии и переход к упадку) и собственно упадок, финал (разложение, дно). Если верить Льву Гумилеву, российская цивилизация находится сегодня где-то очень близко к своему концу, тем не менее, следуя принципу «предупрежден — значит, вооружен», у российских элит гипотетически есть возможность перезагрузить Россию и избежать тем самым фатума завершения антропогенеза русского народа и российской цивилизации.

Впрочем, гумилевский исторический путь суть «жизненный цикл» самой и любой цивилизации. («Судьба европейской цивилизации не является исключением: каждая культура обособлена от всех других, и она последовательно проходит цикл развития от рождения к смерти», — писал в свое время **Освальд Шпенглер**, например, о западноевропейской цивилизации в своей знаменитой книге «Закат Европы»).

Такая вот методика — рассматривать развитие мировой и западной цивилизаций как один жизненный цикл, а процессы внутри них — линейно, характерна и для самой известной международной прогностической структуры — «**Римского клуба**», который за 50 лет своего существования опубликовал уже

более сорока докладов о будущем. Но, как известно, ни один из этих докладов не выходит за рамки глобалистско-технократической и западоцентричной методологии прогнозирования, и ни один из них не дает понимания будущего российской цивилизации или хотя бы Евразии.

Нам важно понимать логику и ритмы развития России, для чего необходимо разобратся в источниках и механизме соответствующих внутрицивилизационных колебаний. Выявив законы и закономерности русской и российской истории, то есть, поняв саму природу цикличности развития нашей цивилизации, мы наверняка сможем прогнозировать те или иные события, экстраполируя события прошлого в будущее.

Заметим в связи с этим, что наблюдаемые в РФ колебания с шагом в 500 лет — следствие внешнего воздействия на события в России внешнего фактора. Источник колебаний и различных волн находится в данном случае в основном за пределами российской цивилизации, а посему его влияние на логику развития может быть велико, но не настолько, чтобы предопределять колебания эндогенного типа. Колебания же с шагом в 12 лет, если они и существуют, наверняка подчинены логике реальных цивилизационных циклов, которые сменяют друг друга в рамках алгоритмов более высокого и общего порядка.

Тут можно предположить, что логика смены времен года, характерная для цивилизации как таковой, является определяющей и для логик отдельных исторических периодов. И что для каждого значимого периода российской истории — условных эпох Древней Руси, Руси-Московии, Московского царства, Российской империи, СССР и новой России тоже характерны такие же фазы: становление, развитие, падение, дно и, разумеется, вновь выход в рост по итогам кризиса.

Не случайно историки О. Малов и А. Прудник рассматривают помимо «12-летних циклов» и более масштабные, рамочные циклы развития (условно — продолжительностью в 50 и 100 лет), как периоды с более системной и сущностной логикой, задающей определенный и вполне конкретный смысл

событиям локального значения и масштаба. Так, если в «12-летних циклах» к ключевым событиям можно отнести приход к власти новых правителей и «групп интересов», а также преимущественно эпизоды внутриэлитной борьбы, то в рамках циклов в 100 и более лет речь может идти о приходе к власти новых правящих династий, а также о преодолеваемых страной очередных цивилизационных вызовов и угроз.

На всем протяжении тысячелетней российской истории наша цивилизация столкнулась с пятью-шестью фундаментальными угрозами своему существованию. Видимо, моменты крайнего кризиса российской государственности это и есть тот критерий, который определяет границы между цивилизационными циклами.

Рассмотрим ключевые цивилизационные вызовы Руси-России и соответствующие ответы на них отечественных элит, являющиеся источником колебаний (циклов) в развитии российской цивилизации.

Первый цивилизационный выбор Руси был связан очевидно с её крещением. Пожалуй, вторая половина 10 века это и есть точка отсчета в истории нашей страны как цивилизации. Тут достаточно вспомнить то самоопределение молодой Русской православной церкви в лице сначала князя Новгородского и Киевского Владимира Великого, а затем князя Новгородского, Ростовского и Киевского Ярослава (Мудрого) и его ставленника митрополита Киевского Илариона, которые в конце 10-го — середине 11 века дали четкий ответ на первый цивилизационный вызов: Русь — это часть христианского мира, часть византийской культуры, но это и своя самостоятельная самобытная культура большого пространства.

Второй цивилизационный выбор был связан с отражением русскими князьями атак со стороны католического Запада в лице немцев, шведов, литовцев, поляков, датчан, норвежцев и Ватикана, и связан он был, в первую очередь, с именем великого князя Ростовского Новгородского и Киевского Александра Невского.

Третий цивилизационный выбор — освобождение Руси из-под Орды. Решающую

роль в этом процессе сыграли первый удельный князь Московский Даниил, а затем митрополиты Киевские и Московские Петр и Алексей I, настоятель Свято-Троицкого монастыря Сергей Радонежский, князь Московский Дмитрий Донской и его потомки — русские цари Василий I, Василий II, Иван III.

Четвертый цивилизационный выбор был связан с самоопределением России внутри себя и для себя — как свободного государства и Московского царства, с переходом к собиранию русских земель уже не через духовное воссоединение, как при Иване III, а — при Василии III-ем — грубой силою, а также с первым цивилизационным самоопределением Москвы (при Иване IV-ом) как «Третьего Рима».

По сути мы видим четыре цикла русской истории, каждый из которых занял по времени примерно 150—200 лет, что понятно: речь шла не просто о развитии России, но о преодолении междоусобиц, противостоянии жестоким соседям, поиске себя и, в каком-то смысле превращении, с одной стороны, в проточивилизацию, а с другой — в собственную противоположность. Отсюда и кризис власти в конце четвертого цикла русской истории, который одновременно стал началом — первым циклом — истории российской: физическое вырождение рюриковичей, перерождение русского крестьянского и православного государства в государство протоимперское и разделенное на два мегасословия, утрата былой национальной идентичности в пользу идентичности наднациональной.

При Иване Грозном цикличность российской истории стала и ускоряться, после чего она ужалась до примерно 100 лет. Быстрый и мощный взлет Московского царства в середине 16 века не перешел в плавное развитие страны и закрепление успехов, но сменился кризисом власти, переросшим в катастрофу, из которой Россия вышла с новой царской династией, с принципиально новым политическим классом и с новой наднациональной идеологией.

Здесь заметим, что цивилизационный кризис на Руси конца 16 века закончился выходом страны из него в начале 17 века (1612—

1614 гг.) — **ровно через 100 (!) лет** после подписания Василием III в 1514 году договора с императором Священной Римской империи Максимилианом I, в котором впервые в истории Руси русский князь, а затем (с 1502 года) и государь — самодержец Руси был назван «императором русов». При этом, воцарившуюся в 1613 году в России новую царскую династию Романовых вряд ли следует рассматривать как закрепление победы русского духа над самозванцами и литовско-польскими интервентами. Скорее, избрание на царство Михаила Романова стало компромиссом между пропольской и прорусской «партиями» в российских верхах и началом наступления укрепившихся во власти прозападных и соглашательских элит на русские сущности и исконное православие. Не случайно при втором Романове, Алексее Михайловиче впервые и масштабно была сфальсифицирована русская история. При нем же православие как важнейшая цивилизационная основа русской цивилизации было подвергнуто серьезной прозападной (прогреческой) реформации.

Ровно через 100 лет (в 1712—1714 гг.) после воцарения династии Романовых Петр I перенес столицу России из Москвы в Санкт-Петербург, что символизировало цивилизационный разворот уже не столько русского национального, сколько российского имперского государства на Западную Европу, а также начало культурной перекодировки и кульминацию государственных преобразований в Российской империи на немецкий и голландский манер.

И ровно через 100 лет (в 1812—1814 гг.) Россия была вынуждена воевать с этим самым Западом в лице самого сильного государства Европы — Франции, что стало мощной встряской для погружающейся в откровенный космополитизм и франкофонию российской элиты и началом последующего её возвращения к цивилизационным корням и истокам (при сохранении диалога с Западной Европой), что, в частности, дало миру Великую русскую литературу, выдающуюся русскую философию, развитие естественных наук и проч.

Ровно через 100 лет (в 1914 году) очередному российскому царю, утратившему — по-

сле прозападной либеральной революции 1905 года, преобразовавшей абсолютную монархию в конституционную — цивилизационные инстинкты, пришлось вновь вступить в войну с главным государством Европы — на этот раз с Германией.

И ровно через 100 лет после этого крайне трагического для российской цивилизации события Россия (теперь уже Российская Федерация) вынуждена была вступить в Третью мировую войну с США и её союзниками. В 2014 году американские спецслужбы организовали государственный переворот на Украине, поддержали АТО против русских на Донбассе, развернули базу НАТО под Очаковым и втянули российских военных в затяжную войну с террористами в Сирии. В свою очередь, Конгресс США ввел санкции против РФ якобы в связи с возвращением Россией Крыма.

Итак, мы видим пять столетних циклов, каждый из которых связан, *во-первых*, с цивилизационным вызовом для России, а *во-вторых*, с последующей национальной мобилизацией русских, вынужденных искать свой ответ на этот вызов и всякий раз находивших его в мобилизации своего цивилизационного потенциала.

Тут можно сказать, что разница ровно в сто лет между ключевыми событиями российской истории на протяжении многих веков — это случайность. А не случайность, так мистика. Если, конечно, не предполагать, что где-то за пределами России существует некий глобальный планировщик, организовавший в начале 17 века первую субцивилизационную войну против России, в начале 18-го — вторую (на Балтике и в Черном море), в начале 19-го отправивший на Москву войска почти 20-ти европейских стран во главе с Наполеоном, в начале 20-го втянувший Российскую империю в мировую войну, а уже в наше время развязавший против РФ войну цивилизационную гибридную.

Но не будем искать такого планировщика в темной комнате. Попробуем дать на вопрос об источниках происхождения такой вот необычайно точной цикличности более или менее научно-обоснованный ответ. Полагаем, что ответ этот следует искать в выявлении объективных причин повторяемости ключевых для

России событий цивилизационного значения и уровня. Так что первый вопрос, который возникает в связи с анализом возможных причин такой повторяемости — это вопрос о том, почему цивилизационные противники систематически атаковали Россию в начале каждого столетия, начиная с 17 века.

С нашей точки зрения, причинно-следственная связь здесь, скорее, обратная. **Запад, судя по всему, напал почти через каждые сто лет на Россию потому, что в ней самой раз в столетие происходили события одного и того же порядка, побуждающие европейских гегемонистов двигать свои войска на восток.**

Не напасть на Россию Запад не мог в силу экспансионистской природы капитализма (торговой цивилизации). [7] Поводом же (фактически — приглашением к войне) периодически становилось очередное и чрезвычайное ослабление российских элит и, как следствие, российской государственности. Ослабление, в первую очередь, концептуальное и стратегическое, связанное с системным расстройством понимания властью ситуации в собственной стране, запутанностью ее отношений с Западом, с почти полной утратой целеполагания (под воздействием одних и тех же искушений) и, как следствие, аннигиляцией воли.

То есть, наша гипотеза причин цикличности российской истории выглядит следующим образом.

В тот или иной исторический период на волне сопротивления российского народа-социума очередному кризису власти и в результате соответствующего катаклизма — войн, бунтов, разрушений и т.п. к власти в России так или иначе приходят «свежие» силы, которые начинают восстановление, модернизацию и подъем страны (весна). Затем в результате мобилизации духа и развития страны в ней начинается «золотое время» (лето). После чего в самой кульминационной точке социально-экономического и культурного развития государства, когда у элит начинается «головокружение от успехов» и они, начиная предаваться утехам, теряют бдительность, в стране начинаются системные сбои и накопление негативных трендов. Затем,

в какой-то момент в ней случается надлом (и наступает осень), после чего страна, ее экономика и иные процессы начинают катиться по наклонной вниз, пока не достигают дна (зимы). Вот тогда-то, когда Россия оказывается в состоянии «на дне», по соседству с ней активизируются силы, желающие поживиться российскими территориями и ресурсами.

В такой вот цивилизационной методологии в ряде статей и докладов автор этих строк в свое время предложил принципиально новое видение Великой русской революции, которая не сводима к 1917 году (такова официальная большевистская трактовка событий того времени, нуждающаяся в пересмотре); она началась, по большому счету в 1905 году и закончилась в основном к 1927-му году. [8] В рамках цивилизационного подхода к российской истории совершенно иначе выглядит и гражданская война в России, которая по своему содержанию была не столько войной классов (как её представили в свое время большевики), сколько отражением экспансии в пространство России 14-ти государств. Совершенно иначе выглядят и другие важные периоды отечественной истории.

В некоторых статьях о причинах развала СССР автор этих строк пояснял, что «перестройка» — не просто одиночный акт и проект, выдуманный Михаилом Горбачевым со товарищи. Советский Союз стал падать в конце 70-х годов прошлого века, когда советские элиты наслаждались застоём. Надлом же в развитии СССР произошел сразу после смерти Сталина. В этом смысле неадекватная реакция российского руководства, например, на события 1968 года наглядно продемонстрировала, что восхождение страны Советов к концу 69-х годов прошлого века закончилось. [9] Так что и «перестройка», и реформы Гайдара, и все последующие российские «реформы» вплоть до наших дней происходили или происходят в логике упадка и входа в «зимний» период.

Полагаем, что если наша гипотеза верна, то для прогнозирования ситуации в России на ближайшую перспективу нам нужно следить за российскими элитами и стремиться понимать те процессы, которые происходят внутри правящего класса. Именно от того, в какую сторону качнется в ближайшие год-два этот

класс, и зависит в итоге, преодолеет ли Россия очередную смуту и сможет ли она, оттолкнувшись от дна, обеспечить стране всплытие.

Понимая, что в современных российских элитах сегодня происходят в целом те же самые процессы, что происходили в них сто, двести и четыреста лет назад (но только с поправкой на время: в другой упаковке и с иным антуражем), мы можем констатировать, что начиная с конца января 2018 года (с того момента как в США был опубликован санкционный список из 210 граждан РФ — лиц, приближенных к Владимиру Путину) [10] российская элита раскололась на два основных лагеря, и с этого самого времени постепенно растекается к двум все более радикальным полюсам.

Многие это сегодня видят и констатируют, но важно не только видеть это, но и понимать, почему так произошло, и к чему может привести страну названный раскол.

Напомним в связи с этим, что нынешний российский политический класс, сформировавшийся на волне либеральных «реформ», а проще говоря — захвата власти в России прозападными «группами интересов» при прямой поддержке различных западных силовых, политических и финансовых структур, избрал для себя эгоистическую и узкогрупповую модель поведения, выгодную, *во-первых*, себе и близкому кругу соратников по бизнесу и власти, а *во-вторых*, — заокеанским «друзьям» и кураторам. Соответственно, на вооружение новым политическим классом РФ была взята модель управления не страной, но территорией и «соотечественниками», не воспринимаемыми в качестве партнеров. Отсюда жесткое разделение российского социума на элиты и массы, нарастающий рост разрыва в доходах управляющих и управляемых, а также нежелание власти изменить тот тип «развития», который утвердился в РФ в начале 90- годов прошлого века.

По сути, современная Россия угодила в ловушку периферийного развития, навязанную ей мировыми «центрами силы».

При этом у Запада есть шанс выбраться из замкнутого круга растущего экстенсивного производства и потребления (разумеется, после соответствующего катаклизма), а вот у России, как у окраины глобального рынка, этот шанс, как считают многие эксперты, минимален.

Вот эту угрозу, увы, большая часть представителей нынешнего правящего в РФ класса не видит. (Как не видела грядущей угрозы развала СССР и упразднения КПСС компартийная элита накануне августа 1991 года). А те немногие, кто эту угрозу осознает, давно присмотрели себе и своим детям площадки для жизни на Западе. Но после публикации в США «Кремлевского доклада» многое, повторим, изменилось. Российский политкласс раскололся на два лагеря, и у каждого из них оформилась своя групповая стратегия, при том, что президент РФ остался в «центре» — и уже не столько НАД, сколько МЕЖДУ этими двумя лагерями. Одновременно с этим обозначились и три принципиально разных видения будущего России.

Какие три подхода к будущему России сформировались в российских элитах к началу 2019 года? Как эти походы связаны с логикой цивилизационных циклов в развитии России? И какой из трех подходов одержит верх, когда и почему? — Ответы на эти вопросы являются предметом следующих наших публикаций.

Список литературы

1. См. *Маслов О.Ю., Прудник А.В.* Странные 12-летние циклы российской истории. // Независимое аналитическое обозрение. 05.09.2006. Эл доступ: <http://www.polit.nnov.ru/2006/09/05/uraboros/>
2. См. там же.
3. См. О причинах цикличности истории. Эл. доступ: <https://zen.yandex.ru/media/klio/o-prichinah-ciklichnosti-istorii-5c06320d00c59f03d321326d>
4. См. *Лепехин В.А.* Европа в «цивилизационном котле». // РИА-новости. 5.03.2015. Эл. доступ: <https://ria.ru/20150305/1051110458.html>
5. *Юваль Ной Харари.* Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018
6. *Рудаков А.Б.* Наследие Константина. М.: Волшебная Гора, 2007. 90 с.
7. См. *Лепехин В.А.* Пришло время раскрыть главную тайну Запада. // РИА-новости, 12.09.2017. Эл. доступ: <https://ria.ru/20170912/1504184920.html>
8. *Лепехин В.А.* Глобальная революция через 100 лет после Великой русской революции. // Руснекст, 30.09.2017. Эл. доступ: http://rusnext.ru/recent_opinions/1506761390
9. *Лепехин В.А.* Крах СССР был предрешен еще в 50-х годах // РИА-новости, 23.12.2016. Эл. доступ: <https://ria.ru/20161223/1484475692.html>
10. См. Минфин США опубликовал «кремлевский доклад» // РИА-новости, 30.01.2018. Эл. доступ: <https://ria.ru/20180130/1513582161.html>

¹ Речь в данном случае идет о прогнозировании событий в России.

Terrorism as a Means of Modern Warfare

Терроризм как средство ведения современной войны

Vitaliy Victorovich Kaftan,
Professor department of Political Science and Mass
Communications, Ph.D., associate professor Financial
University under the Government of the Russian Federation
E-mail: kaftanvit@gmail.com

Виталий Викторович Кафтан,
профессор Департамента политологии и массовых
коммуникаций, доктор философских наук,
доцент Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: kaftanvit@gmail.com

Для цитирования. В.В. Кафтан. Терроризм как средство ведения современной войны. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 85—91.

Научная специальность по публикуемому материалу: 09.00.11 — социальная философия, 23.00.02 — Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Annotation. The article notes that modern terrorism is an effective and low-cost tool for use in hostilities in the interests of implementing various geopolitical projects. The author conducts a comparative analysis of modern wars: information war, proxy war and hybrid war. The specific features of the application of the terrorist method to achieve political goals in various types of wars are disclosed. The characteristic of hybrid war is given as a phenomenon involving violent and non-violent technologies, information-communicative, diplomatic, economic, cultural means of influence, among which an important place is occupied by terrorist activities.

Key words: terrorism, war, information war, information terrorism, proxy war, hybrid war

Аннотация. В статье отмечается что современный терроризм является эффективным и малозатратным средством для использования в боевых действиях в интересах реализации различных геополитических проектов. Автор проводит сравнительный анализ современных войн: информационно-коммуникативной, прокси-войны и гибридной войны. Раскрываются специфика применения террористического метода для достижения политических целей в различных типах войн. Дается характеристика гибридной войны как явления включающего в себя насильственные и ненасильственные технологии, информационно-коммуникативные, дипломатические, экономические, культурные средства воздействия, среди которых важное место занимает террористическая деятельность.

Ключевые слова: терроризм, война, информационная война, информационный терроризм, прокси-война, гибридная война

Терроризм сегодня активно используется различными геополитическими субъектами, экстремистами, сепаратистами, религиозными радикалами для достижения своих политических, конфессиональных, этнических интересов в силу его довольно высокой эффективности и вместе с тем малыми затратами на реализацию и анонимностью. Все чаще терроризм становится связан с войной, которая меняет свои концептуальные основания в условиях глобализации, усиливая применение террористических методов в ходе ведения боевых действий.

Война — экстремальное явление общественной жизни, организованная социальными акторами борьба с применением конвенционального оружия, а также других средств насилия (информационных, морально-психологичес-

ких) в интересах разрешения политических и социальных (национальных, культурных, религиозных) противоречий между государствами (их коалициями, социальными группами, этносами) при их антагонистическом развитии.

Сегодня довольно трудно провести границу между войной и проявлениями терроризма, эти два социально-политических явления сегодня взаимопроникая друг в друга образуют то военный террор, то террористическую войну. Впервые осознав эту черту современного вооруженного противоборства военный теоретик русского зарубежья Е.Э. Месснер дал название такого рода конфликту — «*мятежевойна*». Специфика такой войны состоит в том, что традиционным армиям противостоит иррегулярный противник, который наносит асимметричные удары в наиболее уязвимые

места, претендуя при этом на статус «героя» и даже «мученика». Противостоять такому врагу с помощью привычных боевых методов и средств крайне сложно [1].

Израильский военный ученый М. ван Кревельд выдвинул *ассиметричную концепцию войны* согласно которой война выступает как *культурно обусловленная активность*. Культурно-цивилизационный характер современного военного противостояния вызвал к жизни противников, которые казалось бы должны остаться в далеком прошлом, это религиозные и этнические группы, искатели приключений и наемники, которым очень трудно противостоять в силу их мобильности, диффузного характера, неподотчетности жестким правилам уставов, высоким возможностям маскировки под мирных граждан [2, с. 45—46].

Кревельд предсказывал, что «в будущем войны будут вести не армии, а группы, членов которых мы сегодня называем террористами, партизанами, бандитами и грабителями, но которые, несомненно, придумывают для себя более приемлемые официальные титулы». Так, современные практики актуализируют проблему обращения к помощи негосударственных военных структур в зонах ведения боевых действий.

К подобным структурам относятся, например, частные военные компании (ЧВК), которые стали новым явлением в мировой политике в начале XXI века. Помимо частных военных компаний, «специалисты выделяют частные компании безопасности и компании по предоставлению нелегальных услуг» [3, с. 57]. Нередко частные компании безопасности оказываются втянутыми непосредственно в вооруженное противоборство в зонах конфликтов, где они присутствуют. В этом аспекте деятельность частных компаний безопасности смыкается с деятельностью частных военных компаний.

Сегодня появляются сообщения о присутствии западных, прежде всего, американских, частных военных компаний, таких как Blackwater на территории Украины на разных этапах развития вооруженного конфликта на Юго-Востоке страны. После государственного переворота в марте 2014 г. к услугам ЧВК прибегали некоторые из украинских олигархов, например, И. Коломойский.

Немецкий военный ученый Ф. фон Хейт полагал, что война с применением ядерных арсеналов и тотального противостояния меж-

ду державами маловероятна и будущее за «Klein Krieg» («неправильными войнами»), которые будут вестись на локальных пространствах, где будут задействованы с обеих сторон относительно небольшое количество сил и средств, однако по характеру насилия и жесточенности они будут превосходить традиционные войны, потому, что не будут иметь никаких морально-правовых сдерживающих факторов.

В книге американского и итальянского исследователей М. Хардта и А. Негри «Множество: война и демократия в эпоху империи» показан новый характер соотношений категорий «мира» и «войны». Война становится главным жизненным принципом существования глобальной империи, а мир понимается как промежуточное состояние подготовки к очередной войне. При этом война перерождается в гражданскую, но в отличие от предыдущих конфликтов она идет не внутри национальных государств, в значительной степени утрачивающих сегодня свой суверенитет, в глобальном пространстве [4, с. 121].

Практически все военные специалисты уверены в том, что терроризм в будущих войнах приобретает характер универсального средства их ведения. Специалист в сфере противодействия терроризму из Великобритании Б. Дженкинз указывает на то, что в будущих конфликтах «войн без государств», основной силой будут выступать революционеры или наемники, ведущие террористическую борьбу [5, с. 3].

Рассмотрим специфику некоторых форм ведения войны в их взаимосвязи с террористическими проявлениями. Во всех видах войн терроризм ориентирован на устрашение, насилие, уничтожение людей и инфраструктуры, но имеет и собственные особенности.

Информационная война. Создание все новых компьютерных и информационных технологий, эволюция масс-медиа привела к проницаемости всего мира для коммуникаций и это пространство стало не только полем распространения новых знаний, но и ареной ожесточенной борьбы. При этом каждая из конфликтующих сторон стремится навязать другой свою версию происходящих событий, демонизировать противника и доказать свою собственную правоту.

Термин «информационная война» появился в США еще в 1976 г., но единства взглядов по определению сущностных черт этого явления в научном сообществе отсутствует до сих пор.

Американский военный ученый *Т. Рона*, которому приписывают его авторство, одним из первых осознал быструю изменчивость информационной войны и невозможность формулирования точного определения этого понятия. Он предложил следующую дефиницию: информационная война — это «соревнование между противниками на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях всего спектра состояний мира, эскалации кризиса, конфликта, войны, прекращения войны, восстановления мира с применением информационных средств для достижения своих целей» [6].

Среди самых различных форм информационной войны, таких как *разведывательная* (широкое использование в шпионских целях сенсоров и датчиков), *радиоэлектронная борьба* (техническое подавление источников передачи информации), *информационная блокада* (ограничение доступа противника к внешней информации, для приведения его экономики к краху), *информационный империализм* (всемерное продвижение своего программного контента для получения исключительного положения в информационной сфере противника), особый интерес представляет кибервойна.

Кибервойна — деструктивные действия компьютерных специалистов — хакеров по нарушению сетей как частных, так и государственных, похищение закрытых данных в мирное, и в военное время, которые могут иметь катастрофические последствия для разрушения инфраструктуры страны. Средствами поражения являются компьютерные вирусы, логические бомбы, чиппинг-технологии. Кибервойна по представлению М. Либицки может выступать в виде: информационного терроризма, «семантических атак», симуляционных войн.

Под *информационным терроризмом* понимается взлом хакерами баз данных, шантаж, составление цифровых портретов наиболее опасных для противника политических, экономических, духовных лидеров в целях их дискредитации, благодаря новым возможностям обобщать данные из различных источников, а также активное использование полученной информации для нанесения максимального вреда противнику.

Семантические атаки направлены на перехват управления информационными системами и изменение смыслов текстов, циркулирующих в сетях противоборствующей стороны для распространения информации не соответствующей действительности.

Симуляционные войны представляют собой не физическое насилие, а столкновение сторон в цифровом пространстве, когда вооруженное столкновение заменяется схваткой в виртуальной реальности на манер компьютерной игры, между виртуальными агентами, представляющими интересы каждой из враждебных сторон.

Таким образом в информационной войне терроризм в большей мере реализуется как угроза, распространяемая по разнообразным коммуникациям и социальным сетям, а наиболее опасными формами его воплощения являются медиа-терроризм и кибертерроризм.

Прокси-война¹ — особая форма боевых действий, в которой за одной из конфликтующих сторон (или за обеими) стоит третья сила в интересах которой собственно и осуществляется вооруженное противоборство. Наиболее часто осуществляется под прикрытием разрешения внутреннего конфликта на территории той страны где реализуется война.

Зародившись в ходе боев в Испании (1936—1939), получившая свое развитие в эпоху Холодной войны, которая собственно и носила как показывают военные конфликты в Корее (1950—1953), во Вьетнаме (1957—1975), в Анголе (1975—2002), в Афганистане (1979—1989), характер прокси-войны, в настоящее время такая форма войны переживает второе рождение в условиях реализации различных проектов глобализации и активизации международного терроризма.

Современная прокси-война как убедительно показывает А. Мамфорд, позволяет инициаторам войны оставаться в тени и преследуя собственные интересы, не нести практически каких-либо материальных и репутационных потерь, добиваться эффективного результата чужими руками [7]. Увеличение количества такого рода войн связано с тем, что для третьей стороны конфликта (актера войны) прокси-война имеет ряд привлекательных черт: скрытый характер вмешательства; относительно низкие экономические затраты, по сравнению с прямым столкновением (не следует разворачивать громоздкую инфраструктуру для переброски вооружений и техники, не обязательно снабжать своих сторонников новейшим оружием, нет необходимости выплачивать пенсии отставникам и семьям погибших); изматывание своих геополитических противников без применения собственных армий; способность наносить раз-

рушительные удары в наиболее уязвимых для противника местах; возможность использования частных военных компаний, в интересах исключения массовой гибели своих солдат, что всегда информационно-коммуникативном плане негативно действует на имидж власти.

Швейцарский исследователь Д. Генсер, используя целый ряд малоизвестных документов, а также опираясь на собственное расследование, рисует широкую картину существования в условиях Холодной войны целой сети подпольных вооруженных организаций в Западной Европе, названных им «секретные армии НАТО», призванных любой ценой, в том числе и с помощью террора, предотвратить приход к власти левых сил [8].

Дав характеристику деятельности подобных «спящих» партизанских подразделений в различных странах НАТО, особое внимание автор уделит анализу итальянской «секретной армии» — известной как «Гладио»².

Генсер полагает, что можно утверждать о причастности боевиков из этой организации к череде террористических актов в начале 1970-х, которые изначально приписывались ультралевым «Красным бригадам».

Поскольку американская стратегия опирается на принцип, что нельзя складывать все яйца в одну корзину, можно предположить, что наряду с деятельностью «Гладио», западные спецслужбы активно реализовывали возможности использования левацкого движения в интересах США, что в значительной степени дискредитировало западноевропейские левые силы в целом. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что часть революционно настроенных лидеров левацкой майской революции студентов 1968 г. во Франции, впоследствии стали весьма уважаемыми еврочиновниками. Тем самым две указанные силы диалектически сталкиваясь и взаимодействуя, создавали ситуацию управляемого хаоса и исключали мирный приход к власти коммунистов. В свете сказанного, становится понятным похищение и убийство премьер-министра Италии А. Моро в 1978 г., который, стремился ради политической стабильности в обществе пригласить представителей левых сил к участию в правительстве.

С одной стороны не вызывает удивления стремление внешнеполитических игроков Западного мира любой ценой, в том числе и с применением террористических методов, удержать под контролем своих европейских

сателлитов в годы Холодной войны, но с другой стороны следует помнить об активности в это время и ультралевых подпольных группировок, таких как те же «Фракция Красной армии» в ФРГ, «Прямое действие» во Франции, «Красные бригады» в Италии. Известно, что весьма эклектическая идеология этих организаций опиралась на идеи «анархического бунта» М.А. Бакунина, народовольческую теорию «героя и толпы» Н.К. Михайловского, принцип Мао Цзэдуна о том, что «винтовка рождает власть», а также на теорию «маргинальной революции» представителя франкфуртской школы социальных исследований неомарксиста Г. Маркузе, активно сотрудничавшего в годы Второй мировой войны с американским Управлением стратегических служб, предшественником ЦРУ.

В ходе операции «Гладио» специальные службы США и их союзников по НАТО накопили богатый опыт создания под видом партизанских формирований, скрытых структур террористического характера в Западной Европе и Турции в 1950—1970-е годы. Некоторые из них как «Серые волки» и сегодня принимают активное участие в боевых действиях на территории Сирии и один из ее представителей А. Челик даже взял на себя ответственность за расстрел сбитого турецким истребителем российского пилота подполковника О.А. Пешкова 24 ноября 2015 г.

В ходе участия в боевых действиях на территории Афганистана Ограниченного контингента советских войск, США не только обеспечили душманов зенитными комплексами «Стингер», что привело к значительным потерям советской авиационной техники и личного состава, но и как пишет об этом сотрудник английского антитеррористического подразделения SAS Т. Керью в своей книге «Джихад! Секретная война в Афганистане», западные спецслужбы поддерживали создание вооруженных группировок исповедующих идеи радикального ислама, такие как Аль-Каида, которые после окончания войны вышли из-под контроля и стали ядром исламистского подполья ныне реализуемого ими собственного проекта глобализации — Исламского халифата [9].

Несмотря на отсутствие прямых доказательств использования западными спецслужбами современных сторонников создания «Исламского халифата» против законных правительств Ирака, Ливии, Сирии косвенных

подтверждений, а главное значительной медиаподдержки в глобальных средствах массовой коммуникации достаточно, чтобы высказать предположение о наличии такого рода связей.

Как отмечают Хард и Негри «в практиках имперского правления угроза террора становится орудием решения ограниченных или региональных конфликтов и аппаратом имперского развития. Имперское господство в этом случае меняет свой облик и может попеременно проявляться то как разложение, то как разрушение, словно показывая их глубокую взаимозависимость. Вместе они танцуют над пропастью, над зияющей в Империи пропастью небытия» [4, с. 360—361].

Гибридная война. В последние годы возникла новая интегративная модель военного столкновения — «гибридная война», которая включает в себя стремительную эскалацию мирного протеста против власти, которая может привести к гражданской войне и даже иностранной интервенции под видом оказания гуманитарной помощи. Причем в ходе конфликта не существует каких-либо ограничений в применении разнородных средств как силового, так и несмертельного характера.

Термин «гибридная война» впервые использовал У. Дж. Немет в 2002 г., анализируя военную кампанию в Чечне (1994—1996). В диссертации «Война будущего и Чечня: пример гибридной войны» он утверждает, что чеченское общество находилось в переходном состоянии от традиционного к обществу модерна, основываясь на догосударственных (pre-state) тейповых узах [10]. В условиях становления информационного общества возникла новая гибридная форма ведения военных действий, которая сочетает в себе элементы регулярной и иррегулярной войны гибким и эффективным способом синтеза элементов западной и советской военных доктрин, партизанской тактики и умелого применения современных технологий. Более того, чеченцы также использовали психологические и информационные операции против российских войск. Как отмечает Д. Аркуилла, чеченские полевые командиры рассматривали СМИ в качестве важного элемента нелинейной борьбы в информационную эпоху [11]. Здесь можно вспомнить и о том, что «министр информации» «Республики Ичкерия» М. Удугов не раз заявлял, что успехи чеченских боевиков в борьбе против федеральных сил, объяс-

няются не только умением вести боевые действия в горно-лесистой местности, но и использованием форм и методов информационной войны, описанных в книге советского генерала, бывшего заместителя начальника Главного военно-политического управления генерал-полковника Д.А. Волкогонова [12].

Осмысление феномена гибридной войны продолжил научный сотрудник Национального университета обороны США Ф. Хоффман. В 2007 г. в работе «Конфликт в XXI столетии. Появление гибридной войны» он определил, что конфликты будущего будут мультимодальными (т.е. будут вестись разными способами) и многовариантными и охарактеризовал это как гибридное сочетание традиционных и нерегулярных тактик. Согласно Ф. Хоффману, «гибридные войны могут вестись государствами или политическими группами и включать в себя целый спектр различных моделей ведения войны, в том числе традиционных боевых средств, иррегулярной тактики и иррегулярных формирований, террористических актов, включая насилие и принуждение, и беспорядки» [13, с. 58].

Австралийский военный теоретик Д. Киллален в книге «Случайный партизан» высказывает мнение, что гибридная война это гибкое мятежа, гражданской и партизанской войн с применением террористической тактики нанесения ударов [14].

В военном столкновении между армией Израиля и парамилитарными формированиями Хезболлы в Южном Ливане в 2006 г., боевиками легко маневрировали, используя скрытые позиции и подземные тоннели. Привыкшая к молниеносным победам армия Израиля не смогла одержать убедительного успеха, несмотря на свое подавляющее превосходство в вооружениях. Боевики компенсировали недостаток военной техники быстрым перемещением по заранее укрепленным подземным коммуникациям и активным использованием ПТУРов, способных уничтожать танки противника.

Жертвами военных конфликтов нового типа в Сирии, Ираке, Афганистане и на Донбассе чаще всего становятся мирные жители, не принимающие участия в столкновении, но которых становится невозможно отличать от маскирующихся боевиков и «живых бомб».

Несмотря на то, что именно западные теоретики разработали концепцию гибридной войны и активно ее применяли в ходе «Араб-

ской весны» и серии «цветных революций», именно Россия была обвинена в создании нового метода воевания с применением широкого спектра средств военного и невоенного воздействия на противника, в том числе и террористических и опробованию его эффективности на территории Крыма и на Юго-Востоке Украины с 2014 г. по настоящее время.

В Национальной военной стратегии Соединенных Штатов Америки, принятой в 2015 г. понятие «гибридная война» раскрывается в следующем политическом контексте: «Существует область конфликта, в которой пересекается государственное и негосударственное насилие. Его участники объединяют и смешивают методы, силы, средства и ресурсы, чтобы достичь своих целей. В таких гибридных конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму» [15].

Важно отметить, что понятие «гибридной войны» в академический дискурс было введено специалистами в сфере социального конструктивизма, которые проанализировали особенности современных конфликтов [3, с. 19]. Согласно представленному ими подходу, войну можно охарактеризовать как гибридную, если имеет место хотя бы один из четырех следующих факторов.

Во-первых, одной из таких движущих сил является многообразие типов акторов, которые на различных этапах войны решают как экономические, так и культурно-цивилизационные задачи.

Во-вторых, отмечается, что быстрая динамика на поле боя в такой войне дает преимущество то одной, то другой воюющей стороне.

Третьим фактором гибридной войны выступает отказ противников от конструктивного диалога и/или многократный провал переговоров.

Наконец, *в-четвертых*, в такой войне четко прослеживается «слабость и/или отсутствие интеграционных институтов, способствующих разрешению конфликта».

Основная суть «гибридной войны», с такой точки зрения, состоит в том, что в основе конфликта — борьба за значения символов, языка, ценностей. Таким образом, в данном контексте следует говорить о соперничестве за устойчивые стратегические преимущества.

Вооруженное столкновение стимулирует конструирование различных дискурсов о его месте в политическом процессе, о роли вовлеченных в него акторов международных отно-

шений. Таким дискурсам придается роль инструмента легитимации. «В таком контексте по своему внешнему выражению — как вооруженное противостояние между группами людей с различными политическими идеалами — «гибридная война» может напоминать обычную. Однако по своему внутреннему существу она состоит из социальных конструкций, верований, убеждений, т.е. из того, что сложное всего поддается примирению» [16].

Предметом гибридной войны становится и сам вопрос о легитимности противоборства (его справедливом начале, ведении и окончании).

В гибридной войне применяются любые средства способные принести ущерб противнику (информационные, политические, дипломатические, финансово-экономические) и даже террористические. Именно такого рода войну ведут сегодня США ныне против России. Следует согласиться с И.А. Николайчуком, сотрудником Российского института стратегических исследований, который раскрывает феномен гибридной войны в ключе пропагандистского конструкта, который является «главным фактором в формировании общественного мнения в зарубежных странах в направлении негативной оценки деятельности руководства России на международной арене, что необходимо для решения задач по упрочнению и расширению гегемонии США и НАТО в различных регионах мира» [17].

По мнению И. Попова гибридная война ведется в четырех основных подпространствах. В первом из них вооруженное столкновение ведется с обеих сторон подразделениями регулярных армий (традиционная война). Во втором подпространстве происходит подавление регулярной армией повстанческих сил (карательная война). В третьем подпространстве реализуются боевые действия партизанских формирований против армии противника (партизанская война). И наконец, в четвертом подпространстве осуществляются вооруженные столкновения между незаконными вооруженными формированиями (бандитская война) [18]. Причем любой из вариантов может быть осуществлен по отдельности, а то и несколько одновременно. Наиболее террогенной оказывается «пограничная зона» гибридной войны на стыке всех четырех подпространств. Именно указанная зона становится пространством террористической активности, где она поочередно выступает в виде дивер-

сионно-подрывной деятельности; устрашающих показательных расправ над населением подозреваемом в симпатиях к повстанцам; уничтожение коллаборационистов и инфраструктуры противника, а также криминальные пытки, вымогательства и запугивание.

В классических (традиционных) войнах террор играет вспомогательную роль и выступает в основном в виде частично легитимизированного вида насилия: военных диверсий, коврового бомбометания, применения неизбирательного оружия и лишь когда он переступает определенную черту, связанную прежде всего с оглашением этих многочисленных фактов перед мировой общественностью, то превращается в действия, которые могут быть квалифицированы международными юридическими организациями в рамках военного международного права как преступления против человечности или геноцид.

В гибридных же войнах террор играет ключевую роль, выступая одним из главных средств ведения боевых действий, являясь стержнем механизма запугивания мирных жителей, являющихся, в отличие от традиционной войны главным объектом воздействия. Причём в ходе ведения гибридной войны довольно часто террор и антитеррор проявляют свойства амбивалентности, зачастую меняясь местами друг с другом. Так произошло, например, во время Гражданской войны на Донбассе (2014 по настоящее время), которая не смотря на применяющиеся украинскими вооруженными и националистическими настроенными добровольцами террористические методы, была объявлена «Антитеррористической операцией» (АТО).

В качестве вывода необходимо отметить, что терроризм, выступая эффективным оружием воздействия на массовое сознание с помощью генерации страха и ужаса, вызывает безвольное поведение, отказ от сопротивления и ожидание внезапного нападения у социальных объектов, является стратегическим средством современных войн. Знание специфики использования терроризма идеологами и организаторами военных конфликтов, поможет противодействовать данной угрозе.

Список литературы

1. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. М.: Кучково поле, 2004.
2. Кревельд М. Трансформация войны. М., 2005.

3. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография. / под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.

4. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015. С. 57.

5. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

6. Jenkins B. International Terrorism: A New Mode of Conflict: Research Paper 48 // California Seminar on Arm Control and Foreign Policy. Los Angeles, 1974. P. 3.

7. Rona T. Weapon Systems and Information War. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.

8. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge, 2013.

9. Генсеп Д. Секретные армии НАТО. Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2017.

10. Carew T. Jihad!: The Secret War in Afghanistan. L., 2001.

11. Nemeth W.J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare // Thesis, Naval Postgraduate School. Monterey. California. 2002. June.

12. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks, Netwars, and the Fight for the Future. Sana Monica, 2000.

13. Волкозогонов Д.А. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., 1984.

14. Hoffmann F.G. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, 2007. P. 58. Kilcullen D. The Accidental Guerilla. Oxford: University Press, 2009.

16. The National Military Strategy of the United States of America. 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf

17. Theorie sociale-constructiviste de lenlissement des guerres hybrides. Texte préparé en vue de sa discussion aux Joint Sessions for Workshops, Grenoble, 6—11 Avril 2001 Workshop № 25: Théories de la Guerre. URL: <http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a4191549—4914—45e9-b258—12b621a82ef6.pdf>

18. Николайчук И.А. О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3.

19. Попов И.М. Матрица войн современной эпохи // Независимое военное обозрение. 2013. 22 марта.

¹ Прокси (от англ. proxy – «представитель, уполномоченный»), т.е. война опосредованная (по-доверенности)

² Гладио (от лат. «gladius» – короткий меч) – меч длиной до 60 см., использовавшийся древнеримскими легионерами в ближнем бою, часто для нанесения смертельного удара неожиданно для противника под прикрытием щита.

Pan-Slavism and Situational Conservative Isolationism in Russian Political Thought of the 19-th Century

Панславизм и ситуационный консервативный изоляционизм в русской политической мысли XIX века

Arkady Nikolaevich Borozdin,
Ph.D., docent, professor of the Department
of sociology and political science of Moscow
University of the MIA of Russia of V. Ya. Kikot
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич Бороздин,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры социологии и политологии Московского
университета МВД РФ им.В.Я. Кикоты
E-mail: rinabora@mail.ru

Для цитирования. А.Н. Бороздин. Панславизм и ситуационный консервативный изоляционизм в русской политической мысли XIX века. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 92—97.

Annotation. Examines particularly the views of ideologues late slavophilism and close to them the problem of civilization identity thinkers of Russia and the prospects of its historical development

Key words: civilization, world civilization, Russia, slavophilism, samobytnichestvo, Slavs, nation, Pan-slavism, Orthodoxy, the tsarist autocracy, isolationism, conservatism, westernize

Аннотация. Исследуются особенности взглядов идеологов позднего славянофильства и близких к ним мыслителей на проблему цивилизационного своеобразия России и перспектив её исторического развития

Ключевые слова: цивилизация, мировая цивилизация, Россия, славянофильство, самобытничество, славянство, народность, панславизм, православие, самодержавие, изоляционизм, консерватизм, западничество

История идеологического дискурса в России XIX века характеризовалась, прежде всего, принципиальным противостоянием сторонников западного пути развития России с представителями самобытного направления. Идеологические (философские, религиозные, культурологические, политические, историко-софские и пр.) основы последнего были заложены деятелями раннего (или иначе — классического) славянофильства в 30—60-е годы. В дальнейшем эти традиции получили развитие как в концепциях славянофилов следующего поколения (Н.Я. Данилевского), так и в теоретических построениях мыслителей, стоявших на достаточно близких к ним позициях (К.Н. Леонтьева, почвенничества Ф.М. Достоевского и др.).

Но, если родоначальники славянофильства в своих идеологемах русской цивилизации отдавали приоритет, прежде всего православию и народности (в зависимости от конкретных персоналий), при декларируемой при-

верженности исконно русскому самодержавию, то славянофил следующего поколения (и пожалуй — в более точном значении этого термина) Н.Я. Данилевский, на первый план выдвигал принцип народности — славянской народности. Он настаивал, в отличие от охранителей, на том, что «народность составляет ...существенную основу государства, самую причину его существования, — и главная цель его и есть именно охранение народности»¹. Именно Данилевский разработал известную теорию «культурно-исторических типов» (в дальнейшем эта теория получила развитие в работах К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина и др.). Эта доктрина была направлена против господствовавшей европоцентристской теории однолинейного прогресса и цивилизационного единства Западной Европы и России. Проблему цивилизационной самобытности России он рассматривал как частный, конкретный случай самобытности как существовавших в прошлом, так

и существующих в настоящем и будущем времени различных цивилизаций. Данилевский доказывал, что «всякое племя или семейство народов ...составляет самобытный культурно-исторический тип...», и при этом «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем, или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»².

Исходя из этого, он доказывал, что не может быть единого исторического пути развития человеческого общества: «Прогресс ...состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях». Поэтому ни одна цивилизация не может претендовать на то «чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с её предшественницами или современницами, во всех сторонах развития»³. Тем не менее, рассматривая исторический процесс развития различных цивилизаций через призму набора основных форм народной деятельности, он полагал, что формирующийся молодой славянский тип культуры (цивилизации), идущий на смену романно-германскому, европейскому типу, будет наиболее всесторонне развитым и наиболее всесторонне проявляющим себя во всех сферах человеческой жизнедеятельности⁴. Из этих положений видно, что Данилевский русскую цивилизацию фактически растворял в общеславянском культурно-историческом типе, общеславянской цивилизации, что выглядит несколько упрощенной и односторонней трактовкой проблемы взаимоотношений русских с другими славянами, особенно учитывая этнический состав России. Данилевский же наивно полагал, что «для всякого славянина ...идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, ...выше всякого земного блага», а России остается роль быть только представителем всего славянства в отношениях с Европой⁵, причем представителем, несущим все основные тяготы функционирования этого славянского союза.

За это его иногда упрекали в панславизме, национализме и, более того, — шовинизме. В духе панславизма иногда пытались интерпретировать его веру в возможность создания своеобразной конфедерации — «Всеславян-

ского союза» — добровольного объединения всех славянских государств на взаимовыгодных условиях. Это объединение отнюдь не предполагало ассимиляции. Само же понятие панславизма отнюдь не однозначно и существуют разные трактовки его содержания. Собственно термин «панславизм» возник в Австро-Венгрии, быстро распространился в Германии и других западноевропейских странах и обозначал не столько программу национального движения славянства, общеславянского дела (как это было в России и восточно-европейских славянских странах), сколько декларируемую опасность славян вообще, и России, прежде всего, для Европы, их мнимый экспансионизм⁶.

Развивая традиционную славянофильскую идею об исконной самобытности России и её принципиальном отличии от Запада, Данилевский писал уже не просто о разных путях развития России и Западной Европы, а выдвигал гораздо более жесткое положение о противоположности их интересов и путей развития. Полагая, что «...с общей культурно исторической точки зрения, Россия не может считаться составною частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению...», Данилевский проводил мысль о том, что «Европа — не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, что её интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны», что «Европа не случайно, а существенно нам враждебна...»⁷. В то же время, он не призывал к изоляционизму от Европы и подчеркивал, что отгородиться от нее не только нельзя, но и вредно, а при всяком сношении с ней должно преследовать исключительно собственные интересы. Отсюда у него и жестко негативное отношение ко всем проявлениям западничества в России, независимо от всех его разнообразных оттенков, ибо «все они одинаково черпают свои идеи не внутри русской жизни, а вне ее: не стараются отыскать сохранившееся еще зерно истинно русской жизни и развить его в самобытное самостоятельное целое. У всех этих направлений один идеал — Европа»⁸.

Таким образом, Н.Я. Данилевский был одним из наиболее последовательных сторонников исключительно самобытного пути развития России и ее цивилизационного своеобразия. Чуждо ему было и увлечение чем-то общечеловеческим, или вселенской миссией России, что было свойственно в определенной

степени как родоначальникам славянофильства, так и некоторым западникам (напр. П.Я. Чаадаеву, А.И. Герцену, В.С. Соловьеву и др.), а так же таким мыслителям, как Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский и другим, которые, не будучи в строгом смысле славянофилами, считали себя в большей, или меньшей степени близкими к ним и, с определенными оговорками, могли бы быть отнесены к самобытникам. В отношении же родоначальников славянофильства Данилевский, не скрывая своих расхождений с ними, писал: «Само учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности, что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно ...имело двойкий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и с большею свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни – в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что сознавая высокое достоинство славянских начал, а также видя успешную уже выказаться в течение долговременного развития односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе и не существует...»⁹.

Но и у самого Данилевского в плане цивилизационной идентичности России был существенный недостаток – он слишком идеализировал окружающие славянские народы и в определенной степени подчинял её их интересам. Образ славянского мира ему представлялся не в виде «слияния славянских ручьев с русским морем», по выражению Пушкина, а как единый союз, объединяющий «большие этнографические и лингвистические группы, на которые разделяется Славянский мир». Это должен быть единый союз с самобытными, хотя и соединенными и соподчиненными частями: «Нужно не поглощение славян Россию, а объединение всех славянских народов общею идеею Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении...»¹⁰. Но подчеркивая ведущую роль России в этой федерации в качестве основной социально-экономической и военной силы, он в статусно-политическом плане уравнивал ее с другими

субъектами (видимо шадя их национальное самолюбие или спесь) и считал, например, что столицей федерации должны быть не Санкт-Петербург, и даже не Москва, а Константинополь (Царьград). Время показало, что в этом отношении Данилевский был идеалистом — романтиком, в отличие, например, от тех же Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева, дававших гораздо более трезвую и, по сути дела, – провидческую оценку взаимоотношений России с другими славянскими народами. Своеобразный панславизм Н.Я. Данилевского пока не выдержал проверки временем.

В отличие от самобытника — панслависта Данилевского, другой оригинальный мыслитель 70—80-х годов XIX века — К.Н. Леонтьев, весьма неоднозначен и, в определенной степени, противоречив в своих социально-политических заявлениях и декларациях, что подметил ещё В.В. Розанов: «В Леонтьеве поражает нас разнородность состава, при бедности и монотонности линии тезисов»¹¹. В плане решения проблемы цивилизационного развития человечества ведущую роль в его доктрине играли два аспекта. Во-первых, он настаивал, что всё как в природе, так и в обществе, в своем развитии подчинено одному единственному закону общих стадий эволюции. Этому «закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира. И у них очень ясны... три периода: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности* и 3) *вторичного смесительного упрощения*»¹². Этот органицизм, учение о трех фазисах всякого развития, фазисах жизни и смерти, взятое из естествознания и перенесенное в сферу социального развития, прогресса, «— это учение есть корень «всего Леонтьева», всех его отрицаний и утверждений, его политики...»¹³. Во-вторых, органицизм Леонтьева неотделим от его эстетизма, восхищения прекрасным в мире. Это был его специфический «чудный «эстетический метод»», — полагал В.В. Розанов. И более того, оценивая оригинальность методологии Леонтьева, Розанов писал: «Его мышление — именно «новый дарвинизм», «новое гегельянство». Этим я хочу указать, что суть мышления Леонтьева лежит в «методе», а не в определенных его утверждениях...»¹⁴. Эстетический критерий Леонтьев считал одним из наиболее верных и применимым ко всему на свете — «от минералов, до человека». А прекрасное проявляет себя только в разнообра-

зии, пик которого приходится на этап «цветущей сложности». Однообразие же — синоним смерти. Поэтому третий этап «вторичного смесительного упрощения», представляет собой «...слияние, смешение, однообразие..., а в однообразии гибель»¹⁵.

При этом «цветущая сложность» предполагает разнообразие не только внутри каждой страны, национальной культуры, цивилизации, но и наличие разнообразных культур, цивилизаций в мире. В этом отношении он был солидарен с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Действительно, разнообразие предполагает самобытность каждой культуры. Но леонтьевская трактовка самобытности России, ее цивилизационно-специфического содержания, отличается от трактовок, как Данилевского, так и славянофилов. Антиевропеизм Леонтьева относился только и исключительно к обуржуазившейся Европе XIX века, в которой уже разрушены средневековые перегородки и иерархичность общества, и преобладает средний класс, буржуа, «средний человек». Понятия либерализма, эгалитаризма, демократии — синонимы разложения, «демократического гниения»¹⁶. Его идеал — средневековая Европа. Леонтьев для России не приемлет не вообще европейский путь развития, не европейские ценности и устои, а только те процессы и явления, которые характерны для современной ему Европы, окончательно вступившей в третий, заключительный этап эволюции — усреднения, увядания и смерти. Европа эпохи «цветущей сложности» ему так же дорога, как и Россия. Да и к исконно русским началам и устоям отношение у него было зачастую весьма критическим. Это нашло отражение и в его оценке принципа народности у Данилевского и славянофилов, и в явном преувеличении влияния византизма («перенесенный на русскую почву византизм встретил ...страну дикую, ...народ простой, ...ничего почти не испытывавший...»¹⁷), и в некритичном превозношении петровских преобразований (в чем он намного превзошел даже придворного историографа и либерала Н.М. Карамзина, или того же Ф.М. Достоевского).

По утверждению Леонтьева Россия вступила в этап «цветущей сложности» как раз с проевропейских преобразований, начатых Петром I, — «нашим домашним европейским завоевателем...»¹⁸. В сравнительной оценке культуры и основ жизнедеятельности России

и Западной Европы Леонтьев практически всегда предпочтение отдавал европейским. «До Петра было больше однообразия в социальной, бытовой картине нашей, больше сходства в частях; с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов»¹⁹ (т.е., то, что у славянофилов было достоинством допетровской Руси, проявлением сплоченности общества, его собранности и коллективизма, общинности, то у Леонтьева стало недостатком). Пик этапа «цветущей сложности» приходится на время царствования Николая I. И если Европа уже бесповоротно вступила в третий этап, то Россия только подошла к нему и остановилась перед ним. И только здесь появляется своеобразный антиевропеизм и стремление к самобытности России у Леонтьева. Он хотел, чтобы Россия не последовала незамедлительно за Европой в этап исторического цивилизационного умирания. Если Данилевский считал, что славянская цивилизация — молодая, то Леонтьев так не полагал, ибо России уже более 1000 лет, а исторический возраст любой цивилизации составляет по его мнению 1000—1200 лет. Отсюда и его вывод: «Конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!»²⁰. И более того: «...на началах исключительно европейских нам, русским, нельзя уже жить?!»²¹.

Отсюда возникает и задача поиска тех национальных самобытных основ, опираясь на которые, можно было бы удержать хотя бы на время Россию от деградации и гибели. Надо искать что-то «...особое славянское, с западным несхожее, от Европы обособляющее»²². При этом к славянству в целом и панславизму Данилевского он относился настороженно-критически. Наряду с идеями о создании «...независимой, многосложной и новой Славяно-Восточной цивилизации, долженствующей заменить Романо-Германскую»²³, Леонтьев предвидел сложности, которые могут возникнуть у России со славянами: «Бойтесь... чтобы не распалась бы Австрия и чтобы мы не оказались внезапно и без подготовки лицом к лицу с новыми миллионами эгалитарных и свобододолюбивых братьев-славян! Это будет хуже самого жестокого поражения на поле брани!»²⁴

В результате Леонтьев приходил к выводу, что, в конечном счете, только *«идея православно-культурного русизма»* действительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизм же *«во что бы то ни стало — это подражание и больше ничего»*. Это идеал современно-европейский, *унитарно-либеральный*, это стремление *«быть как все»*. Это всё та же общеевропейская *«революция»*²⁵. Реализовать же этот русизм в противостоянии Европе можно только лишь опираясь на уже известную триединую основу: *«...силы, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный быт»*, как раз тот быт, который Леонтьев ранее неоднократно критиковал в сравнении с европейским и даже восточным. При этом *«быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада, единстве»*²⁶ — вот здесь и проявился своеобразный ситуационный изоляционизм. Конечный политический рецепт Леонтьева достаточно жесткий и безапелляционный — Россию надо *«подморозить...», чтобы она не гнила*. Миссия России — быть охранительным оплотом от развивавшихся на Западе процессов разложения и гибели. Надо отгородиться от Запада, обособиться от него и укреплять свои собственные государственные устои.

При этом идея православно-культурного русизма Леонтьева, базировавшаяся на концепции *«цветущей сложности»*, противостояла идеям русификации в Российской империи, ибо, по его мнению, *«Русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их...»* Национальные свойства великорусского племени в последнее время стали, если не окончательно дурны, то, по крайней мере, сомнительны. ... Поэтому для нашего, *слава Богу, еще нестрога* государства полезны своеобразные окраины; полезно упрямое иноверчество; ...и польский ксендз, и татарский мулла, и самый дикий и злой черкес стали лучше и безвреднее для нас наших единокровных и *по названию (но не по духу, конечно) единокровных братьев!»*²⁷. Своеобразные полонофильство и симпатии к латинскому папизму были конечно не оригинальны, у того же В.С. Соловьева они выражались гораздо жестче и последовательнее и тот не декларировал одновременно необходимость православно-культурного русизма. Обеспечение же

предельного разнообразия требовало твердого объединяющего, а скорее удерживающего в целостности, начала, или жесткого стержня. А отсюда и соответствующие утверждения о том, что *«...необходима сильная царская власть»*²⁸, и при этом *«надо уметь властвовать беззастенчиво!»*²⁹.

Таким образом, ряд компонентов леонтьевской доктрины, а именно: его сверхположительная оценка эпохи петровских преобразований по европейскому образцу; стремление найти русские национальные основы не для всего исторического пути развития России, а только лишь для одного, заключительного этапа её развития; критическое отношение к славянству и т.п., существенным образом отличает его от большинства представителей самобытничества, в том числе — и славянофильства. Более того, поиски своего исконно русского, сочетались у него с призывами к широкому заимствованию опять же зарубежных культурных ценностей. Леонтьев, призывая Россию отвернуться от Запада, настоятельно советовал повернуться лицом к Востоку, предвосхищая в этом отношении некоторые основополагающие постулаты евразийства XX в.: *«...для достижения своей цивилизации русским выгоднее проникнуться турецкими, индийскими, китайскими началами и охранять накрепко все греко-византийское...»*³⁰. Главное — *«...побольше вообще азиатского мистицизма и поменьше европейского рассудочного просвещения»*³¹. Но во всем этом азиатском и греко-византийском в данном случае не нашлось места ничему собственно русскому. Да и православие его интересовало больше с организационно-иерархической и статусно-ролевой точки зрения, нежели с мировоззренчески-ценностной (за исключением, может быть, последних лет жизни). *«Культурофильство»* Леонтьева носило, прежде всего, эстетический, а не этический или социально-этнический характер. Недаром он отдавал предпочтение мистицизму В. Соловьева перед ортодоксально-православными взглядами славянофилов³². Да и в целом его отношение к славянофилам было неоднозначным. С одной стороны он иногда объявлял себя чуть ли не их последователем: *«А на славянофилов я надеялся как на своих, как на отцов, на старших и благородных родственников, долженствующих радоваться, что младшие развивают дальше и дальше их учение...»*³³. А с другой

стороны часто их жестко критиковал, безапелляционно заявляя, что «...славянофилы представлялись мне всегда людьми с самым обыкновенным европейским умеренно либеральным образом мыслей. И Государь Николай Павлович был прав, подозревая постоянно, что под широким парчовым кафтаном их величавых «вещаний» незаметно для них самих скрыты узкие и скверные панталоны обыкновенной буржуазной либеральности»³⁴, «...славянофилы были все либералами...»³⁵. То есть, инкриминировал им то, что было, пожалуй, более всего ненавистным для него.

Крайняя противоречивость, неоднозначность непоследовательность взглядов К.Н. Леонтьева нашли отражение и в его претензии на синтезирующую роль в русском идеологическом спектре: «...во мне — не стану распространяться как — примирены славянофилы, Данилевский с Катковым и Герценом и даже отчасти с Соловьёвым. Для меня самого *все* это ясно и связано органической, живой нитью. Ясен ли я в моем идеале для других — не знаю»³⁶. Действительно, взгляды К.Н. Леонтьева вызывали и вызывают по сей день не однозначные толкование и оценку. В целом же можно предположить, что цивилизационный образ России в его работах носил достаточно неопределенный и ситуативно-временной характер, и в зависимости от рассматриваемого периода развития России он выступал то как западник, то как ищущий самобытник. Таким образом, Леонтьева в строгом смысле нельзя отнести ни к *последовательным* западникам, ни к таковым же самобытникам.

Но необходимо отметить, что в подобных противоречиях и разнонаправленных устремлениях, установках на то, чтобы встать над основными существующими идеологическими течениями, и, взяв из них все позитивное и отбросив недостатки, попытаться выработать единственно верную идеологическую концепцию, Леонтьев был не одинок. В частности, на это претендовало и такое сформировавшееся в начале 60-х годов XIX века новое направление, как — так называемое «почвенничество», основными представителями которого были братья Ф.М. и М.М. Достоевские и Ап.А. Григорьев.

В целом же можно констатировать, что в лице как Н.Я. Данилевского, так и К.Н. Леонтьева отечественная русская и мировая социально-политическая мысль имеет одних из

наиболее оригинальных мыслителей, творчество которых не потеряло своей актуальности и в современном мире.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1995. С. 187.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 92.

⁴ См.: там же. С. 137—138, 430.

⁵ Там же. С. 107, 104.

⁶ См. напр.: Кожин В.В. Пророк в своем отечестве (Ф.И. Тютчев и история России XIX века). М., 2001. С. 261—262; Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 1—6.

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 337, 374, 376.

⁸ Там же. С. 334.

⁹ Там же. С. 97—98.

¹⁰ Там же. С. 326—329.

¹¹ Цит. по: Белов А.В. Предисловие // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С.7.

¹² Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С. 112.

¹³ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 654.

¹⁴ Там же. С. 656.

¹⁵ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 168.

¹⁶ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 97—98, 101.

¹⁷ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 47.

¹⁸ Там же. С. 267.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же. С. 268.

²¹ Там же. С. 267.

²² Там же. С. 170.

²³ Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. М., 1992. С.45.

²⁴ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 327.

²⁵ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 317

²⁶ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 1115.

²⁷ Цит. по: Сергеев С.М. Русская нация. Национализм и его враги. М., 2017. С. 267.

²⁸ Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. С. 287.

²⁹ Леонтьев К.Н. Избранное. М. 1993. С.97.

³⁰ Цит. по: Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997. С. 109.

³¹ Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. С. 273.

³² См.: Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 1114—1115.

³³ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 451.

³⁴ Леонтьев К.Н. Славянофилы и грядущие судьбы России. С. 807.

³⁵ Цит. по: Сергеев С.М. Русская нация. Национализм и его враги. С. 258.

³⁶ Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 1114.

Aggression as a Problem of the Philosophy of Sport

Агрессия как проблема философии спорта

Alexander Alexandrovich Ryazantsev,
Master of sports. FC «Zenit»
E-mail: ryaza5@mail.ru

Александр Александрович Рязанцев,
Мастер спорта ФК «Зенит»
E-mail: ryaza5@mail.ru

Для цитирования. А.А. Рязанцев. Агрессия как проблема философии спорта. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 98—101.

Annotation. The article is devoted to the philosophical problems of aggression and sport correlation. The socio-historical essence of the development of sport is associated with the education of the human ability to preserve and improve the ability to maintain the necessary level of biological activity and health for survival, as well as the need for spiritual self-determination, self-realization of the individual within the framework of social existence.

Key words: philosophy, anthropology, aggression, culture, person, sport

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению философских проблем соотношения агрессии и спорта. Социально-историческая сущность развития спорта связывается с воспитанием способности человека к сохранению и совершенствованию способностей для поддержания необходимого для выживания уровня биологической активности и здоровья, а также потребности духовного самоопределения, самореализации индивида в рамках социального бытия.

Ключевые слова: философия, антропология, агрессия, культура, человек, спорт

Философия длительное время почти не обращала внимания на спорт. Изучая и осмысливая религию, искусство, науку, образование в качестве важнейших форм человеческой культуры, философия не придавала спорту серьезного значения, несмотря на то, что эта древняя форма культуры является важной составной частью человеческого существования.

Лишь в середине 60-х годов XX века спорт начинает претендовать на то, чтобы стать одним из объектов философского исследования. Комплекс проблем, рассматриваемых в философии спорта можно разделить на проблемы теоретического и практического характера. Основные споры в теоретическом осмыслении спорта касаются вопроса о том, что делает данную физическую деятельность спортивной деятельностью, отличающейся от некоторых других близких видов человеческой активности? Иными словами, каковы основные черты, отличающие спорт от других форм физической деятельности, которые также придают большое значение активности человека?

Практические аспекты философии спорта связаны преимущественно с комплексом дискуссионных вопросов этики. Это касается вопросов относительно характера соперничества

в спорте: что делает определенные виды соперничества морально неприемлемыми; что считать нарушением; и как нам следует относиться к нарушениям?

Внимание к моральным вопросам, свидетельствует о том, что проблемы, которые должна решать философия спорта по своей сути являются проблемами философской антропологии¹. Социально-историческая сущность происхождения и развития спорта состоит как в воспитании способности человека к сохранению и совершенствованию непосредственно используемых трудовых навыков и умений, поддержания необходимого для выживания уровня биологической активности и здоровья, так и в потребности духовного самоопределения, самореализации индивида в рамках социального бытия¹.

Философская антропология ставит вопрос о телесно-духовной природе спорта в контексте решения проблемы соотношения биологического и культурного начал в человеческом существовании. Одним из проявлений биологического начала многие ученые считают агрессию.

Агрессия — явление, которое на протяжении веков сопутствует истории человечества. Тема агрессии обретает статус самостоятель-

ной проблемы в XX веке, однако в большинстве исследований, которые затрагивают агрессию, сама проблема формулируется достаточно узко, подвергаясь исследованию в рамках определенных наук и их задач. Проблема агрессии предстает чаще всего в перспективе решения двух проблем. Одна проблема связана с причинами деструктивности агрессии, другая — со средствами ее преодоления и эффективными средствами контроля.

Вместе с тем, проблемное поле, в рамках которого следует анализировать агрессию, чрезвычайно широко. Различные аспекты этого феномена попадают в сферу внимания таких отраслей научного знания, как психология, биология, политология, социология, конфликтология, философия. Это обусловлено как противоречивым характером агрессии, так и множеством подходов, каждый из которых свой аспект агрессии и сводит его к явлениям биологического, психологического; социологического или философского порядка, вследствие чего возникает проблема целостного понимания агрессии.

Агрессия обычно понимается либо политически, как военное нападение одного государства на другое, причем продиктованное логикой развития государства-агрессора, например, борьбой за расширение жизненного пространства, либо антропологически — как проявление биологического начала в человеке. В первом случае агрессия есть следствие вполне рационального (хотя, возможно, и неразумного) решения политиков, во втором же речь идет о некотором аморфном «инстинкте», о биологическом начале, доставшемся человеку от его животных прародителей.

Разумеется, оба аспекта агрессии можно расширить, дополнив, например, расовой или классовой агрессией. Следует отметить, что рациональность политической агрессии не является исчерпывающей и с необходимостью включает в себя существенную антропологическую составляющие. Любая война предполагает не только рациональный расчет, но и консолидацию нации-агрессора против своей жертвы по принципу «свой-чужой», противодействие же агрессору также невозможно без мощного воодушевления, активизирующего силы сопротивляющейся стороны.

Академик Н.П. Бехтерева в своем докладе на Всемирном Конгрессе «Итоги тысячелетия» еще в 2000 году отмечала, что «современный

человек прошел путь от букваря до Интернета, но, тем не менее, не справляется с организацией сбалансированного мира. Его «биологическое» во многих уголках мира, да иногда и глобально, торжествует над разумом и реализуется агрессией, такой выгодной в малых дозах как активатор возможностей мозга, такой разрушительной в больших. Век научно-технического прогресса — и век кровавый».

Таким образом, агрессия понимается как победа «биологического» начала человека над разумом. Отметим также, что Н.П. Бехтерева оправдывая агрессию «в малых дозах» как активатор возможностей мозга, а значит и возможностей человека, но современность, по ее мнению, характеризуется разрушительной агрессией, в силу глобального торжества «биологического начала». Это замечание маркирует противоречивую природу агрессии, поскольку она рассматривается как осуждаемый, но либо адаптационный, либо неискоренимый аспект человеческой природы.

Это единство социально-системного и антропологического аспектов, на наш взгляд, сегодня актуализирует цивилизационное и культурное измерение противоречивого феномена агрессии. Цивилизация представляет собой не просто социальную систему, она имеет ярко выраженное антропологическое измерение, поскольку представляет собой систему контроля, аккумуляции, перенаправляющего использования агрессии. «Предлагается ввести в оборот, — пишет В.Ю. Бельский, — такое понятие как «антропофактор» цивилизованности, под которым следует понимать как совокупность связанных с жизнедеятельностью людей изменяемых и формируемых факторов, так и совокупность характеристик социокультурной среды («антросферы»), развивающейся по определенным законам». Различные цивилизации воплощают уникальные системы контроля, подавления и мобилизации агрессии¹.

Агрессия есть одна из движущих сил антросферы, которая генерирует символические формы аккумуляции жизненной силы общества. Спорт является одной из таких форм.

Выдающийся австрийский этолог Конрад Лоренц (1903—1989) указывал, что спорт является особой ритуализированной формой борьбы, развивавшейся в культурной жизни людей. «Как и филогенетически возникшие турнирные бои, — рассуждает ученый о спор-

те, — он предотвращает социально вредные проявления агрессии и одновременно поддерживает в состоянии готовности ее функцию сохранения вида. Однако, кроме того, эта культурно-ритуализированная форма борьбы выполняет задачу, важность которой не с чем сравнить: она учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими инстинктивными боевыми реакциями. Рыцарственность спорта, которая сохраняется даже при сильных раздражениях, вызывающих агрессию, является важным культурным достижением человечества. Кроме того, спорт благотворен в том смысле, что создает возможности воодушевленного соперничества между надиндивидуальными сообществами. Он не только открывает клапан для накопившейся агрессии в форме ее более грубых, более индивидуальных и эгоистических проявлений, но и позволяет полностью проявиться и израсходоваться ее более специализированной, сугубо коллективной форме».

К. Лоренц полагал, что по сравнению с животными у современного человека имеет место возрастание его агрессивных инстинктов под влиянием социальных условий. Несмотря на подавление, агрессивность постоянно требует выхода. И тем не менее, ученый утверждал: «Еще одно мероприятие, которое я считаю теоретически возможным, но крайне нежелательным, состояло бы в попытке избавиться от агрессивного инстинкта с помощью направленной эвгеники». Почему ученый сделал такой странный вывод?

Прежде всего потому, что был уверен: внутривидовая агрессия участвует в человеческой реакции воодушевления, которая хотя и опасна, однако необходима для достижения наивысших целей человечества. А главное, воодушевление есть необходимый элемент консолидации индивидов в социальную группу, в нацию, в цивилизацию, оборотной стороной чего является перенесение агрессии на другие социальные группы, нации, цивилизации. Фактически, именно агрессия есть инструмент разделения мира на «своих» и «чужих». Функция воодушевления отвечает за проявление сильных социальных связей с товарищами и агрессии по отношению к врагам.

Однако не все так просто. У низших животных фигура врага необходима; но на более высокой ступени развития (К. Лоренц в пример приводит серых гусей) фигура врага уже не нужна, чтобы сохранять взаимную принад-

лежность и взаимодействие друзей. «Я хотел бы думать и надеяться, — писал ученый, — что реакция воодушевления у людей уже достигла такой же независимости от исходной агрессии, или по крайней мере собирается это сделать».

Таким образом, консолидация в социальные общности и формирование соответствующих механизмов идентификации может как предполагать формирование образа врага и перенесение на него агрессию, так и избегать подобного формирования, если степень эволюционного развития достаточно высока. Фактически, история человечества есть своего рода динамика различных конфигураций соотношения агрессии и «контрагрессии».

К. Лоренц предлагал свое решение относительно ограничения агрессии. По его убеждению, переориентирование агрессии без создания образа реального врага — это самый надежный способ ее обезвредить. В частности, ученый подчеркивал важную роль спорта как способа предотвращения деструктивного проявления агрессии, но одновременно и поддержания ее в состоянии готовности ее функции сохранения вида.

Спорт выполняет важную задачу по ограничению агрессии, поскольку учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими инстинктивными реакциями. Спорт благотворен в том смысле, что создает возможности воодушевленного соперничества и проявляет себя в коллективной форме. Борьба за иерархическое положение внутри группы, общий и трудный бой за вдохновляющую цель, мужественное преодоление серьезных опасностей, не считающаяся с собственной жизнью взаимопомощь — все это поведенческие акты, которые в предыстории человечества имели высокую селективную ценность. Под воздействием внутривидового отбора их ценность постоянно возрастала, это обстоятельство приводит к тому, что многие наши современники вовсе не считают войну чем-то достойным осуждения.

Современное общество, выдвинув идеал толерантности, все больше становится обществом манипулирования агрессией. Агрессия на национальной почве является одной из наиболее распространенных форм агрессии, имеющая очевидные антропологические основания. У наивных людей относительно легко вызвать чувство злобы, ярости по отношению к соседним народам. К. Лоренц подчеркивал,

что манипулятор прекрасно знает о тормозящем агрессивность действии личного знакомства и потому последовательно стремится предотвратить любые контакты между отдельными людьми тех сообществ, в которых хочет сохранить настоящую взаимную вражду.

Основанием противостоения разрушительной агрессии может быть только какая-либо несомненная ценность. Наивное противостоение «злу как таковому» дает противоречивые результаты. Необходимо именно позитивное ценностное основание. Среди таких оснований — наука, искусство и спорт. Они не знают языковых барьеров, и поддерживают систему общезначимых, универсальных ценностей. Разрушение этой системы представляет собой явную угрозу культурной безопасности современной цивилизации.

И как раз для выполнения этой задачи спорт, искусство и наука должны оставаться аполитичными. Но не иллюзия ли это требование? В наши дни коммерциализация и политизация спорта, впрочем, как и искусства и науки, имеет беспрецедентный характер. Еще Й. Хейзинга негодовал по поводу того, что сегодня спорт перестал быть игрой и стал слишком серьезным (коммерческим и политическим) занятием¹. В силу этих обстоятельств даже место спорта в современной культуре становится непонятным. Для того, чтобы определить это место, следует учитывать, что И. Хейзинга слишком сильно привязал понятие игры к традиционной культуре с ее структурными формами самоорганизации через ритуал и агон, а, значит, и через порядки сакрального.

Современная эпоха иначе структурирует свою культуру. Понятие игры применительно к матрице теперь используется как синоним рациональности в структурах рынка, политики, массовой культуры и информационного манипулирования, но не как феномен сакральности в традиционных культурах. И спорт, как и искусство и наука, попадают в эту матрицу. Можно ли сегодня говорить о «честной» самодостаточности этих феноменов в современной культурной матрице? Было бы верхом наивности не видеть их проблематический характер. И спорт, и искусство, и даже наука в современной культуре являются своего рода гибридами, в которых священная игра срослась с развлекательным шоу, бескорыстное самопознание человечества с коммерческим расчетом, благородство правил и целей с политической интригой.

В этой связи коммерциализация и политизация спорта — тревожные симптомы, хотя проявились они достаточно давно. И все же спорт и искусство существуют лишь в той мере, в какой они выражают истину человеческого бытия, какой бы проблематичной она не была. Большой опасностью является то, что современный мир испытывается на прочность умышленными, глубоко продуманными акциями, направленными как на увеличение агрессии, так и на нейтрализацию и даже ликвидацию тех сфер международных отношений и межкультурных коммуникаций, которые способствуют снижению агрессии.

Список литературы

1. Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Рязанцев А.А. Россия нуждается в новой философии спорта. Цивилизационный аспект проблемы // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 4. С. 35—38.
2. Бельский В.Ю., Иноземцева Е.М. Понятие профессиональной ориентации в системе категорий профессионального становления молодежи // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 16—18.
3. Бехтерева, Н.П. Доклад на Всемирном Конгрессе «Итоги тысячелетия» / Мозг человека — сверхвозможности и запреты Н.П. Бехтерева // Наука и жизнь. 2001. № 7 / Портал журнала «Наука и жизнь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/6406/>.
4. Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М.: ИПЛ, 2017.
5. Золкин А.Л. Российская цивилизация в евразийском культурном пространстве // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 1. С. 41—44.
6. Бельский В.Ю. Цивилизационные вызовы и противоречия в мобилизирующемся мире // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 13—15.
7. Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 10—13.
8. Золкин А.Л. Глобализация и цивилизационная асимметрия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. Т. 36. № 10. С. 78—83.
9. Лоренц К. Агрессия. М., 1994.
10. Бельский В.Ю. Олейник В.И. Интеллектуальный потенциал как фактор национальной безопасности современной России // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 2—3. С. 14—20.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
12. Золкин А.Л. Культурология. М., 2018.
13. Золкин А.Л. Цивилизационный суверенитет России как философская проблема // Вестник Московского университета МВД. 2016. № 2. С. 24—27.

Prevention of the Abuse of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances by Minors of the Female Sex

Предупреждение злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами несовершеннолетними лицами женского пола

Alexander Aleksandrovich Baranov,
PhD, Associate Professor Associate Professor,
Department of Criminology Moscow University Russian
Interior Ministry named VY Kikot (FGKOU VPO «Moscow
University Russian Interior Ministry behalf of VY Kikot»
E-mail: baranoff75@mail.ru

Elena Aleksandrovna Solomatina,
PhD, Associate Professor Associate Professor,
Department of Criminology Moscow University
Russian Interior Ministry named VY Kikot (FGKOU VPO
«Moscow University Russian Interior Ministry behalf of VY Kikot»
E-mail: kadarka777@mail.ru

Александр Александрович Баранов,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВПО «Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
E-mail: baranoff75@mail.ru

Елена Александровна Соломатина,
кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры
криминологии Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВПО «Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
E-mail: kadarka777@mail.ru

Для цитирования. А.А. Баранов, Е.А. Соломатина. Предупреждение злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами несовершеннолетними лицами женского пола. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 102—105.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the current state of use of narcotic drugs and psychotropic substances by minors, as well as the main directions of prevention of use of narcotic drugs and psychotropic substances by minors.

Key words: warning, use, minors, narcotics, psychotropic substances, prevention, crime, addiction

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния употребления несовершеннолетними лицами женского пола наркотических средств и психотропных веществ, а также основным направлениям профилактики употребления наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними.

Ключевые слова: предупреждение, злоупотребление, несовершеннолетние, наркотические средства и психотропные вещества, преступность, наркомания

Наркомания как социальная проблема нашей страны появилась в 80-х годах прошлого столетия. Стремительный рост наркотизации все больше втягивает молодежь, подростков и даже детей, что неизбежно ведет к деградации всего общества.

В настоящее время, серьезные опасения вызывает обстановка, сложившаяся в Российской Федерации, связанная с потреблением наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними.

Согласно оценкам экспертов, занимающимся вопросами профилактики безнадзорности, беспризорности и наркомании среди несовершеннолетних и молодежи количество лиц, которые употребляют наркотические

средства и психотропные вещества в нашей стране превысило 5 миллионов человек. Каждый 4-й из этой группы — лица женского пола. За последнее десятилетие число несовершеннолетних лиц женского пола, вовлеченных в употребление наркотических средств и психотропных веществ, увеличилось в 7 раз. Причем среди самых уязвимых возрастов начала приема наркотических средств лицами женского пола следует выделить три группы 10—15 лет; 15—20 лет; 20—36 лет. Важно отметить и тот факт, что наркотизм несовершеннолетних имеет острые социальные последствия¹: несовершеннолетними совершаются преступления, аморальные поступки, происходит деградация личности, увеличи-

вается смертность молодежи, развиваются и передаются заболевания, понижается рождаемость, либо вовсе рождаются неполноценные дети.

Рассматривая проблему злоупотребления наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними лицами женского пола, следует обратить внимание на различия в гендерной природе процесса наркотизации. Так, например, наркотики у юношей, подобно курению символизируют взрослость, будто бы они приобщаются к миру взрослых. Для девочек же это особое состояние и принадлежность к группе, так как взрослость для них символизирует нечто другое (наряды, украшения, косметика).

В плане образования, девушки отличаются более высоким уровнем успеваемости, нежели юноши.

При этом, мужчины превосходят женщин в агрессивности, в стремлении к доминированию, у них более ярко выражено исследовательское поведение и стремление к изучению и познанию чего-то нового. Мальчики раньше, нежели девочки, знакомятся с разными формами наркотизма. Первичные пробы курения и алкоголя, носящие характер «экспериментирования», у мальчиков происходят в среднем в возрасте 10 лет, у девочек — в 11—11,5 лет. Средний возраст вовлечения в употребление наркотиков мальчиков — 14,5 лет, девочек — 15,5—16 лет.

Несмотря на то, что девочки знакомятся с наркотизацией позже, нежели юноши, темпы «вхождения в наркотизацию» у них оказываются выше, они быстрее приобщаются к наркотизации.

В настоящее время проблема гендерных различий фактов употребления наркотических препаратов без назначения врача недостаточно изучена.

А ведь лицам женского пола, особенно несовершеннолетним, выйти из этого заболевания намного труднее и почти невозможно без помощи специалистов. Чаще всего они стараются с помощью наркотических средств и психотропных веществ решить свои эмоциональные проблемы, проблемы, связанные с межличностными отношениями. Также, часто можно услышать оправдания такого рода как: «я не красивая», «я никому не нужна», «меня никто не любит». А, приобщаясь к употребле-

нию наркотических веществ, девушки находят себе подобных. Даже чаще всего не именно из-за дозы, а лишь для того, чтобы высказаться, найти сочувствие и поддержку.

У женщин намного быстрее, нежели у мужчин, формируется симптоматика. Для того, чтобы сформировалась у женщины героиновая зависимость достаточно лишь одного укола. По исследовательским данным с первого укола сформировывается психическая зависимость от героина в 55% случаев у мальчиков и в 82% случаев у девочек². Врачи-наркологи выделяют у женщин, употребляющих наркотические и психотропные вещества, следующие особенности: истерические черты личности, отсутствие страха, экзальтированность, театральность, влюбчивость, романтизм, предрасположенность к зависимости.

Вследствие чего, немаловажное значение в современном обществе приобретает профилактика наркомании, под которой (если исходить из общего определения профилактики преступности и различных форм антиобщественного поведения, разработанного в криминологии), следует понимать специальный вид социальной деятельности, осуществляемый как государственными, так и негосударственными органами, организациями, учреждениями, направленный на устранение выявленных причин, условий распространения данного негативного социального явления.

Исходя из вышеизложенного, в профилактике асоциального поведения возможно выделить три уровня³.

1. Общая социальная профилактика — связана с разрешением глобальных вопросов существования общества: политических, экономических, идеологических. Решение этих проблем влияет на преступность, структуру, ее состояние, динамику, причины независимо от формы проявления, и на все виды девиантного поведения, например, немедицинское употребление наркотических средств и психотропных веществ.

2. Специальная криминологическая профилактика — это профилактика отдельных форм преступности и видов девиантного поведения, которая узко связана с последней формой. Это целенаправленная деятельность субъектов профилактики по выявлению и устранению причин и условий, способствующих распространению наркотизма.

3. Индивидуальная криминологическая профилактика антиобщественного и преступного поведения — ориентирована на конкретную личность, и она должна осуществляться по специальной программе, которая разработана для оказания на человека превентивного воздействия.

Предупредительная работа среди несовершеннолетних лиц женского пола должна включать в себя реализацию комплекса специальных, общесоциальных, и индивидуальных мероприятий. Субъектами данной профилактической работы являются различные правовые институты, общественные организации (в частности и женские). Большая роль отводится в такой работе комиссиям по делам несовершеннолетних, органам управления социальной защиты населения, органам управления образованием, органам по делам молодежи, органам опеки и попечительства, органам службы занятости, органам управления здравоохранения, органам внутренних дел, юстиции и другим.

Суммируя вышесказанное следует определить шесть основных направлений (подходов) по профилактике злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами несовершеннолетними лицами женского пола⁴.

1. Подход, связанный с распространением информации о наркотических средствах и психотропных веществах. Данный подход является более распространенным типом превентивных стратегий, который базируется на предоставлении информации о наркотических средствах и психотропных веществах, их вредности и негативных последствиях их употребления.

2. Подход, основанный на аффективном обучении несовершеннолетних. Осуществляется он на ощущениях, переживаниях, эмоциях индивида, навыках их распознавать, а также управлять ими. Аффективное обучение осуществляется с учетом того, что зависимость от наркотических веществ чаще развивается у личностей, имеющих трудности в определении и выражении эмоций, с низкой самооценкой, слабо развитыми навыками принятия решений. В рамках этой концепции выделяются следующие цели: определение значимых личностных ценностей; повышение самооценки; развитие навыков распознавания

и выражения эмоций; формирование способности справляться со стрессом; развитие навыков принятия решений.

3. Подход, основанный на роли социальных факторов. Превентивные стратегии, нацеленные на социальные факторы, которые способствуют вовлечению в употребление наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетних лиц женского пола, основываются они на признании того, что влияние сверстников и семьи играет очень важную роль в этом процессе, способствуя или препятствуя началу наркотизации. Данный подход рассматривается как вполне успешный, именно он достигает цели, предотвращая или «отодвигая» начало употребления наркотических средств и психотропных веществ.

4. Подход, основанный на формировании жизненных навыков. Жизненными навыками являются навыки личного поведения и межличностного общения, позволяющие людям контролировать и направлять свою жизнедеятельность, развивать умение жить вместе с другими и вносить изменения в окружающую среду.

5. Подход, основанный на альтернативной наркотикам деятельности. Странники этого подхода предполагают, что важная деятельность, альтернативная наркотизации и алкоголизации, способствует уменьшению распространения развития зависимости от наркотических средств и психотропных веществ и алкоголя. Сконструировав позитивную зависимость от среды, несовершеннолетние приобретают определенный тип целесообразной активности. Эта концепция подчеркивает очень важную роль среды и ориентируется на развитии позитивной активности с целью уменьшения риска употребления наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними лицами женского пола.

6. Подход, основанный на укреплении здоровья. Укрепление здоровья — это процесс, который помогает индивидуумам и группам ужесточить и усилить контроль над детерминантами здоровья, а следственно улучшить его.

Важно также отметить, что при разработке мер по профилактике злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами несовершеннолетними лицами жен-

ского пола необходимо учитывать особенности женской психологии, физиологии. Так, например, молодые девушки более склонны к советам родителей, учителей, психологов, нежели чем молодые люди школьного возраста. Данным фактом необходимо пользоваться всем субъектам в своей деятельности при проведении индивидуальной профилактики наркомании и наркотизма среди лиц женского пола.

Такая работа ведется органами внутренних дел, которые учитывают характер и степень общественной опасности совершенных правонарушений, их последствий и личностных характеристик, социально-экономических, семейно-педагогических, культурологических и досуговых детерминант.

Кроме того, мероприятия по индивидуальной профилактике должны предусматривать наиболее полное выявление категории «групп риска» и принятие к ним комплекса мер индивидуального профилактического воздействия, например: посещение адреса жительства несовершеннолетних наркоманов, проведение с ними профилактических бесед; контакт с семьей девушки-подростка; закрепление социального педагога; осуществление совместной работы с медицинскими учреждениями, учебными или трудовыми коллективами, их общественными организациями; психологический курс реабилитации.

Российские ученые особо не прорабатывали основательно вопросы, касающиеся осуществления индивидуальной профилактики в отношении лиц женского пола, хотя, основываясь на вышеизложенном, в злоупотреблении наркотиками среди женщин и мужчин есть довольно много различий. Следовательно, и меры индивидуальной профилактики должны различаться друг от друга.

Отметим, что результативность высока у виктимологической профилактики наркомании, которая заключается в максимальном использовании защитных возможностей человека при его максимальной информированности и естественном стремлении к жизни. Виктимологическая воспитательная работа связана с умением распознавать опасные ситуации, приемы и уловки наркодилеров и помогает человеку защититься от вовлечения в наркоманию. Выявление потенциальных жертв и организация в отношении данных лиц профи-

лактической работы — основная задача такой профилактики, и в целом она составляет лишь часть общей программы по профилактике наркомании через образование, культуру, экологию.

Сложность гендерной виктимологической профилактики наркомании в том, что необходимо учитывать психологию всех слоев населения, мужчин и женщин, юношей и девушек, уметь анализировать мотивы, установки и современные увлечения молодого поколения, девушек в частности, для реального и эффективного воздействия на лиц, подвергающихся опасности⁵.

Безусловно, только в случае комплексного применения меры общей и индивидуальной профилактики наркотизма и наркомании среди несовершеннолетних лиц женского пола в нашем обществе будут действенными.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017).
3. *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М., 2017.
4. *Антонян Ю.М.* О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 2010. № 26. С. 27.
5. *Панов С.Л.* Криминологическая характеристика и предупреждение наркотизма среди несовершеннолетних. М., 2016.
6. *Соломатина Е.А.* Криминологическая характеристика и профилактика злоупотребления наркотиками лицами женского пола. Автореферат дисс. ... М., 2002 г.

¹ *Соломатина Е.А.* Криминологическая характеристика и профилактика злоупотребления наркотиками лицами женского пола. Автореферат дисс. ... М., 2002 г. С. 12.

² См. Информационно-публицистический ресурс «Нет наркотикам» Сайт [http://: www.narkotiki.ru](http://www.narkotiki.ru)

³ Информация получена из информационной сети Интернет, на сайте «Наркомания — угроза человечеству» // Наркомания — больше чем болезнь. 2018.

⁴ *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М., 2017; *Антонян Ю.М.* О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 2010. № 26. С.27 и др.

⁵ *Панов С.Л.* Криминологическая характеристика и предупреждение наркотизма среди несовершеннолетних. М., 2016.

The Influence of Dynastic Family Traditions on the Formation of the Identity of the Police Officer

Влияние династических семейных традиций на становление личности сотрудника ОВД

Natalia Vladimirovna Nikolaeva,
candidate of philosophy associate Professor
of socio-economic and humanitarian disciplines
MOF Moscow University of the Ministry of internal Affairs
of Russia named after V. ya. Kikot
E-mail: sicleph@mail.ru

Alexander Petrovich Havrak,
associate Professor, associate Professor of the Department
of socio-economic and humanitarian disciplines MOF Moscow
University of the Ministry of internal Affairs Of Russia
E-mail: xavrak44@mail.ru

Наталья Владимировна Николаева,
кандидат философских наук доцент кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
МОФ Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: sicleph@mail.ru

Александр Петрович Хаврак,
доцент, доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин МОФ Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: xavrak44@mail.ru

Для цитирования. Н.В. Николаева, А.П. Хаврак. Влияние династических семейных традиций на становление личности сотрудника ОВД. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 106—109.

Annotation. The article analyzes the influence of the family and professional traditions of its older generations on the choice of the profession of a police officer by young people in the etymological perspective. Psychological and cultural determinants of moral and value orientations of professional motivation of children from families of law enforcement officers are considered.

Key words: family, traditional values, work habits, professional skills, motivation and maturity

Аннотация. В статье анализируются в этимологическом ракурсе влияние семьи и профессиональных традиций ее старших поколений на выбор профессии сотрудника полиции молодыми людьми. Рассматриваются психологические, культурные детерминанты морально-ценностных ориентиров профессиональной мотивации у детей из семей сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, трудовые традиции, профессиональное мастерство, мотивационная зрелость

Понятие «семья» в русском языке вошло в обиход от южнославянского «сечь» обозначающее работника, домочадца [1, с. 639]. В словаре С.И. Ожегова под семьей понимается группа живущих вместе родственников — мужа и жена, а также родители с детьми [2, с. 656].

В настоящее время в обиходе понятие «семья» обозначает самую малую ячейку общества — людей, связанных родственной и духовной общностью, где закладывается основа человеческих отношений, начальная стадия социализации личности. По сути, это же смысловое содержание сохраняет и уточняет социолог А.Г. Харчев: «Семья — это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и

детьми; это малая социальная группа, члены которой связаны брачными и родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью» [3, с. 22].

Значимость семьи, где закладываются нравственные основы общества, формируются его духовно-культурные скрепы, обосновывали многие видные мыслители во все исторические эпохи развития (Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Г. Гегель и др.). Древнекитайский мудрец Конфуций в VI в. до н.э. утверждал, что семья — это сердцевина общества. Поэтому наиболее эффективный способ сплочения общества заключается в укреплении положения семьи и всяческое поощрение уважительного отношения к старикам и родителям. Конфуций говорил, что государство —

это большая семья, а семья — малое государство. Отношения в семье и государстве строятся на основе беспрекословного повиновения младших старшим, детей родителям [4].

Согласно утверждению американского социолога Толкотта Парсонса, двумя главными функциями семьи являются первичная социализация и стабилизация личности. Первичная социализация — это процесс изучения детьми культурных норм того общества, в котором они родились. Так как этот процесс происходит в течение раннего детства, семья является главной ареной становления личности. Стабилизация личности подразумевает ту роль, которую играет семья в эмоциональной поддержке своих взрослых членов. В индустриальных странах роль семьи в стабилизации взрослых индивидов считается решающей. Из всего выше сказанного становится ясно, что семья является первым институтом ребенка, где ему прививаются основные модели поведения в обществе и взаимодействия с людьми [5].

Во многом процесс воспитания человека зависит от нравственной культуры родителей, их жизненных планов, устремлений и семейных традиций, которые имеют решающее значение в становлении личности подрастающего индивида. Термин «традиция» в переводе с латинского — «передача», «преемственность». Традиции семьи продолжают родовую опыт ее развития, закрепляя устоявшиеся формы поведения в прошлом и связывая с приобретенными новыми, а также обеспечивают устойчивость внутрисемейных отношений, упорядочивая их.

Таким образом, под традициями понимаются прочно устоявшиеся, унаследованные от предыдущих поколений, формы поведения, которые в семейно-бытовой сфере чаще обозначаются понятием «обычай».

Однако семейные традиции по содержанию шире обычаев и являют собой духовную атмосферу дома, его режим, уклад жизни, привычки и ценности, присущие конкретной семье, подобно вектору, направляют развитие семейных отношений. Если поставить вопрос в теоретической плоскости, каковы основные функции семейных традиций? Ответ будет однозначный. Во-первых, они обеспечивают гармоничное развитие личности и, во-вторых,

они формируют культурное богатство семьи, ее самобытность и уникальность.

Именно атмосфера семьи и те социальные ценности, которые в ней культивируются, определяют насколько она успешно реализует социальную функцию нравственного воспитания, способствует саморазвитию личности в ней социализирующейся, а в дальнейшем — и самореализации молодого человека. К тому же, интеллектуальный уровень семьи, ее воспитательные усилия, оказывают существенное, а в некоторых случаях даже определяющее воздействие на развитие интеллектуального потенциала ребенка, на его устремленность в учебе, самоидентификацию, профессиональную ориентацию. Конечно, семейные традиции детерминированы политическими, экономическими факторами, особенностями национальной культуры, менталитетом и даже конкретной конфессией. Это своеобразный сплав общего и особенного.

Помимо процесса непосредственной социализации, семья в значительной мере решает еще одну, чрезвычайно важную задачу — это выбор профессии молодых отпрысков. От верного выбора жизненного пути зависит общественная значимость человека, его удовлетворенность работой и, как следствие, авторитет, физическое и психическое здоровье, чувства радости, гордости, самоуважения и достоинства, самодостаточности.

Это утверждают Москаленко А.Т. и Сержантов В.Ф., философски подошедшие к изучению личности, и утверждая, что если мы хотим дать счастье, здоровье человеку, обеспечить его гармоничное развитие, то должны стремиться максимально способствовать реализации его витальных потребностей и самопрограммированию [6, с. 179].

Выявлено, что именно семейные традиции играют важную роль при выборе профессии и формировании профессиональных династий. Понятие «династия» в переводе с греческого и латинского языков обозначает «властелин» и сегодня употребляется в двух смыслах: 1) ряд последовательно правящих монархов из одного и того же рода; 2) о членах одной семьи, передающих от поколения к поколению мастерство, трудовые традиции [7, с. 243].

Династии в профессии складывались исторически, как правило, в тех сферах деятель-

ности, которые имеют социально значимую ценность и представляют собой относительно устойчивое явление, которое проявляется наследованием в семье от родителей детьми содержания определенных трудовых традиций. Они возникают и развиваются в тех семьях, где родители вкладывают душу в своих детей и живут интересами семьи как общим делом, заинтересованно и увлеченно рассказывают детям об особенностях профессии, ее значимости, своих трудовых успехах и общественной оценке этих результатов.

Очень часто, как отмечают исследователи, если с точки зрения детей, профессиональная биография родителей сложилась удачно, то они пойдут в выборе профессии по их стопам. Это особенно характерно для творческих профессий, а также медиков, ученых, военных, сотрудников полиции и др.

Как показали результаты исследования ВЦИОМа, проведенного в 2012 г., россияне считают лучшим профессиональным выбором медицинскую сферу: 24% опрошенных хотели бы, чтобы их дети работали врачами. Второе место в рейтинге по-прежнему занимают юристы (14%). Тройку лидеров замыкают экономисты и финансисты (11%). Далее следуют инженеры (8%), военнослужащие, творческие профессии (по 6%), программисты (5%), учителя, спортсмены, государственные служащие (по 4%) [8]. Следовательно, в формировании династии на современном этапе развития нашего государства существенную роль оказывает социально-культурная значимость и престиж профессии в обществе.

Однако, несмотря на то, что в общественном сознании репутация органов внутренних дел невысока, тем не менее, в этой сфере профессиональной деятельности династии не редкость. Это, на наш взгляд, можно объяснить исключительно социальной зрелостью родителей и специфическим микроклиматом в семье, где доминирует осознание общественной значимости профессии сотрудника полиции, полномочного представителя государства, призванного во имя обеспечения правопорядка на вверенной территории, исполнять свой служебный долг даже в экстремальных условиях, при этом рискуя здоровьем или собственной жизнью. Дети, воспитывающиеся в этой среде, впитывают атмосферу поли-

цейских будней своих родителей. У детей сотрудников непроизвольно формируется особое мировосприятие, в котором осознание необходимости бескомпромиссной борьбы со злом, чтобы в обществе торжествовали добро и справедливость находятся в центре приоритетов. Кроме этого, у них формируются психологические механизмы единения с родителями, которые сталкиваются опасностями по долгу службы, тяготами и даже риском для жизни и здоровья. «Чувство локтя» для них не пустой звук. Традиции, обряды, ритуалы служебных праздников, и будней, а также особая, скрытая от глаз среднестатистических обывателей практика общения в семьях и между семьями сотрудников полиции, накладывает на детскую психику неизгладимое впечатление, которое порождает осознание важности профессии, непростой и нужной обществу судьбы ее носителей, которые часто выступают примером служебной дисциплины, преданности своему долгу и Отечеству, мужества и героизма. Все это глубоко проникает в психо-эмоциональную сферу детей сотрудников, бережно хранится и оберегается семьями, служит примером социального долга и преданности своей профессии. Как правило, в будущем эти возмужавшие дети, осознавшие социальную значимость правоохранительной деятельности, долга и офицерской чести уже в юношестве решают, что их профессиональный путь — это служба в органах внутренних дел.

Не исключено, что скрытым мотивом у родителей-сотрудников ОВД к побуждению своих детей к службе в системе МВД может быть и интерес, обусловленный социальными гарантиями, которые обеспечивает сотрудникам государство. В эпоху рыночных отношений в современной России не все семьи могут дать своим детям качественное высшее образование в юридической сфере, что можно получить, обучаясь в ведомственных вузах, где годы учебы включаются в стаж службы в органах внутренних дел. Имеются и другие преимущества.

Подтверждением выше сказанного является то, что в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя из общего числа обучающихся в среднем стабильно из года в год около или

чуть больше 25% составляют дети сотрудников полиции. Каков же мотив поступления на учебу в учебные учреждения системы МВД? На этот вопрос при первичном тестировании абитуриентов 96% из семей сотрудников полиции ответили, что желание продолжить дело, которому посвятил себя отец (мать) — это борьба со злом (преступностью).

Специфика обучения в ведомственной системе обусловлена рядом факторов: наличием жесткого контроля за всеми сферами жизнедеятельности со стороны руководящего состава, соблюдением субординации, казарменным положением обучающихся, массой правовых регламентов деятельности. Помимо этих факторов, определенный психологический дискомфорт у курсантов может вызвать контракт, заключенный с МВД России об обязательном прохождении в течение пяти лет службы в органах внутренних дел. Все эти факторы в определенной степени ограничивают свободу личности и разностороннюю реализацию творческого потенциала в обучении и последующей профессиональной деятельности, хотя для некоторых данный факт может быть воспринят как благо, так как это является гарантией относительного социального благополучия.

Взаимодействие в комплектовании органами по вопросам адаптации к службе наших выпускников показывает, что они адаптируются лучше, пришедших молодых сотрудников из гражданской сферы, и хотя есть те же психологические проблемы адаптации, вызванные объективными причинами (та же неорганизованность, несобранность, не умение четко следовать командам и распоряжениям, отсутствие навыка работать в коллективе, оказывая поддержку и помощь нуждающемуся), все же у них отмечается более высокая профессиональная и психологическая готовность к профессиональной деятельности. Скорость их адаптации к службе намного выше.

Любопытным является тот факт, что у детей сотрудников полиции уже на 1-м курсе проявляется более выраженная мотивация на получение профессиональных знаний, которые помогут им в практической деятельности. Несколько меняется акцент мотиваций на четвертом и пятом курсах. В них преобладает желание успешно осуществить карьерный

рост (57%), получать стабильное денежное содержание и социальные гарантии (64%).

В целом можно сделать вывод, что, *во-первых*, дети из семей сотрудников более мотивированы на приобретение глубоких профессиональных знаний, что поможет им максимально реализовать свои личностные потенциалы в сфере противодействия преступности, охране прав и законных интересов граждан, они настроены на длительный профессиональный путь в системе охраны правопорядка. *Во-вторых*, они легче и быстрее адаптируются к специфичной среде организации воспитательного и образовательного процесса учебных учреждений системы МВД. *В-третьих*, они более дисциплинированы и мотивированы на дальнейшую службу в органах внутренних дел, иногда четко видят свои перспективы.

Список литературы

1. Большой этимологический словарь русского языка. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2012.
2. *Бельский В.Ю.* К.Д. Ушинский об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования // Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение» № 4. С. 8—12, 2018.
3. Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952.
4. Основы психологии семьи и семейного консультирования / под ред. Н.Н. Посысоева. М.: Владос-Пресс, 2004.
5. Роль семьи в конфуцианстве studbooks.net/709158/sotsiologiya/rol_semi...
6. *Толкотт Парсонс* Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой Перевод И.Н. Тартаковской. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/14/1232049984/Parsons.doc>
7. *Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф.* Личность как предмет философского познания. Философская теория личности и ее психологические и биологические основания. Новосибирск, 1984.
8. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. М.: Эксмо, 2011.
9. Исследование ВЦИОМ: Рейтинг престижных и доходных профессий среди россиян в 2012 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/news/2012/10/01/5014>

National Culture as the Basis of Law in the Doctrine of Russian Conservatism

Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма

Andrew Lvovich Zolkin,
Professor of the Department of philosophy Moscow
University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot doctor
of philosophical Sciences, associate Professor
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович Золкин,
профессор кафедры философии
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя доктор философских наук, доцент
E-mail: az20042004@mail.ru

Для цитирования. А.Л. Золкин. Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 110—113.

Научная специальность — 09.00.13 Философская антропология, философия культуры

Annotation. The article discusses the idea of a Russian conservatism on the right when the national culture. Describes the major directions of criticism by conservatives of a liberal interpretation of law. It is proved that the relevance of conservative legal ideology becomes in the context of the civilizational paradigm of law, which must conform to basic social and cultural values of Russian society. Civilizational strategy is considered as a basis of modern methodology of understanding law and the state in modern science.

Аннотация. В статье рассматривается идея русского консерватизма о связи права с национальной культурой. Раскрываются основные направления критики консерваторами либерального правопонимания. Доказывается, что свою актуальность консервативная правовая идеология приобретает в контексте формирования цивилизационной парадигмы правопонимания, которая должна соответствовать базовым социальным и культурным ценностям российского общества. Цивилизационная стратегия рассматривается как основа современной методологии осмысления права и государства в современной науке.

Key words: law, culture, civilization, tradition, cultural values, individual, personality

Ключевые слова: культура, цивилизация, традиция, базовые культурные ценности, индивид, личность

Консервативная идеология стремится к восстановлению прерванной «связи времен», тем самым претендуя на духовную революцию: обновление достигается через возвращение человечества к собственной культурной традиции, искаженной и оклеветанной либералами и радикалами.

Основоположник русского консерватизма Н.М. Карамзин (1766—1826) на основе изучения опыта Великой французской революции сформулировал принципы консервативной идеологии, которые опирались не только на неприятие революции, но и на отказ от рационалистической философии Просвещения в целом, а также критику индивидуалистических правовых ценностей культуры Нового времени. Он объявил утопичными претензии просветителей создать новое, совершенное общество на началах разума: «все

смелые теории ума, — полагал мыслитель, — должны остаться в книгах; учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакой силой ума».

Особым объектом критики стала деятельность М.М. Сперанского, в частности, подготовка им проекта Гражданского уложения, в которой Н.М. Карамзин не увидел «ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России». «Для того ли, — недоумевал мыслитель, — существует Россия как сильное государство около тысячи лет, для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно перед лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами».

В своем стремлении отгородить Россию от идейного влияния революционной Европы Н.М. Карамзин занялся разработкой концепции культурной самобытности России, являющейся неотъемлемой частью его консервативной социально-политической программы. Процессы европеизации он связывал с деятельностью Петра I, который «захотел сделать из России Голландию». В допетровской Руси «правоверный Россиянин» считался «совершеннейшим гражданином в мире, а Святая Русь — первым Государством». «Теперь же, — отмечал Н.М. Карамзин, — более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям, т.е. кому бы она, по вероятности, должна была более противиться?». Историк делает вывод о том, что по вине Петра «мы стали гражданами Мира, но перестали быть гражданами России».

В творчестве Н.М. Карамзина впервые становится предметом обсуждения произошедший вследствие петровских реформ раскол России на древнюю, допетровскую, и новую, переживающую процесс европеизации, вследствие которого «честью и достоинством Россиян сделалось подражание».

Именно Н.М. Карамзин впервые формулирует тезис о евразийском характере русской культуры: Россия, «возвысив главу свою между Азиатскими и Европейскими Царствами», представляет «в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних Восточных нравов, принесенных Славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с Монголами, Византийскими, заимствованных Россиянами вместе с Христианскою верою, и некоторых Германских, сообщенных им Варягами».

Н.М. Карамзин приходит к идее характерного для консервативного мирозерцания традиционализма, поскольку полагает, что «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств». Мыслитель не приемлет просветительский дух априорного, не опирающегося на исторический опыт и народные обычаи, «законоделания», позволяю-

щий «умам легким» думать, что «надобно только велеть, — и все сравняется». Только время, по мнению историка, «подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облетать его».

Основные положения идейной программы Н.М. Карамзина присутствовали во многих течениях русского консерватизма. Русские консерваторы сформулировали ряд положений по поводу природы права, государства и их функций в общественной жизни, которые неразрывно связаны с ценностными характеристиками консервативного мировоззрения.

Вместе с тем, русские консерваторы XIX в. также в большинстве своем не проявляли видимого интереса к созданию теории, способной к объяснению социальных реалий. Напротив, политическая и правовая теория воспринималась ими чем-то, что скорее подрывает устои исконного порядка, чем их спасает. Считая любую социальную теорию обреченной на отрыв от жизни и вражду с жизнью, они говорили про прямую зависимость между отдаленностью той или иной доктрины от «запросов жизни» и стремлением этой доктрины подчинить жизнь своим схемам.

Л.А. Тихомиров опровергал естественно-правовые основания либерализма указанием на то, что они не соответствуют научной точки зрения на мир. «Выводы о необходимости политических вольностей затвержены наизусть, — писал он, — но *посылки*, из которых они только и вытекают, совершенно разрушены наукой. ... Говорят и нынче о естественных правах, но в качестве совершенно бессмысленного выражения, которое еще годится для оратора, но никак не для человека науки. ... Одновременно с этим быстро расшатывается, *истрепывается* либеральный демократизм, который в XVIII веке представлялся чем-то вечным».

Правовой обычай выгодно отличается от доктрины (а иногда и от закона) тем, что отражает «преобладающие фактические отношения», а не домыслы теоретика и желания законодателя. Консерватизму свойственно убеждение в том, что традиционный правовой порядок есть воплощенное совершенство. Поэтому и обычай, кажущийся при поверхностном рассмотрении устаревшим, полезнее любой самой обоснованной доктрины. Уничто-

жение правового обычая традиции во имя призрачной «рациональности» лишает человека необходимых образцов правового поведения, созданных на протяжении веков, не давая ничего взамен.

Попытки западной юриспруденции создать «мнимую науку права» для А.С. Хомякова, — ни что иное, как тщетное «желание обратиться в самобытные и твердые начала факты, выведенные из борьбы тесной римской государственности с дикими понятиями германца о неограниченных правах личности».

Большинство консерваторов отвергали либеральную точку зрения, требующую от законов соответствия запросам «прогрессивной» («просвещенной») группы, составляющей меньшинство общества. Законодатель и правоприменитель должны опираться лишь на те правовые идеи, которые соответствуют национальному правосознанию. Только тогда право будет способно солидаризовать общественные представления о ценностях и антиценностях.

Фактически, уже славянофилы пришли к выводу о том, что идея права, взятая в ее высшем значении, несовместима с обществом, основанным «единственно на личной пользе, огражденной договором». «Личная польза», по А.С. Хомякову, «как бы себя не ограждала, имеет только значение силы, употребленной с расчетом на барыш». Таким образом, славянофилы сомневались в оправданности употребления самого термина «право» применительно к модели личных прав, господствующей в западноевропейском обществе

Очень сдержанно идеологи русского консерватизма относились к обсуждению проблематики «прав человека». Они отказывались видеть в индивидуе человека вообще, который уже по одной своей принадлежности к «человечеству» должен быть наделен «правами человека» с солидным объемом каждого права и застрахованным от сокращений комплектом этих прав. Консерваторы считали, что субъект права — не абстрактное физическое лицо, но человек с вполне определенной национальной и корпоративной принадлежностью, поэтому всякая конструкция личных определяется реальной общностью, в которую индивид интегрирован. Единство же «человечества» как некоего целого консерваторам

представлялось эфемерным, ибо человечество не образует и не может образовать солидарной группы, не представляет — в мировом масштабе — аналог корпоративной или государственной общности. Вследствие чего у «человечества» отсутствуют имеющиеся у корпорации или государства правомочия устанавливать своим членам права и обязанности.

К парламентаризму консерваторы также относились весьма критически. К.П. Победоносцев указывал на то, что абсурдно превращать философские категории («свобода», «равенство», «братство») в юридические права, устанавливаемые государством. Он объявил парламентаризм «великой ложью нашего времени». И хотя теория парламентаризма вполне стройная, но это лишь видимость, на практике же парламентаризм, по его мнению, приводит к сугубо негативным последствиям. «Если бы потребовалось истинное определение парламента, — писал К.П. Победоносцев, — надлежало бы сказать, что парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей».

Различные течения консерватизма по-разному представляли себе тот объект, который лежит в основании национальной правовой культуры. «У славянофилов, — пишет А.С. Карцов, — это «народность» и церковь, у М.Н. Каткова — государство, у К.П. Победоносцева — государство и отчасти церковь, у К.Н. Леонтьева — строго сословная организация общества и произросшая на этой почве аристократическая культура...».

Итак, воспринимая правопорядок, как одну из подсистем целостного общественно-государственного порядка, консерватизм ревностно следит за тем, чтобы правопорядок опирался на традицию. Именно в ней консерваторы видели не только одну из форм правового регулирования (обычай), но и механизм регулирования самой правовой системы. Если любая традиция так или иначе обеспечивает целостность культуры, то состоящая из обычаев правовая традиция скрепляет воедино правовую культуру нации.

Обычно в философской и научной литературе консервативная идеология отождествляется с «реакцией» и «контрреволюцией»,

однако поздние идеологи течения настаивают именно на идее «консервативной революции», причем в данном сочетании это слово утрачивает свое прежнее значение насильственного ниспровержения законно установленного порядка и подразумевает действие, направленное на устранение хаоса, пришедшего на смену некогда бывшему порядку, и на восстановление нормальных условий. «Причудливая судьба слов: — писал Ю. Эвола, — «революция» в своем изначальном этимологическом смысле и не означает ничего иного; она происходит от *re-volvere*, субстантива, который выражает движение, возвращающее к собственному истоку, к отправной точке. Поэтому для победы над современным миром именно из истоков следует черпать «революционную» и обновляющую силу».

Консервативная идеология в настоящее время вполне актуальна, а разочарование современного человека в либерализме и марксизме только усиливает притягательность консервативного взгляда на мир. Разумеется в своей исторической форме правовая идеология консерватизма не может быть воспринята полностью. Актуальность правовой концепции консерваторов сегодня видится в том вкладе, который она может внести в создание цивилизационно-проективного взгляда на право, государство, развитие общества в целом.

Непонимание цивилизационных особенностей развития России, идеализация западноевропейских политико-правовых институтов приводит ко многим странностям российского нигилизма. Фундаментальная проблема заключается в том, что Россия очень часто стремится построить правовую культуру, которая противоречит цивилизационным основаниям ее существования. В частности, российская государственность и правовая традиция реальны в том смысле, что имеют свои исторические особенности сравнительно с западноевропейской политико-правовой и культурной традицией.

Традиционная для русской философии полемика славянофилов и западников в настоящее время претерпела существенные изменения. Если прежде речь шла лишь о самоопределении России по отношению к Западу как

к лидеру мирового развития (западники однозначно принимали в полном объеме, славянофилы требовали признания «особого пути»), то в настоящее время речь должна идти уже не об «особенностях», а о поиске полноценной метафизической альтернативы западному универсализму. Эта альтернатива во многом определяется цивилизационной парадигмой понимания специфики политико-правового развития России. Разумеется, не все в учениях консерваторов можно принимать на веру. Да это и не нужно. Однако одна важнейшая идея получила определенное освещение в их трудах — идея цивилизационного суверенитета России.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 265.
2. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С.108.
3. Там же. С. 27—28.
4. Там же. С. 10.
5. Там же. С. 107.
6. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 293.
7. Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности // Традиция и русская цивилизация. М., 2006. С. 203—204.
8. Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // О старом и новом. М., 1988. С. 92.
9. Там же.
10. Победоносцев В.К. Великая ложь нашего времени // Традиция и русская цивилизация. М., 2006. С. 260.
11. Там же. С. 263.
12. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999. С.22.
13. Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 10—12.
14. Эвола Ю. Люди и руины. М., 2007. С. 5.
15. Бельский В.Ю. К.Д. Ушинский об общем и особенном в национальных системах воспитания и проблемы формирования современной стратегии философии образования 2018. № 4. С. 8—11.
16. Лепехин В.А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 116—123.

National Security of Modern Russia: Official Ideas, Regulations, Assessments

Национальная безопасность современной России: официальные идеи, положения, оценки

Aleksandr Ilitch Satsuta,

professor of the department of the Sociology and Politology
of the Russian MIA Moscow University named after
V.Ya. Kikotya, candidate of philosophy, professor
E-mail: al. satsuta@mail.ru

Александр Ильич Сацута,

профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя, кандидат философских наук, профессор
E-mail: al. satsuta@mail.ru

Для цитирования. А.И. Сацута. Национальная безопасность современной России: официальные идеи, положения, оценки. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 114—118.

Annotation. On the basis of modern political, legal and regulatory documents of the Russian state, official conceptual, theoretical, political and practical ideas and provisions on the national security of Russia and its provision in their transformation and development since the end of the 20th century are revealed. The main characteristics and parameters of the national security of the Russian Federation as phenomena described in the documents of the Russian state are highlighted.

Key words: political, legal and regulatory documents of the Russian state; national security of modern Russia; conceptual and categorical apparatus, ideas and provisions of political, legal and regulatory documents of the state

Аннотация. На основе современных политико-правовых и нормативных документов российского государства раскрываются официальные концептуально-теоретические и политико-практические идеи и положения о национальной безопасности России и ее обеспечении в их трансформации и развитии с конца XX в. Выделяются основные характеристики и параметры национальной безопасности Российской Федерации как явления, изложенные в документах российского государства.

Ключевые слова: политико-правовые и нормативные документы российского государства; национальная безопасность современной России; понятийно-категориальный аппарат, идеи и положения политико-правовых и нормативных документов государства

Проблеме национальной безопасности в конце XX — начале XXI века в российском обществе уделяется значительное внимание. Национальная безопасность является востребованным объектом исследований отечественных ученых — представителей различных отраслей науки, важнейшей темой публикаций, научных симпозиумов, конференций, круглых столов и других публичных мероприятий. Как сложный и многогранный феномен национальная безопасность изучается, анализируется и обсуждается на основе широкого диапазона теоретико-методологических подходов и конкретно-практических позиций, позволяющих выделять и рассматривать в различных контекстах ее комплексные характеристики и системные параметры как широкого социального явления, так и конкретные характеристики и по-

казатели национальной безопасности современной России, проблемы ее обеспечения [1].

Теоретические и политико-практические проблемы национальной безопасности Российской Федерации и ее обеспечения, с 90-х годов прошлого века, в различных понятийно-смысловых и содержательных контекстах подробно раскрываются в официальных государственных политико-правовых и нормативных документах. Сформулированные в них идеи, положения и нормы о национальной безопасности России являются ориентиром для экспертных оценок реального состояния безопасности страны и ее дальнейших научных исследований, деятельности институтов государственной власти, органов местного самоуправления и структур гражданского общества по обеспечению национальной безо-

пасности Российской Федерации, реализации ее национальных интересов.

Национальная безопасность как явление, ее теоретические и прикладные характеристики в современных государственных документах Российской Федерации, как и в отечественных научных исследованиях, раскрываются и объясняются на основе подходов, сложившихся в зарубежной науке. И прежде всего исходя из того, что в общеполитическом смысле в западном, англосаксонском лексиконе понятие «народ», как население страны, отождествляется с понятием «нация» (лат. *насіо* — народ) и эти понятия употребляются как синонимы. Такой подход применен уже в 1992 г. в Федеральном законе «О безопасности», в котором безопасность России характеризуется как безопасность всей страны, комплексное социальное явление, а ее обеспечение — как функциональная система [2, с. 465—470]. Само же понятие «национальная безопасность» применительно к России в отечественных официальных документах впервые использовано в 1995 г. в Федеральном законе Российской Федерации «Об информации, информатизации и защите информации» [3, с. 1214].

Современные официальные взгляды на национальную безопасность и ее обеспечении изложены в Послании о национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 13 июня 1996 г., Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. и ее новой редакции 2000 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, в принятом в 2010 г. Федеральном законе «О безопасности», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2015 г.) и многих других государственных политико-правовых и нормативных документах. И несмотря на то, что содержащиеся в них формулировки понятий, отражающих различные аспекты национальной безопасности как явления, идеи, положения и нормы отдельных документов и их смысловая интерпретация нередко не совпадают, не всегда взаимосвязаны между собой и последовательно развиваются, можно констатировать, что в настоящее время в Российской Федерации на официальном уровне разработаны и сформулированы важнейшие теоретико-политические и нормативные трак-

товки, оценки и характеристики национальной безопасности России и ее обеспечения.

Прежде всего относительно сложилось и утвердилось официальное определение понятия «национальная безопасность Российской Федерации». Сегодня национальная безопасность Российской Федерации определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [5, с. 4]. Исходя из этого определения к основным объектам национальной безопасности России отнесены личность, общество и государство.

Смысл, предназначение и приоритеты национальной безопасности России и проблемы ее обеспечения в государственных документах раскрываются в единстве и взаимосвязи с характеристикой национальных интересов страны как объективно-субъективного образования и их содержанием. Национальные интересы Российской Федерации это — «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития» [5, с.4]. Как в конце XX, так и в начале XXI века национальные интересы России принципиально с точки зрения их природы и смысла интерпретируются как совокупность жизненно важных интересов личности, общества и государства, а по своему содержанию они коррелируются с универсальными общечеловеческими потребностями и ценностями в самосохранении, выживании и развитии.

Конкретное содержание национальных интересов в отечественных политико-правовых и нормативных документах раскрывается в самой различной постановке: интересы страны в целом; интересы в отдельных сферах общественной жизни; интересы в определенный конкретно-исторический период, в сложившейся внутри-внешнеполитической ситуации. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г., к национальным интересам России на долгосрочную перспективу отнесены:

укрепление обороны страны, обеспечение неизблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Официально, на государственном уровне, дано определение понятия «угроза национальной безопасности Российской Федерации», раскрываются опасности и угрозы национальной безопасности и национальным интересам современной России. Угроза национальной безопасности Российской Федерации — это «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам» [5, с. 4]. Совокупность и характеристики опасностей и угроз национальной безопасности современной России в отечественных политико-правовых и нормативных документах конца XX — начала XXI века, в зависимости от конкретно-исторической внутренней и внешней обстановки, целей и приоритетов развития страны, внутренней и внешней политики российского государства, что вполне справедливо, постоянно уточняются и корректируются.

Перечень основных современных угроз национальной безопасности России и их источников содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Их выделение и классификация осуществляются в документе на основе стратегических национальных приоритетов России: оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и

образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рационального природопользования; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство. Опасности и угрозы национальным интересам России в отдельных сферах общественной жизни и человеческой жизнедеятельности раскрываются в Военной доктрине Российской Федерации, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, Концепции внешней политики Российской Федерации, Морской доктрине Российской Федерации, Экологической доктрине Российской Федерации, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации и других документах.

В документах российского государства с конца 90-х годов прошлого века последовательно проводится идея о том, что состояние и обеспечение национальной безопасности России тесно взаимосвязаны со стабильностью и устойчивостью развития российского общества. Так, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года подчеркивалось то, что, наряду с обеспечением национальной безопасности, достижением ее основных приоритетов — национальной обороны, государственной и общественной безопасности, Российская Федерация сосредоточивает свои усилия и ресурсы на приоритетах устойчивого развития страны [4, с. 6420]. О прямой зависимости состояния национальной безопасности от реализации стратегических национальных приоритетов указывается и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2015 году [5, с. 9]. Взаимозависимость и взаимосвязь национальной безопасности и национальных проектов (12 направлений) развития страны отражены в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024» года № 204 от 07 мая 2018 года.

В государственных политико-правовых и нормативных документах национальная безопасность России характеризуется как системное образование, представляющее собой совокупность находящихся во взаимосвязи и взаимодействии между собой ее разновидно-

стей, уровней и элементов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [5, с. 4]. Официально в документах конца прошлого и начала нынешнего века выделяются и другие разновидности национальной безопасности Российской Федерации, такие как внешняя национальная безопасность, представленная глобальным и региональным уровнями, и внутренняя национальная безопасность, уровнями которой являются федеральный, региональный и муниципальный. В политико-правовых и нормативных документах к элементам национальной безопасности России в различных контекстах также относятся социальная, политическая, духовная, демографическая, продовольственная, военная и другие виды безопасности, выделяемые в соответствии со сферами общественной жизни и содержанием общественных отношений.

Разновидности и уровни национальной безопасности Российской Федерации рассматриваются и оцениваются в официальных документах российского государства в самых различных ракурсах. Это связано с тем, что они отражают и характеризуют определенное состояние защищенности интересов объектов безопасности — личности, общества и государства от реальных и потенциальных опасностей и угроз в той или иной сфере или на том или ином уровне социальных отношений, а также условия и возможности для реализации их интересов. Разновидности и уровни национальной России представлены как структурированная и иерархичная система, в которой каждый компонент является ее необходимой частью и выполняет в ней определенную функциональную роль. Отдельным разновидностям, уровням и элементам национальной безопасности современной России в конкретных общественно-исторических условиях, в той или иной ситуации, по объективным, а иногда и по субъективным причинам, отводится приоритетная роль.

Стержневыми положениями политико-правовых и нормативных документов российского государства по проблемам национальной безопасности являются положения о сути и системе обеспечения национальной безопасности страны. «Обеспечение национальной безопасности, — указывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации — реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов» [5, с.4]. Обеспечение национальной безопасности достигается функционированием и развитием системы обеспечения национальной безопасности, которая представляет «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов» [5, с. 5]. Особая роль в системе обеспечения национальной безопасности отводится силам и средствам. Силы обеспечения национальной безопасности составляют Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также органы государственной власти и органы местного самоуправления, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности на основе российского законодательства. Средствами обеспечения национальной безопасности являются технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые для обеспечения национальной безопасности.

В политико-правовых и нормативных документах российского государства сформулированы и изложены концептуально-доктринальные положения о политике национальной безопасности Российской Федерации. Согласно им, политика национальной безопасности — это деятельность Российского государства, других субъектов политики по сохранению, совершенствованию и оптимизации системы

национальной безопасности страны, обеспечению и реализации ее национальных интересов. В качестве главной цели политики национальной безопасности современной России определяется формирование и поддержание необходимого уровня защищенности объектов безопасности, создание такого внутреннего положения в стране и внешней обстановки, которые способствуют развитию личности, общества и государства, реализации национальных интересов страны, исключает опасность ослабления роли и значения Российской Федерации как субъекта международных отношений и мировой политики. Общие направления и задачи политики национальной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации раскрываются в контексте стратегических национальных приоритетов. В стратегиях, концепциях и доктринах по проблемам национальной безопасности и ее обеспечения в отдельных сферах общественной жизни и областях человеческой жизнедеятельности выделяются конкретные задачи политики национальной безопасности в развитии ее общих направлений и приоритетов.

В современных отечественных политико-правовых и нормативных документах российского государства достаточно полно представлен понятийно-категориальный аппарат по проблеме национальной безопасности, раскрыты характеристики и параметры национальной безопасности России и актуальные практические проблемы ее обеспечения. Но вместе с тем, отдельные положения и идеи документов не являются бесспорными и законченными, нуждаются в уточнении, дополнении и корректировке. Так, в государственных документах особое внимание уделяется государственной безопасности, в соотношении с безопасностью личности и общества ей отдается приоритет. В обеспечении национальной безопасности, что правомерно, доминирующая роль отводится государству, но при этом крайне занижена, практически декоративной представляется роль других субъектов этого процесса и особенно институтов гражданского общества. Нередко с учетом предпочтений российской политической элиты смещаются акценты в оценке существующих опасностей и угроз национальной безопасности страны, их содержания и характера. С позиций политической целесообразности

смягчаются и игнорируются некоторые внутренние источники опасностей и угроз национальным интересам. Отсутствует оценка возможностей использования потенциала сотрудничества России с государствами ближнего зарубежья в обеспечении региональной и национальной безопасности в рамках ОДКБ, ЕАЭС.

Национальная безопасность России в современном динамичном, быстротечном, крайне противоречивом и непредсказуемом мире постоянно изменяющееся конкретное социальное явление. Официальная оценка и постоянный мониторинг ее состояния, регулярное уточнение и развитие в государственных документах концептуально-теоретических понятий о национальной безопасности как явления, положений и норм об обеспечении национальной безопасности страны являются объективной необходимостью и важнейшим условием сохранения независимости, суверенитета и целостности Российской Федерации.

Список литературы

1. Баранов П.П. Основы национальной безопасности: учебное пособие. 2-ое изд. М.: Инфра-М, 2017; Зеленков М.Ю. Основы теории национальной безопасности: учебник для студентов вузов. Изд. стереотип. М.: Юнити Дана, 2018; Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для студентов вузов. М.: Юрайт, 2018; Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Под ред. А.П. Кречетова, А.В. Опалева. М.: Юнити Дана, 2016; Сацута А.И. Генезис и эволюция теории национальной безопасности и ее современное состояние // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 1. и др.
2. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
3. О безопасности: федеральный закон Российской Федерации // Сборник законов Российской Федерации. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
4. Об информации, информатизации и защите информации: федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 1995. № 8.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 2009. № 20.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. М.: Проспект, 2016.

A Multi-Polar World and Globalization

Многополярный мир и глобализация

Dmitry Georgievitch Lotchakov,
docent of the Department of Sociology and Political Science
at the Moscow University of Russian Ministry of Internal Affairs
named after V.J. Kikot, PhD in Philosophy, docent
E-mail: office@unity-dana.ru

Дмитрий Георгиевич Лощаков,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования. Д.Г. Лощаков. Многополярный мир и глобализация. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 119—123.

Annotation. The article analyzes the problems and the prospects for the development of the current geopolitical situation in connection with the strengthening of centrifugal tendencies in international relations.

Key words: multipolar world, unipolar world, globalization, integration, modernization, disintegration, marginalization, new world order

Аннотация. В статье анализируются проблемы и перспективы развития современной геополитической ситуации в связи с усилением центробежных тенденций в международных отношениях.

Ключевые слова: многополярный мир, однополярный мир, глобализация, интеграция, модернизация, дезинтеграция, маргинализация, новый мировой порядок

Современный мир переживает сложную, насыщенную дезинтегративными тенденциями и весьма непредсказуемую по своим возможным последствиям стадию развития. Распад СССР ознаменовал собой крушение прежней двухполярной модели миропорядка, которая на протяжении нескольких послевоенных десятилетий обеспечивала относительную стабильность международных отношений, удерживая сильных мира сего от спонтанных роковых решений. Однако крушение двухполярного мира не привело автоматически к установлению единого миропорядка по западному образцу. Эйфория, существовавшая на Западе в связи с распадом восточного блока, длилась недолго и быстро сменилась озабоченностью в отношении прочности собственных позиций. И дело здесь не только в угрозе со стороны подрастающих конкурентов на евроазиатском континенте: процессы дестабилизации и дезинтеграции охватили и сам западный мир, — мы наглядно это видим как на примере Евросоюза, так и самих США, какими бы идеологическими аргументами они не прикрывались.

Прежде благополучная Европа демонстрирует в последние годы целый букет дезин-

тегративных тенденций. Здесь и выход Великобритании из Евросоюза, и усиливающиеся разногласия внутри европейского сообщества в связи с вхождением в него новых членов, и резко обострившиеся отношения ведущих европейских стран с США, и радикализация значительной части коренного населения Европы, и рост экстремизма, захвативший практически весь европейский континент.

При всех различиях социальных условий в разных странах рост экстремизма всегда происходит на фоне утраты обществом своего политического, социального и культурного единства, целостности, идентичности. Везде, где имеют место социальные, политические, этнические, религиозные и т.п. конфликты, вызывающие у людей чувства взаимной неприязни, озлобленности и враждебности, складывается социальная почва для различного рода экстремистских проявлений.

Рост экстремизма в странах Западной Европы стал закономерным следствием развития этого региона в послевоенный период его новейшей истории, совокупным результатом действия нескольких взаимосвязанных тенденций. В их числе: быстрый рост уровня жизни населения европейских стран с одно-

временным увеличением его разрыва с уровнем жизни населения бывших метрополий и колоний; массовая миграция иностранной рабочей силы из бывших колоний в развитые страны западной Европы; нарастание фрагментации и разорванности культуры и образа жизни населения европейских стран в связи с их вступлением в постмодернистскую стадию индустриального развития; «этническое возрождение», которое начиная с 1960-х гг. прокатилось по всем странам западного мира.

Под влиянием названных тенденций произошло постепенное размывание и маргинализация социальной структуры европейских индустриально развитых стран. Потоки беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, которые, не без участия европейских стран, подверглись насильственному разрушению своих традиционных политических структур, стали апогеем названных процессов. В результате вместо стабильной и благополучной Европы мы получили многоцветный, но утративший свою социальную и культурную целостность мир, состоящий из разнородных и во многом не сочетаемых друг с другом культурных и социальных фрагментов. Социальную базу экстремизма в странах Европы образуют прежде всего *иноэтнические* и *инокультурные* слои населения, не сумевшие или не желающие интегрироваться в систему европейских ценностей, а также та радикальная часть коренного населения, которая им противостоит.

Политическая система европейских стран на данный момент не в состоянии поставить под контроль изменившуюся социальную реальность и продолжает по инерции транслировать теряющие популярность идеи абстрактного гуманизма и толерантности.

Сегодня вряд ли кто отважится на однозначные прогнозы относительно будущей модели международных отношений, которая придет на смену их нынешнему переходному состоянию, однако одно не вызывает сомнений — современный мир движется в сторону разрушения прежних геополитических структур, которые в недалеком прошлом поддерживали его относительную стабильность, и этот мир становится все более непредсказуемым и опасным по мере усиления в нем центробежных тенденций.

Проблема места России в современном мире активно обсуждается в научной и пуб-

лицистической литературе, средствах массовой информации. Участники этих обсуждений в подавляющем большинстве случаев положительно оценивают крушение прежнего миропорядка и движение в сторону многополярного мира, в рамках которого, по их мнению, Россия и подобные ей страны только и смогут обрести свободу самовыражения. Мировой порядок основанный на безусловном *приоритете национальных интересов* представляется как некая самоочевидная ценность и единственная альтернатива любой другой модели мироустройства, в особенности глобализации, которая рассматривается как некий геополитический рудимент уходящей эпохи.

Слабым местом такой позиции является абсолютизация сиюминутных, тактических *выгод* многополярного мира, при котором, как представляется ее сторонникам, Россия и подобные ей страны смогут освободиться от диктата и дискриминации со стороны западного сообщества. Однако в перспективе, в стратегическом плане миропорядок, основанный на приоритете национальных интересов, несет в себе гораздо больше рисков даже в сравнении с современным состоянием международных отношений. При всех сложностях сегодняшнего дня тенденции интеграции, глобализации стран и народов несут в себе значительно больший потенциал геополитических возможностей и являются более предпочтительной альтернативой многополярному миру, ориентированному на приоритет национальных интересов.

Зародившись первоначально как явление чисто экономическое (развитие международной торговли, международного разделения труда), глобализация со временем превратилась в процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, который, с одной стороны, сопровождается стандартизацией и унификацией технологических и производственных процессов, систем управления, и законодательства, образования и культуры в целом в национально-государственных рамках, а с другой — появлением транснациональных образований, которые начинают диктовать свои правила игры в политической, экономической и культурной сферах.

Преимущества и возможности глобализации очевидны, но также очевидно и то, что максимальную пользу из этих преимуществ

извлекают сегодня те страны, которые первыми прошли процесс модернизации, то есть перешли от общества традиционного к современному индустриальному. Страны не успевшие завершить модернизацию к началу интенсивных глобализационных процессов вовлекаются в общий поток интеграции на условиях узкой специализации (в качестве рынков сбыта, дешевой рабочей силы или источников природных ресурсов), часто в ущерб их общему экономическому и социальному развитию. Последнее касается не только стран Азии, Африки и Латинской Америки с колониальным прошлым, но и гораздо более развитых стран бывшего восточно-европейского блока (включая страны Балтии), вошедших в состав Евросоюза после распада двухполярного мира.

Большинство проблем, которые сопутствуют глобализации, связаны с тем обстоятельством, что в ее орбиту вовлекаются страны стоящие на очень разных ступенях исторического развития. Страны с незавершенной модернизацией по сравнению со странами развитыми оказываются в положении гораздо менее выгодном. С одной стороны, недостаточный уровень развития производственных фондов, социальной инфраструктуры, уровня жизни и профессиональной подготовки населения не позволяет им в полной мере использовать возможности современных знаний и технологий, а с другой — сам доступ к этим знаниям и технологиям обусловлен целым рядом требований со стороны стран развитых, которые в силу исторических причин заняли места ведущих агентов глобализационных процессов.

Вполне естественно, что западно-ориентированная модель однополярного мира не устраивает страны второго и третьего эшелона и многие из них объединяются в альтернативные западному миру блоки и союзы, пытаются найти иные пути и источники для своего развития. Поиски такой альтернативы начались в конце прошлого века, после распада СССР на фоне снижения остроты противостояния Востока и Запада. В тот период в научных и политических кругах широко обсуждался вопрос о возможности построения *нового мирового порядка*, построенного не на господстве и подчинении или противостоянии супердержав, а на взаимном балансе их интересов. Показательно, что ни в одном из предложенных вариантов нового мирового порядка не удалось

реализовать равноправные отношения стран и народов. Все они, так или иначе, были основаны на *вынужденном* принятии условий более сильных оппонентов, будь то *добровольное признание доминирования одной сверхдержавы* в обмен на гарантию государственного суверенитета; либо *раздел мира на зоны влияния между несколькими супердержавами*, либо добровольное подчинение некоему *мировому правительству*, имеющему в своем распоряжении наднациональные силовые структуры. И главным камнем преткновения на пути построения нового мирового порядка выступает разный уровень социально-экономического развития стран и народов и вытекающие отсюда отношения зависимости и подчинения.

Современные международные отношения являются полем борьбы между индустриально-развитым Западом и странами второго и третьего эшелона за возможности использования преимуществ интеграционных процессов в интересах национального развития. Вопрос установления *справедливого международного разделения труда* упирается в нежелание Запада делиться своими историческими преимуществами в сфере высоких технологий. Однако противоречия внутри западного мира, с одной стороны, и возрастающий потенциал стран, прежде всего, евроазиатского региона, — с другой, — приводят к тому, что главный вектор этого противостояния постепенно смещается в сторону многополярности, которая, однако, сама является лишь промежуточным звеном на пути становления нового мирового порядка.

Мировое сообщество уже проходило стадию многополярного мира в 17—19 вв., которые были отмечены непрерывными войнами за раздел и передел сфер влияния. Разумеется, современный мир представляет собой гораздо более взаимосвязанное геополитическое образование в сравнении с историческим периодом 17—19 вв. Международное разделение труда, новые высокоскоростные средства транспорта и телекоммуникации, миграционные процессы связали многие страны и регионы и создают разнообразные возможности для лучшего взаимопонимания и развития сотрудничества, однако одновременно возрастают и масштабы возможных негативных последствий необдуманных, ошибочных или злонамеренных действий отдельных групп лиц, не говоря уже о действиях целых госу-

дарств. Число локальных конфликтов в современном мире возросло многократно, а риски их перерастания в конфликты глобального масштаба стали на порядки выше, чем прежде. Ситуации вокруг Северной Кореи, Сирии, Ирана, Израиля, Украины являются локальными, но при этом каждая из них содержит в себе потенциальные угрозы глобального масштаба.

Может ли современная геополитическая ситуация дать импульс к формированию нового, основанного на равноправном сотрудничестве миропорядка? Если не идеализировать реальные интересы политических игроков и намеренно не закрывать глаза на существующие тенденции в развитии взаимоотношений между ними, то придется признать, что *война всех против всех* является столь же реальной возможностью развития событий в рамках современного многополярного мира, как и сотрудничество!

Хотя линейная модель мировой истории страдает целым рядом недостатков, остается фактом, что многие народы, населяющие нашу планету, живут в разном историческом времени. И даже, если представить ситуацию некоего гипотетического будущего, в котором *коллективный Запад*, доминирующий в современном мире, вдруг превратится в рядового геополитического игрока, — это ни коим образом не снимет проблему разрыва уровня социально-экономического развития между странами и регионами, их конкуренции за сферы влияния и ресурсы и вытекающие отсюда отношения зависимости и подчинения.

Глобальные интеграционные процессы вынуждают страны и регионы вступать в отношения зависимости и подчинения с определенными центрами силы, а конкуренция между этими центрами силы ведет к выделению некоего доминирующего игрока, которым становится необходимым интегрирующим звеном международного сообщества. Каким будет этот центр влияния и интеграции? — Очередной супердержавой, диктующей всем остальным свои правила поведения, или выразителем и координатором национальных интересов международного сообщества? На этот вопрос сегодня нет ответа, но ясно одно: *глобализационные процессы неуклонно ведут современный мир в сторону однополярности*, а многополярный мир выступает в процессе этого движения лишь как промежуточное звено.

Сегодня, в научных и журналистских кругах *однополярный мир* обычно упоминается в негативном контексте. Мировой порядок, построенный на основе доминирования одной супердержавы однозначно воспринимается как неравноправный и несправедливый. Такого рода предубеждение объясняется, по-видимому, тем, что *однополярность* естественным образом связывается с тем историческим опытом, который человечество накопило на сегодняшний день. Но если взглянуть в наше прошлое более внимательно, то можно заметить, что человечество еще никогда не жило в условиях однополярного миропорядка.

Все великие империи древности носили региональный, локальный характер и приходили в упадок по мере расширения сферы своего влияния и столкновения с аналогичными имперскими образованиями. Проекты построения однополярного мира в масштабе всей планеты начинают появляться с XIX века, после завершения первой волны промышленной революции, причем, ни один из них на сегодняшний день так и не смог реализовать себя в глобальном масштабе.

В XX веке человечество стало свидетелем взлета и крушения коммунистического и национал-социалистического проектов. В конце XX века был провозглашен исламский проект, главным *достижением* которого, наряду с постепенной «исламизацией» западного мира, стало создание террористического псевдогосударства ИГИЛ. На наших глазах происходит нисходящее движение западно-ориентированного «глобализационного» проекта однополярного мира, который, в отличие от прочих проектов, особенно себя не афишировал, но тем не менее продвинулся на пути своей реализации дальше всех.

Нетрудно заметить, что все прежние и нынешние проекты однополярного мира изначально были построены на некотором внутреннем конфликте, на противопоставлении одной части населения планеты — другой. Коммунистический проект — на противопоставлении «эксплуататоров» и «эксплуатируемых». Национал-социалистический — на установлении господства арийской расы над прочими «неполноценными» народами. Исламский проект — на противопоставлении исламского мира западной христианской цивилизации, войне «верных» против «невер-

ных». Прозападный глобализационный проект — на противопоставлении «закрытого клуба» технологически развитых стран всему остальному миру.

Похоже что именно это обстоятельство, связанное с изначальной внутренней конфликтностью перечисленных проектов, не позволило ни одному из них вырасти до действительно глобальных масштабов. Но существует ли иное основание для построения однополярного мира, которое бы не противопоставляло, а напротив, объединяло все многообразие стран и народов, невзирая на разницу в уровне их развития? Или следует признать, что человечество обречено на вечное господство сильных над слабыми и развитых над неразвитыми?

В условиях современного мира с его нарастающими центробежными тенденциями основой для нового мирового порядка может стать *глобальная угроза существованию человечества*, затрагивающая все страны независимо от уровня их развития и типа культуры. В самом общем виде такой угрозой является гибель человечества в результате разрушения экологической среды его обитания. Более конкретно речь идет о самоуничтожении человечества в результате применения ядерного оружия, об угрозе истощения природных ресурсов, резкого изменения климата, угрозе, исходящей от инородных космических объектов, а также бесконтрольных действий международного терроризма, способного привести человечество к фатальному исходу.

Миропорядок, построенный на такой основе, также будет однополярным, но роль его центра существенно изменится. Последний из центра господства и доминирования, типичного для прежних моделей однополярного мира, превращается в центр координации усилий стран и народов по предотвращению общей угрозы.

В недавнем историческом прошлом угроза самоуничтожения человечества уже оказала свое благотворное влияние на две супердержавы второй половины XX века: *разрядка напряженности* 1970-х гг. стала не столько следствием *доброй воли СССР и США*, сколько результатом осознания того факта, что в ядерной войне не будет победителей в силу гибельности ее экологических последствий

для всего человечества. Равным образом обстоят дела и с угрозой, исходящей от современного терроризма, которая спланирует противостоящие ей силы и вызывает к жизни такие разнородные в идеологическом и культурном отношении международные союзы и коалиции, о которых в прошлом веке никто и помыслить не мог.

Идея «объединения человечества на основе его глобального конфликта с окружающей средой» — содержится в концепции «планетарная фаза цивилизации»¹. Она также прорабатывается в рамках исследований Global Scenario Group (GSG)² — независимой международной организации, созданной в 1995 г. для изучения возможных альтернативных сценариев развития событий в будущем. Представители GSG отмечают, что становление такого миропорядка потребует не только перестройки политических и социально-экономических институтов, но и отказа от таких типичных для западного мира жизненных ценностей как индивидуализм, потребительство и господство над природой и перехода к новой системе ценностей: солидарности, социальной справедливости и единства с природой³.

Современный мир в политическом, экономическом и культурном отношении являет собой состояние неустойчивого равновесия, которое способно дать импульс к развитию самых разных, в том числе противоположных сценариев развития событий. Новый миропорядок, основанный на сплочении и солидарности стран и народов перед общей угрозой планетарного масштаба представляет лишь одну из возможных и наиболее оптимистичных линий развития человечества. Не менее вероятными остаются и другие сценарии, связанные с деградацией и социальным вырождением человеческого сообщества.

¹ Концепция, которая описывает переход человечества от периода модерна, основанного на конкурентном взаимодействии суверенных государств, в новую фазу глобальной взаимозависимости и экологических рисков, связывающих страны и народы в единую социально-экологическую систему.

² См. URL: <https://www.gsg.org/index.html>

³ См. Great Transition. The Promise and Lure of the Times Ahead. A report of the Global Scenario Group, 2002, URL: https://www.greattransition.org/documents/Great_Transition.pdf

Effects of Strategic Communication Implementation

Эффекты применения стратегических коммуникаций

Igor Vladimirovich Lyagushkin,
associate Professor of the Department of sociology
and politology of the Ministry of the Interior of Russia
Moscow University named after V.J. Kikot, PhD,
police Colonel
E-mail: ngmarl@mail.ru

Игорь Владимирович Лягушкин,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук,
Московский университет МВД России
(МосУ МВД России) имени В.Я. Кикотя. Москва
E-mail: ngmarl@mail.ru

Для цитирования. И.В. Лягушкин. Эффекты применения стратегических коммуникаций. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 124—127.

Annotation. The paper deals with some effects of the using of strategic communications as a modern form of information warfare as an integral part of the political process; the means of maintaining the resonance caused by the use of information weapons and the involvement of new actors in the conflict are identified

Key words: information war, strategic communications, propaganda, the effect of the rebel by chance, accidental guerilla, «the effect of the Slovakian anthem»

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые эффекты применения стратегических коммуникаций как современной формы ведения информационной войны как составной части политического процесса; выявляются непредусмотренные политическими технологами средства поддержания резонанса, вызванного применением информационного оружия, и вовлечения в конфликт новых субъектов

Ключевые слова: информационная война, стратегические коммуникации, пропаганда, эффект повстанца по воле случая, «эффект словацкого гимна»

Рост российского влияния в Европе и в мире в последнее время сталкивается с серьезным противодействием. Важнейшим направлением данного противодействия оказываются информационные операции. 22 ноября 2016 года Европарламент по инициативе депутата от Польской республики Анны Фотыги утвердил резолюцию о борьбе с пропагандой России и исламских террористических группировок, поставив, таким образом, Россию в один ряд с Фронтом ан-Нусра и аль-Каидой. Ряд европейских депутатов, в том числе представитель Латвии Сандра Калниете, потребовали увеличения в несколько раз финансирования Европейского Центра превосходства в области стратегических коммуникаций в Риге¹.

Центр превосходства в области стратегических коммуникаций (StratComLatvia) в Риге был создан в 2013 году. Официальный представитель НАТО Джеймс Аппатураи заявил на открытии Центра, что главная задача структуры — это исключительно улучшение имиджа североатлантического альянса. Бывший министр обороны Латвии Артис Паб-

рикс, однако, описал цели центра в комментарии новостной службе «Первого Балтийского канала» совсем иначе: «Мы можем сказать так: с коммуникацией и пропагандой возможно выиграть войну без войны. То есть мы должны, скажем так, переубедить людей, чтобы они потеряли свою волю, они не хотели защищаться, они ненавидели свое государство»².

В качестве первого шага в организации и совершенствовании деятельности европейских институциональных структур в сфере информационной политики в октябре 2017 года в Министерстве внутренних дел (!) Чехии было создано специальное подразделение для борьбы с российской пропагандой и иными попытками повлиять извне на общественное мнение в республике. Этому предшествовало заявление официального представителя Службы безопасности и информации Чехии о ведении Россией информационной войны против европейских стран.

Министр внутренних дел Чехии Милан Хованец заявил, что в новом отделе будет занято 20 специалистов. Они будут «бороться

с ложными сведениями, появляющимися в открытых источниках, и добиваться их изъятия из открытого доступа. Также они будут готовить чиновников к противодействию дезинформации. В работе они будут использовать соцсети. «Мы хотим проникнуть в каждый смартфон», — заявил Милан Хованец³.

18 января 2018 года депутаты Европарламента согласовали обращение к Верховному представителю Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Федерике Могерини о совершенствовании деятельности европейских структур в области стратегических коммуникаций. Были выдвинуты требования об увеличении финансирования Центра превосходства в области стратегических коммуникаций в четыре раза.

В практике европейских специалистов в области стратегических коммуникаций помимо сочетания пропаганды, народной дипломатии, связей с общественностью и специальных информационных операций используются также технологии непрямого управления поведением индивида в многосубъектной среде в условиях неоднозначности выбора, разработанные под руководством В.А. Лефевра в США.

Преставление о результатах применения таких технологий возможно получить в результате просмотра фильма Дэвида Финчера «Игра» 1997 года. Явные следы использования данных технологий прослеживаются в деятельности сетевых сообществ, организованных с целью побуждения молодых людей к самоубийствам.

Научным сообществом России стратегические коммуникации как новая форма информационных войн не первый год рассматриваются в качестве предмета научного исследования⁴. Однако осознание обществом данной проблемы находится на недостаточном уровне. По данным практически всех социологических опросов, состояние международных отношений, место и роль России в мировой политике и деятельность субъектов мировой политики на внутренней российской арене интересует не более 12—15% опрошенных. Более того, даже интересующихся данной проблемой граждан Российской Федерации нельзя считать активными участниками политических процессов.

В российском обществе господствует благодушное и снисходительно-доброжелательное отношение к странам Евросоюза, уровень

вмешательства иностранных субъектов политического процесса во внутренние дела России не осознается. Министерство иностранных дел России в данном вопросе занимает взвешенную позицию: «Ужесточение требований к СМИ и журналистике в странах Запада, а также претензии к российским журналистам со стороны этих стран говорят о том, что Россия не проигрывает информационную войну», заявила в интервью телеканалу НТВ глава департамента информации и печати МИД России Мария Захарова⁵.

В этой связи представляется интересным исследование журналистов британского журнала «Wired»⁶. Специалисты британских медиа посетили недавно созданное соединение британской Королевской Армии. «Оружие 77-й бригады британской армии — мемы, вирусные видео и миллионы фейковых аккаунтов в соцсетях, с помощью которых они продвигают нужные Лондону вбросы среди ничего не подозревающих жертв британской информационной войны.

Журналист (который на самом деле не журналист, а сотрудник НКО, занимающийся исследованиями в сфере информационных войн) не скрывает списка приоритетных регионов, в которых работают британские специалисты по информационной войне: Россия, Китай, Великобритания, Аргентина, Иран, Ближний Восток, КНДР. Конечно, утверждается, что вся деятельность британских военных сконцентрирована на защите от информационной агрессии противников (прежде всего России). Но рядом сообщается, что британские «инфобригады» работают прицельно на группы населения в России (а также Китае, Иране и далее)⁷.

Подбор и определение целевых аудиторий британскими бойцами информационного фронта не оставляет сомнений в том, что практически все население Великобритании в той или иной степени подвергается как воздействию официальной антироссийской пропаганды, так и воздействию информационного оружия. Хакерская группа Anonymous опубликовала документы, которые она называет британским проектом по противодействию пропаганды и гибридной войне со стороны России.

Проект называется Integrity Initiative. По сведениям хакеров, он представляет собой масштабную информационную секретную организацию Великобритании. В проекте участвуют

группы политиков, военных и журналистов, которые борются с «российским влиянием», а управляет их работой аналитический центр в Лондоне. Участники проекта посещают семинары, брифинги и другие мероприятия по противодействию российской дезинформации.

Отделения организации, как указывает хакерская группа, находятся в Германии, Франции, Италии, Испании, Нидерландах, Сербии, Литве, Норвегии и Греции. В будущем их планируют открыть в другие страны Европы, Канаде и США.

По информации хакеров, проект финансирует правительство Великобритании. Согласно опубликованным документам, расходы организации на 2018—2019 финансовый год составят 1,9 миллиона фунтов.

На сайте Integrity Initiative говорится, что проект представляет собой «сеть людей и организаций по всей Европы», которые занимаются борьбой с пропагандой и дезинформацией. Деятельность проекта координируется из Великобритании, но он не является государственным органом, отмечается на сайте.⁸

Таким образом, в Европе создана и активно используется тщательно продуманная структура, направленная на ведение и обеспечение информационного противоборства с Россией.

Ярким примером применения стратегических коммуникаций стала кампания, проведенная в России в августе-сентябре 2018 года. Она была связана с публикацией Фондом по борьбе с коррупцией разоблачительного материала о коррупции в Федеральной службе войск национальной гвардии.

11 сентября 2018 года генерал армии В.В. Золотов, директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации записал видеообращение, в котором вызвал А.А. Навального на поединок и пообещал сделать из него «хорошую сочную отбивную». Так директор ФСВНГ отреагировал на обнародование данных расследования ФБК от 23 августа о завышенных ценах на продовольствие, закупаемое для личного состава Росгвардии.

8 октября 2018 Алексей Навальный, вышедший после 50-дневного ареста из спецприемника, ответил на видеообращение главы Росгвардии: «Я ваш вызов принимаю, и как полага-

ется, выбираю место и оружие. Наша с вами дуэль состоится в виде дебатов в прямом эфире», — сказал он. Господин Навальный вновь прямо обвинил Виктора Золотова в коррупции.

После этого заявления оппозиционного политика директору ФСВНГ и его специалистам стоило бы задать оппозиционному политику вопрос о том, как он относится к возможности пересмотра итогов приватизации в России в 1990-е годы. После получения ответа о недопустимости пересмотра итогов приватизации со стороны А.А. Навального следовало автоматически переключить на дискуссию внимание других целевых аудиторий и от последующих дебатов уклониться, предоставив другим политикам и технологам «рвать Навального и его концепции на части».

К сожалению, стратегические коммуникации в данной ситуации идеально сработали против российских органов власти. Был применен старый метод политических технологов — работа на контратаке.

Суть данного метода заключается в том, чтобы тщательно изучить личность руководителя или кандидата, а затем, зная его особенности, взломать эмоциональную защиту и вывести его из состояния душевного равновесия. Используя данное состояние, далее следует спровоцировать руководителя или кандидата на активные действия и после этого пускать в ход информационное оружие домашние заготовки — мемы и нарративы. В результате работает следующая схема.

1. Провокация В.В. Золотова на открытый конфликт.

2. В.В. Золотов отвечает. Сработала контрразведка боем — расчет технологов А.А. Навального оказался верным. Объект воздействия «подставился», вызвав Навального на поединок, призвав выбрать вид единоборства.

3. Специалисты в области политических технологий нанесли выверенный ответный удар, «совершили блицкриг», «достав из секретной папочки» заготовки в виде карикатур и видео шуточного формата.

Российский пловец Виктор Солдатов в Facebook вызвал директора Росгвардии на дуэль, предлагая заплыв в бассейне. Так мастер спорта ответил на брошенный силовиком вызов оппозиционеру Алексею Навальному.

Помимо указанных выше, специалисты в области политических технологий в социаль-

ных сетях развернули флешмоб Золотов Челлендж, в рамках которого главу Росгвардии Виктора Золотова вызывают на разнообразные поединки.

4. Неожиданно, к специалистам в области информационных войн присоединились партизаны информационного фронта. Так проявился эффект повстанца по воле случая, accidental guerilla. Резонанс информационной операции оказался сильнее расчетного. В обсуждение и осуждение генерала армии В.В. Золотова включилось значительно большее число участников, нежели предполагали специалисты А.А. Навального. Интуитивно уловив суть мероприятий, обычные читатели и слушатели на ходу освоили навыки партизана информационных войн.

В результате данных мероприятий рейтинг Алексея Навального вырос, а ФСВНГ России показало свою неспособность отразить атаку специалистов в области стратегических коммуникаций. В структуре Главнокомандования Национальной гвардии не оказалось соответствующих специалистов и подразделений.

Возможным оказался и другой эффект, который возможно назвать эффектом словацкого гимна. В гимне Словакии поется о том, что словацкое общество крепко спало, громы и молнии над горами Татрами его будят. Так и специалисты в области стратегических коммуникаций оказались в ситуации, когда вместо неожиданного положительного эффекта партизана по воле случая они могли столкнуться с тем, что разбудили молчащую группу давления, специалисты которой, в свою очередь, могли бы обладать квалификацией специалистов в области информационных войн.

Сама по себе методология стратегических коммуникаций, в отличие от отечественной резонансно-алгоритмической концепции информационной войны не предполагает ни самого возникновения эффекта словацкого гимна, ни средств противодействия возникновению данного эффекта.

Подводя итог, следует заметить, что в настоящее время «каждый пользователь соцсетей в том или ином виде становится участником информационных войн, даже если он на 100% уверен, что никаких информационных войн не существует. В этих условиях бдительность, здравый смысл и хладнокровный патриотизм граждан — это элементы защиты Родины, которые по своей важности вполне могут сравниться с системами ПВО⁹».

Список литературы

1. Данилов Иван. Британия призналась, что ведет медиавойну со всеми гражданами России // <https://ria.ru/analytics/20181121/1533232418.html>

2. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.

3. Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: тезисы междунар. науч. конф. 22—23 ноября 2018 г./ ред. А.С. Савицкая. СПб.: Институт «Высш. шк. журн. и масс. комм.» СПбГУ, 2018. Электронный сборник // <http://jf.spbu.ru/conf-pr/>

4. Хакеры Anonymous рассказали о масштабном проекте Великобритании по борьбе с российской пропагандой // <https://aurora.network/articles/153-geopolitika/63461-khakery-anonymous-rasskazali-o-masshtabnom-proekte-velikobritanii-po-bor-be-s-rossiyskoy-propagandoy>

5. Miller Carl. Inside the British Army's secret information warfare machine. // <https://www.wired.co.uk/article/inside-the-77th-brigade-britains-information-warfare-military>

¹ <https://ru.sputniknews.lv/world/20180118/7080679/Evroparlament-Latvija-potrebovala-10-raz-bolshe-deneg-borbu-rossijskimi-SMI.html>

² Гомзикова Светлана. НАТО уполномочен заявить: Открывшийся в Риге Центр STRATCOM намерен научить нас «ненавидеть свое государство» // <http://svpressa.ru/politic/article/130104/?rpop=1>

³ <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/11/23/666624-evroparlament-rezolyutsiyu>

⁴ Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: тезисы междунар. науч. конф. 22—23 ноября 2018 г./ ред. А.С. Савицкая. СПб.: Институт «Высш. шк. журн. и масс. комм.» СПбГУ, 2018. Электронный сборник // <http://jf.spbu.ru/conf-pr/>

⁵ Гальперин Александр. РИА Новости // <https://ria.ru/mediawars/20181110/1532526029.html>

⁶ Miller Carl. Inside the British Army's secret information warfare machine. // <https://www.wired.co.uk/article/inside-the-77th-brigade-britains-information-warfare-military>

⁷ Данилов Иван. Британия призналась, что ведет медиавойну со всеми гражданами России // <https://ria.ru/analytics/20181121/1533232418.html>

⁸ Хакеры Anonymous рассказали о масштабном проекте Великобритании по борьбе с российской пропагандой // <https://aurora.network/articles/153-geopolitika/63461-khakery-anonymous-rasskazali-o-masshtabnom-proekte-velikobritanii-po-bor-be-s-rossiyskoy-propagandoy>

⁹ Данилов Иван. Британия призналась, что ведет медиавойну со всеми гражданами России. // <https://ria.ru/analytics/20181121/1533232418.html>

Phenomenon of the Transnational State: Illusion or the Formed Reality

Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность

Andrey Nikolaevich Piatakov,
Cand. Sci (Politology), Leading Researcher of Center
of Political Studies, Institute of Latin America of RAS, Moscow
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Андрей Николаевич Пятаков,
канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник
Института Латинской Америки РАН, Москва
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Для цитирования. А.Н.Пятаков. Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 128—134.

Annotation. The article considers the economic and political tendencies connected with the world economy transnational sector's formation and functioning. The author assumes that the nowadays growing transnational corporations' role can't but build certain political and social institutes upon itself. It allows affirm the formation of the transnational state phenomenon, existing «atop» and over the traditional national states» world system. At the same time, the traditional state generic properties are inherent also to the transnational state. The author tries to expose it on a number of concrete examples.

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и политические тенденции, связанные с формированием и функционированием транснационального сектора мировой экономики. Автор полагает, что в настоящее время растущая роль транснациональных корпораций не может не надстраивать над собой определенные политические и социальные институты. Это позволяет говорить о формировании феномена транснационального государства, существующего «поверх» и над традиционной мировой системой национальных государств. При этом родовые свойства традиционного государства присущи и транснациональному государству. На ряде конкретных примеров автор пытается показать это.

Key words: transnational capitalism, transnational corporations (TNC), global contradictions, transnational state and its components

Ключевые слова: транснациональный капитализм, транснациональные корпорации (ТНК), глобальные противоречия, транснациональное государство и его компоненты

Один из базовых императивов, стоящих в нынешнюю эпоху перед общественной наукой, заключается в том, чтобы составить адекватное научное представление о современном обществе. Понятие «общества» следует рассматривать в широком понимании: как синоним человечества, то есть как глобальное общество. Подобная трактовка редко используется в научных исследованиях, но именно она наиболее адекватна анализу современной эпохи.

Безусловно, популярности такого широкого понимания общества мешает тот факт, что человечество внутренне не едино, не есть целостный субъект, поэтому трактовка общества как человечества выглядит преждевременной. Целесообразной она представляется потому, что может выступать инструментом и факто-

ром общественного движения к будущему единству человеческого общества, то есть коммунизму. Расширенное понимание общества представляется принципиальным в процессе положительного определения коммунизма, в рамках которого «стратегическая перспектива человечества не может больше сводиться лишь к отрицанию капитализма» [7, С. 279].

Ключевым теоретическим действием в осмыслении современной эпохи является выделение фундаментальных противоречий современности. Нынешняя эпоха есть сложный комплекс противоречий, в котором можно и нужно выделить базовое противоречие. Сделать это — значит нащупать основной нерв современного общества.

В книге «Логика Истории» выдающийся советский философ-марксист В.А. Вазюлин, описывая противоречивый характер капитализма на монополистической стадии¹, так описал комплекс базовых противоречий современности: «На стадии монополистического капитализма происходит резкое обострение противоречий капитализма. Это вытекает из самой природы капиталистической монополии. Речь идет прежде всего и главным образом о противоречиях между капиталистами и рабочими, между монополиями, между монополистическим и немонополистическим капиталом, между монополиями и слабо развитыми зависимыми странами» [1, С. 317]. В данном фрагменте теоретически зафиксирован спектр общих противоречий, характеризующих капитализм. Это не отменяет того, что в разные циклы динамического развития современного капитализма на передний план выдвигается одно из указанных противоречий, то есть какое-то противоречие становится главенствующим. Попробуем определить, какое же противоречие к концу второго десятилетия XXI века можно рассматривать как ключевое.

Безусловно, глубинным противоречием капитализма является противоречие между трудом и капиталом, выступающее фундаментальным и основополагающим для капитализма в целом. По аналогии с понятиями «класс-для-себя» и «класс-в себе» можно говорить о «противоречии-для-себя» и «противоречии-в-себе». В данный исторический момент противоречие между трудом и капиталом не выступает «противоречием-для-себя» и находится в неактуализированной, латентной форме. Это не означает, что оно перестало определять основной внутренний конфликт капитализма, хотя на «поверхности» это может проявляться как «исчезновение» данного противоречия. Противоположность между трудом и капиталом в настоящее время еще недостаточно созрела и не приобрела характер собственно противоречия — стадии открытого конфликтного взаимодействия противоположностей. В данный момент это противоречие существует как сущностное противоречие-в-себе.

В современных исследованиях популярна точка зрения, будто разграничение на правых и левых потеряло актуальность. Между тем данная дихотомия, начиная еще с Великой Французской революции, есть концептуально-идеологическое отражение противоположности между трудом и капиталом. Объяснить массовый отказ от классового подхода и производных от него концептуальных делений причинами сугубо субъективными было бы упрощением. Объективно за этим кроется латентный характер противоречия между трудом и капиталом. С точки зрения современных политологов это противоречие *уже потеряло* свою актуальность, с нашей — еще *не приобрело* ее.

Итак, в современном глобальном капитализме противоречие между трудом и капиталом остается базовым, но еще не получило адекватного проявления в общественной жизни, не стало противоречием-для-себя. Пока не назрело фронтального столкновения между глобальным трудом и глобальным же капиталом, определяющую роль в динамике современного капитализма играет определенная сторона этого противоречия. Какая? Из диалектики мы знаем, что в каждом противоречии есть ведущая и подчиненная его сторона. Сейчас ведущей стороной данного базового противоречия оказывается сторона капитала, и именно внутри него нужно искать ключевое противоречие эпохи. Когда ведущей стороной станет «глобальный труд», это будет означать вхождение человечества в новую революционную эпоху. Итак, какое противоречие внутри самого капитала оказывается пока непосредственно определяющим и составляет специфику современной эпохи?

Ведущей глобальной тенденцией, опосредующей и выражающей это противоречие, является противостояние между нарастающей транснационализацией мировой экономики и политики с определяющей ролью частного капитала, с одной стороны, и попытками региональной и всемирной консолидации государственно-капиталистических — с другой [8]. Оно имеет ряд конкретно-исторических проявлений. В этой плоскости разворачивает-

ся противостояние между США и Китаем. В частности, КНР создает альтернативные Бреттон-Вудской финансовой системе механизмы. Основанный в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (включает более 80-ти стран), бросает вызов таким глобальным кредитным институтам, как Всемирный банк и МВФ. Инициатива «Нового Шелкового пути» — попытка переформатирования глобальных торговых маршрутов с учетом интересов КНР и создания альтернативы инициативам продвижения транснационального частно-корпоративного капитала. Набирающее силу соперничество между США и КНР свидетельствует, что азиатский гигант становится фактором глобальных «альтернативных» преобразований: БРИКС возник как попытка объединения в мировом масштабе сил государственно-капиталистической ориентации, а переговоры по Тихоокеанскому и Трансатлантическому партнерствам были попыткой глобальной консолидации сил транснационального капитала. Даже в конфликте в Сирии опосредовано столкновение этих тенденций, но уже в военно-политической сфере.

Прежде чем перейти к предмету статьи, целесообразно для обоснования основной теоретической гипотезы на ряде примеров показать масштаб транснационализации. Начнем с количественного аспекта. Обращает на себя внимание экспоненциальный рост числа ТНК: 1939 г. — 30, 1976 г. — 11 тыс. (с 86 тыс. зарубежных филиалов), 1991 г. — 35 тыс. (150 тыс. филиалов), 2000 г. — 63 тыс. (630 тыс. филиалов), 2008 г. — 80 тыс. (810 тыс. филиалов) [18]. К 2013—2014 г. количество ТНК варьируется от 90 до 100 тысяч. Что касается качественного веса, то ТНК обеспечивают 50% промышленного производства в мире и контролируют 70% «торговли» [5]. О вкладе ТНК в глобальную экономику можно судить из следующих фактов. По данным ВБ, мировой ВВП увеличился с 63,19 трлн. долл. (2010) до 69,98 трлн. долл. (2011)[2], т. е., мировая экономика выросла на 10,7%. Какое государство (или группа), обеспечили такой рост, да еще в условиях начавшегося в 2008 г. мирового кризиса? Среднемировой рост ВВП

(213 стран) составил в 2011 г. лишь 3,6%. Откуда такое несоответствие? Ответ находим в докладе UNCTAD: «В 2011 году зарубежные филиалы ТНК обеспечили занятость примерно 69 млн человек, которые генерировали объем продаж в размере 28 трлн долл. и добавленную стоимость в 7 трлн долл., что примерно на 9% больше, чем в 2010 году» [4, С. 7]. Эта сумма, сгенерированная ТНК, и есть разница между мировым ВВП в 2010 и 2011 гг.. Получается, что мировой рост обеспечили 69 млн работников ТНК. Мировая экономика развивается силами 1,5% мирового населения (хотя ассоциировано с ТНК раз в десять больше).

Другой аспект — концентрация транснационального капитала. В начале XXI в. в мировой экономике наблюдался бум слияний и поглощений ТНК (M&A). Волна концентрации транснационального капитала растет из года в год. Если в 2003 г. объем M&A составил 19 млрд долл., то в 2007 г. — уже 124 млрд. Уже в 2011 г. сделок было заключено на 526 млрд долл. (на 53% больше, чем в 2010 г. [26]). Неуклонно растет и количество мегасделок M&A. В 2004 г. был преодолен рубеж в 1500, и после этого показатель уже не снижался. К 2016 г. их число увеличилось до 6607 единиц на сумму в 887 млрд [27]. Налицо последовательный количественный и качественный рост транснационального сектора. Общеизвестен факт о превосходстве ТНК над многими государствами по экономическому масштабу. Чего стоит заявление основателя Facebook после взлета акций: а не купить ли ему Грецию? [6]

Мы имеем дело с новым типом капитализма — транснациональным. Концепция транснационального капитализма (ТК) сменяет прогрессивную в XX в., но недостаточную уже в XXI-м, теорию периферийно-зависимого капитализма. В рамках ТК сохраняется деление мирового капиталистического хозяйства на центр и периферию, отражаемое теорией зависимого развития. Но конкретное содержание этого деления меняется. С точки зрения концепции ТК открывается возможность определить центр и периферию мирового капи-

тализма не географически, а политэкономически. Если раньше структурными элементами как центра, так и периферии системы капитализма были отдельные страны или их группировки, то в условиях ТК роль ведущего субъекта мировой экономики и глобального центра все больше переходит к материнским компаниям ТНК, роль ближней периферии — к зарубежным филиалам тех же корпораций, а роль периферии дальней — к ассоциируемым с ними или зависимым от них формам «мелкого» и «среднего» бизнеса, на деле также монополизированного, но в «превращенных» формах аутсорсинга, «заемного труда», сверхэксплуатации иммигрантов и т.д.

Здесь мы переходим непосредственно к предмету настоящей статьи — феномену транснационального государства (ТГ). Каковы следствия роста экономической мощи ТНК в политическом плане? Современный мир представляется как мозаика национальных государств, как политическая карта мира в масштабе 1:1. Но такое представление уже устарело. Нужно создавать новую — политэкономическую — карту, на которой наряду с территориями государств будут обозначены сферы влияния тех или иных ТНК. Нередко они оказываются в мировой политике важнее, нежели границы государств.

Растущий транснациональный капитал формирует поверх традиционной (в устоявшейся политологической терминологии — «Вестфальской») международной системы новую, отчасти невидимую, политико-экономическую структуру. Мощная транснациональная составляющая мировой экономики не может не генерировать над собой и политическую надстройку. «В 70-е годы прошлого века на роль ведущей силы мирового капитализма начали выдвигаться гигантские ТНК ... Не случайно именно в эти годы создаются транснациональные консультативные органы, такие как ВЭФ, Трехсторонняя комиссия, Римский клуб — первые зачатки политической надстройки над транснациональным же базисом» [21, С. 23].

При описании данной формирующейся политической надстройки часто используют

расплывчатые и в общем некорректные понятия («мировое правительство», «корпоративные элиты»); нередко рассуждают на уровне некой «теории заговора»). В осмыслении данного феномена имеет место гносеологический кризис, проявляющийся в отсутствии адекватного категориального аппарата. Понятия, использующиеся при описании новой реальности, не отражают ее. Это объясняется и субъективными, и объективными причинами. Корпоративный сектор достаточно замкнут и не склонен афишировать информацию о себе. Объективно же мы имеем дело с еще формирующейся реальностью. Еще не вполне оформлены сами институты транснациональной политической надстройки, проявляются лишь отдельные признаки. Другая объективная причина — известная марксизму тенденция к отставанию общественного сознания, в частности научного, от общественного бытия. Поэтому этот феномен остается «невидим» для научного анализа и тем более для обыденного сознания (обоснование познавательной ограниченности последнего см. в трудах [15,16,17,18]). Формируется новая реальность, для познания которой пока нет адекватного аналитического аппарата.

Впрочем, есть более или менее удачные попытки концептуально осознать эту реальность. Например, концепция США как «кластера транснациональных элит», проводимая российским политологом А.И. Фурсовым. В западной и особенно латиноамериканской политологической мысли сейчас активно используется термин «СЕОкратия» (от английского Chief Executive Officer (CEO) — топ-менеджеры крупных ТНК) [24], т.е. «корпоратократия» или «менеджерократия». Входит в моду понятие «deep state» (глубинное государство), но в самой формулировке есть неопределенность, выдвинутый в режиме поиска адекватного термина. Непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике имеет концепция «транснационального капиталистического класса», выдвинутую канадцем Р. Кохом и британцем Л. Склярсом [3, 13]. В российской политологии этот подход последовательно проводится российским уче-

ным А.Б. Рахмановым [9,10,11,12,14]. В концепции акцент делается на субъекте ТК. Мы же предлагаем остановиться на институциональном аспекте, т.е. какие институты формируются в ходе развития ТК.

Наиболее адекватным при описании такой институциональной политической надстройки ТК стал бы термин «транснациональное государство» (ТГ). Он содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, мы говорим о чем-то принципиально новом, но используем при этом «старый» термин «государство». Речь идет, скорее, о парагосударстве (или метагосударстве), но это тонкости, в которые пока вряд ли целесообразно вдаваться. Если же попытаться проанализировать ТГ в рамках классического понятия «государство», то можно выявить его структуру, сходную с традиционной.

В нем можно обнаружить ряд компонентов национального государства: 1) политические структуры, принимающие решения, и исполняющий эти решения собственно бюрократический аппарат; 2) судебная система; 3) социальные институты; 4) военные и полицейские органы принуждения. «Примерить» эти компоненты к феномену ТГ. Функционируют политические институты, которые пока мало изучены из-за закрытости. Сюда можно отнести известный Бильдербергский клуб, ВЭФ, где ежегодно собирается транснациональная элита и порой принимаются решения глобального масштаба. Это центры принятия решений. Аналогом бюрократической машины национального государства выступают полуменеджерские-полубюрократические структуры международных финансово-экономических организаций типа МВФ, ВБ, ВТО, интеграционных объединений, в первую очередь ЕС (получившая печальную известность «брюссельская бюрократия»). Что касается экономической составляющей феномена ТГ, то ее ткань формируют комплексы ТНК (см. выше). Центрами принятия глобальных экономических решений здесь выступают ВБ, МВФ и ВТО. Впрочем, их решения имеют и политический эффект. Например, решение по кредиту той или иной стране, может иметь полити-

ческие следствия (оказать влияние на исход выборов). Поэтому их функциональность не сводится исключительно к экономике, а относится одновременно и к первому типу, т.е. эти институты входят в состав политической бюрократической надстройки ТГ.

Ведущей судебной инстанцией ТГ можно считать Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (ICSID). Он служит ярким примером нарастание в начале XXI в. конфронтации между государствами и ТНК. Исходно ICSID — главная судебная инстанция, созданная при ВБ еще в начале 60-х гг. по решению споров между ТНК и государствами. В первые 30 лет функционирования в нее не было подано ни одного иска (!), ставился вопрос о ее закрытии. Но потом что-то произошло. В период с 1987 по 1999 гг. в ICSID было подано 38 исков. Между 2000 и 2012 гг. — 480!!! [22] Сейчас организация процветает, причем большинство исков решается в пользу ТНК.

При описании социальных институтов ТГ мы вступаем в поле относительной невидимости. Транснациональные элиты создают свою жилищную инфраструктуру, сектор социального обеспечения, стандарты потребления и т.п. (ряд аспектов исследован в трудах А.Б. Рахманова). Приведем пример на латиноамериканском опыте. После госпереворота в Гондурасе в 2009 г. крупные ТНК стали скупать земли с целью создания урбанистических проектов под названием «модульные города» [24], своего рода «урбанистические латифундии или анклавов XXI века». Суть сводилась к тому, что на огромных территориях строились полностью автономные фешенебельные городские комплексы, предназначенные для проживания топ-менеджеров не только местной, но и мировой корпоративной элиты. При этом города обладали как инфраструктурной, так и юридическо-правовой автономностью (планировалось, что на территории городов будет иметь силу свое уголовное и гражданское право, отличное от национальных юридических норм страны пребывания). Правовой порядок в транснациональных анклавах должен был обеспечиваться частной охраной

и частной полицией. Эти анклавов формировались в режиме «государства в государстве». В 2010—2012 гг. имелась информация о начале строительства «модульных городов». Завершен ли проект на настоящий момент — вопрос открытый, т.к. информация о нем исчезла. Логика процесса подсказывает, что число подобных проектов должно расти. К тому же типу создания «социальной среды» для транснациональной элиты можно отнести строительство насыпных островов в Дубае, Катаре и других регионах мира, но о них также очень мало информации. Сколько анклавов поселения транснациональной элиты уже построено — можно только предполагать, но факт остается фактом: заявка и запрос на создание транснациональной социальной среды существуют, и фактически это вопрос времени.

Что касается военной сферы ТГ, то здесь институтами выступают военные базы и частные военные корпорации. Базы США и НАТО — это военная машина глобального распространения (их объекты находятся в более чем 100 странах мира). Функционально это — транснациональный военный аппарат подавления. В большинстве исследований, не говоря о СМИ, данные базы квалифицируют как национальные, т.е. «базы США» или их союзников.

Если приглядеться к самому феномену современных США, то обнаруживается, что «национальная» принадлежность — лишь видимость, сущность же сугубо транснациональная. США давно перестали быть — если были когда-либо — традиционным национальным государством, и квалификация их в качестве такового представляет собой теоретическую ошибку. Российские исследователи резонно отмечали: «Такое положение ставит перед нами вопрос: *кто* собственно, господствует в этой системе — США как политическое и экономическое целое или транснациональные корпорации, *использующие* США, как и другие государства, в *своих* интересах? Не перестает ли на наших глазах единственная сверхдержава быть *сверхдержавой* и не превращается ли в сверхрезиденцию транснациональной олигархии и мирового сверхжандарма на ее службе?» [21, С.25]. Эту трактовку можно

слегка расширить и квалифицировать США как резиденцию основного ядра транснационального капитала в целом, что перекликается с подходом А.И. Фурсова, трактующего США как «кластер транснациональных корпораций» [20].

Когда речь идет о военных базах США, которых в мире насчитывается порядка 800 [25], то более адекватным было бы говорить о военной машине ТГ, нежели о формах иностранного военного присутствия национально-государства. Любопытно, что феномен такого рода баз также имеет тенденцию к преодолению открытых форм военного присутствия. США очень стараются сделать данный феномен невидимым для общественного сознания в информационном пространстве. Проиллюстрировать это можно на латиноамериканском опыте, на чем мы остановимся в следующей статье.

Подытоживая, отметим, что в данной статье предпринята попытка интерпретации и анализа феномена, во многом пока скрытого от общественного и научного сознания, прежде всего ввиду закрытости самих транснациональных структур. В настоящее время речь идет о выдвижении гипотез, которые могут быть подтверждены, уточнены или опровергнуты в зависимости от поступления эмпирического материала. Комплексный анализ феномена транснационального государства — дело будущего.

Продолжение следует.

Список литературы

1. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. 3-е изд., исправленное и дополненное. Серия «Размышляя о марксизме», № 119, URSS, издательство ООО «ЛЕНАНД», Москва, 2015. С. 317.
2. Всемирный Банк: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=graph>
3. Добренёв В.И. Рахманов А.Б. Социология глобализации. Учебное пособие для вузов. М. Академический проект, 2014. 663 с.
4. Доклад о мировых инвестициях, UNCTAD, 2012 (издание на русском языке), стр. 7.

5. Кизим А.А., Козырь Н.С. Интернационализация бизнеса: транснациональные корпорации, эволюция подходов. / *Экономика и бизнес*. 2011. № 1 (5).
6. «Коммерсант», 18.05.2012 /<http://www.kommersant.ru/doc/1938522>
7. Пателис Д. О ранних и поздних социалистических революциях в свете Логике Истории. О теоретической и практической актуальности социализма. «*CREDO NEW Теоретический журнал*», № 2. 2011. С. 279.
8. Пятаков А. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018. № 1, т. 62. С. 85—93. DOI: 10.20542/0131—2227—2018—62—1-85—93.
9. Рахманов А.Б. Женщины-миллиардеры в 2018 г.: гендерный анализ бизнес-элит ведущих стран мира. *Вопросы экономики*, 2018. № 8. С. 148—157.
10. Рахманов А.Б. Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ. ЭКО, 2017. № 10 (520). С. 62—84.
11. Рахманов А.Б. Капиталистический класс в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*. № 10. 2017. С. 16—34.
12. Рахманов А.Б. Капиталистический класс современного Китая. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. № 2. Т. 22. 2016. С. 62—83.
13. Рахманов А.Б. Концепция транснационального капиталистического класса в трудах в западной социальной мысли конца XX начала XXI века (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса). *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. № 2. 2015. С. 98—115.
14. Рахманов А.Б. Транснациональный капиталистический класс и образование: к критике концепций постиндустриального общества. *Университет в глобальном мире: новый статус и миссия*. Сборник материалов XI Международной научной конференции. МГУ им.М.В. Ломоносова, Социологический факультет, 2017. С. 221—222.
15. Сегал А.П., Кошель В.А. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания «*Международный академический вестник*» Междисциплинарный научный журнал. № 4 (10), 2015. С. 15—23.
16. Сегал А.П. Будущее и прошлое в зеркале здравого смысла. *Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС»*. № 1 (13), 2018.
17. Сегал А.П. Проблемное поле исследования обыденного сознания. *Современные проблемы науки и образования*. № 6. 2013.
18. Сегал А.П. Проблемное поле обыденных и научных представлений о Золотом веке как протект «викизации знания». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*. № 2. 2016. С. 36—49.
19. Титов А.Н. Тенденции формирования транснациональных корпораций. *Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова*. 2011. № 4.
20. Фурсов А.И. Глобальный социально-экономический кризис, его причины, параметры, особенности протекания и вероятные сценарии дальнейшего развития. *Focus* № 1, 2017, <http://dynamic-of-civilizations.ru/zhurnal-focus-1/75-andrej-fursov-tezisy-vystupleniya.html>
21. Харламенко Е.Н., Харламенко А.В. «Многополюсный мир» или империалистическая глобализации. *Марксизм и современность*. № 3—4 (20—21), 2001.
22. América Latina en Movimiento, Ecuador, № 485, Mayo 2013 Источник в интернете: <http://alainet.org/publica/485.phtml>
23. Gauto M. CEOcracia: mitos y verdades // Portal Perfil.com, 2017, <http://www.perfil.com/noticias/columnistas/ceocracia-mitos-y-verdades.phtml>
24. Las «ciudades modelo» de Honduras, entre Hong Kong y Eurovegas. 22.09.2012. RTVE. // <http://www.rtve.es/noticias/20120922/honduras-podriaser-primerpaisdel-mundo-crear-ciudades-privadas/564056.shtml>
25. Por qué EE.UU. tiene unas 800 bases militares por todo el mundo?, 31.05.2015. Russia Today // <https://actualidad.rt.com/actualidad/176300-bases-eeuu-mundo-causas>
26. World Investment Report. 2012. UNCTAD // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2012_embargoed_en.pdf
27. World Investment Report. 2018. UNCTAD // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf

¹ Тот факт, что переживаемая нами эпоха типологически относится к монополистическому (причем уже транснациональному) капитализму, для одних является аксиомой и чем-то само собой разумеющимся, для других – терминологическим рудиментом «устаревшего» марксизма. Объем и тематические рамки статьи не позволяют специально доказывать правомерность такой квалификации эпохи. Тем не менее некоторые факты и соображения в пользу нее читатель найдет в последующем изложении.

Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства

Lada Yaroslavovna Smirnova,
Deputy Head of Socioeconomic Sciences
and Humanities Department of Moscow Regional Branch
of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Cand. Sc. (Economics)
E-mail: smirnov_0303@mail.ru

Лада Ярославовна Смирнова,
кандидат экономических наук, заместитель
начальника кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин Московского областного
филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: smirnov_0303@mail.ru

Для цитирования. Л.Я. Смирнова. Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 135—137.

Annotation. The development of the power and stability of the Russian Federation is impossible without ensuring national security, which includes economic security. The main role in ensuring which belongs to the internal Affairs bodies, namely the Department of economic security and anti-corruption. The study presents the activities of the internal Affairs bodies in ensuring economic security and identified the main tasks in the fight against economic crime.

Key words: bodies of internal Affairs, economic security, management of economic security and anti-corruption, combating economic crime

Аннотация. Развитие мощи и стабильности Российской Федерации невозможно без обеспечения национальной безопасности, в которую входит экономическая безопасность. Основная роль в обеспечении которой принадлежит органам внутренних дел, а именно управлению экономической безопасности и противодействия коррупции. В исследовании представлена деятельность органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности и выявлены основные задачи в борьбе с экономической преступностью.

Ключевые слова: органы внутренних дел, экономическая безопасность, управление экономической безопасности и противодействия коррупции, противодействие экономической преступности

В настоящее время большое внимание уделяется экономической безопасности государства. Так как экономическая безопасность государства является неотъемлемой частью национальной безопасности и представляют собой такое состояние защищенности государства от экономически негативных факторов (угроз, рисков, опасностей) которое направлено на поддержание суверенитета и процветание государства.

Экономическая безопасность это состояние составляющих экономической системы, которое обеспечено соответствующим комплексом защиты и отсутствием либо сведением к минимуму текущих и перспективных угроз экономическим интересам ее участников.

В России сложились экономические и правовые институты, направленные на противодействие преступлениям, совершаемым в экономической сфере и экономической преступности в целом, особое место среди которых принадлежит органам внутренних дел.

Деятельность по обеспечению экономической безопасности возлагается на различные силовые структуры и ведомства, в том числе и полицию.

На протяжении многих столетий, силовые структуры, а именно правоохранительные органы в лице полиции, играли огромную роль в регулировании правоотношений в обществе и государстве в целом. Как следствие, на сегодняшний день, полиция включена в состав

Министерства внутренних дел Российской Федерации. Данный орган исполнительной власти имеет свой аппарат и именно в его структуре находится Управление по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (далее УЭБиПК). Подразделения ЭБиПК в своей деятельности стремятся к определенным целям, достижение которых является неоспоримым показателем эффективности их деятельности, а также необходимости существования данной структуры. Для достижения поставленных целей, подразделения ЭБиПК реализуют следующие задачи:

- помощь в избрании основных направлений государственной политики в части, касающейся деятельности Главного управления;
- совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность Главного управления;
- определение наиболее значимых направлений деятельности Главного управления;
- обеспечение мер по реализации государственной политики по вопросам деятельности Главного управления;
- регулирование деятельности территориальных органов МВД России и подразделений центрального аппарата МВД России по вопросам деятельности Главного управления.
- организация ведомственного и межведомственного взаимодействия по вопросам деятельности Главного управления;
- организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений экономической безопасности [2].
- Основными направлениями деятельности указанного структурного подразделения являются обеспечение и осуществление в пределах своей компетенции:
- функций Министерства по разработке и реализации государственной политики, а также нормативно-правовому регулированию;
- правоприменительных полномочий в области обеспечения экономической безопасности государства;
- противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности.

Ключевые направления деятельности УЭБиПК обеспечиваются реализацией множества различных функций и наличием ряда полномочий.

Таким образом, к основным полномочиям и функциям УЭБиПК относятся:

- обеспечение нормального уровня экономической безопасности и борьба с преступлениями в экономической сфере и с коррупционной деятельностью;
- осуществление комплекса действий, направленных на борьбу с легализацией (отмыванием) доходов, которые были получены преступным путем;
- документирование преступлений экономической и коррупционной направленности [2].

Кроме того, при анализе научной литературы, было установлено, что аналитическая работа в сфере мониторинга оперативной информации; разработка перспективных направлений деятельности МВД Российской Федерации; организация и сопровождение коррупционной экспертизы федеральных законов и подзаконных нормативных актов государства; организация расследования, пресечения и раскрытия преступлений, совершенных в экономической сфере; борьба с организованной преступностью в сфере экономики так же входит в круг функций, осуществляемых данным подразделением.

Так как подразделения ЭБиПК являются составной частью современной полиции, которая, в свою очередь, имеет право в соответствии с действующим законодательством на осуществление оперативно-розыскной деятельности, то и структура УЭБиПК имеет право осуществлять мероприятия с целью выявления и фактического пресечения преступлений. Оперативно-розыскная деятельность играет значимую роль в деятельности УЭБиПК на сегодняшний день.

Нельзя не обратить внимания на то, что нормативное регулирование деятельности подразделений ЭБиПК играет большую роль в организации работы данной структурной отрасли полиции. В целом, деятельность УЭБиПК регулируется различными нормативными правовыми актами, такими как Конституцией Российской Федерации, Постановлениями Правительства и Указами Президента. Согласно Федерального закона «Об оперативно-розыскной

деятельности» от 12.08.1995 года «...подразделение ЭБ и ПК наделяется правом проведения оперативно-розыскных мероприятий...» [1].

В соответствии с данным Федеральным законом, работники УЭБиПК имеют право.

1. Проводить гласно и негласно определенные оперативно-розыскные мероприятия, производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

2. Устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;

3. Использовать в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по договору или устному соглашению служебные помещения, имущество, а также жилые и нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество частных лиц;

4. Использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе;

5. Создавать в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения задач, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Анализируя судебную практику, а также статистические данные, можно сделать вывод

о том, что на сегодняшний день подразделения ЭБиПК осуществляют свою деятельность в различных сферах жизнедеятельности общества, что говорит о необходимости наличия не только тщательной подготовки сотрудников данной службы, профессиональных навыков, определенных способностей, знаний и умений, но и большого запаса разносторонних знаний, большого опыта и терпения, чтобы восстановить цельную картину совершенного преступления.

Таким образом, исходя из сложившейся на сегодняшний день ситуации, касающейся состояния экономической безопасности и деятельности по противодействию коррупции, можно выявить тенденции развития как методов борьбы с данным явлением, так и способов совершения преступлений в данной сфере, что требует постоянного усовершенствования технологий, позволяющих наиболее быстро и качественно разрешать конфликтные ситуации. А соответственно, в первую очередь, уровень организации деятельности подразделений экономической безопасности и противодействию коррупции должен соответствовать современному этапу развития общества и государства в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ.
2. Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoj_bezop.
3. *Иванов П.И.* Некоторые проблемы методического обеспечения деятельности подразделений ЭБиПК в свете требований оперативно-розыскной науки // *Оперативник (сыщик)*. М., 2014. № 3 (40).
4. *Киселев Н.Н.* Организация подразделений ЭБиПК // *Актуальные проблемы права и государства в 21 веке*. М., 2017. № 3.

The Social Paradigm of Architectural Creativity: Phenomenological Analysis

Социальная парадигма архитектурного творчества: феноменологический анализ

Lyudmila Vasilevna Molodkina,
PhD, assistant professor of social and legal sciences
and humanities, Dean of the Faculty of the Second
High Education The State University of Land Use
Planning and Management, Moscow
E-mail: Lmolodkina@hotmail.com

Людмила Васильевна Молодкина,
Кандидат философских наук, доцент кафедры
социально-правовых и гуманитарных наук,
декан факультета второго высшего образования
Государственный университет
по землеустройству, Москва
E-mail: Lmolodkina@hotmail.com

Для цитирования. Л.В. Молодкина. Социальная парадигма архитектурного творчества: феноменологический анализ. Социально-гуманитарное обозрение. 2019/1. С. 138—137.

Annotation. The author made an attempt to make a phenomenological analysis of the social semantic values of architecture in its creative development. The high heuristic of phenomenological approach for the analysis of creative processes in architecture is shown.

Key words: phenomenology, architectural creativity, architectural text, sociality of architecture, architectural plot, construction of cultural meanings, «life world», intentional subject, intersubjectivity, dialogue. To a question about the phenomenology of creativity in architecture

Аннотация. В статье осуществлена попытка феноменологического анализа социальных смысловых значений архитектуры в ее творческом развитии. Показана высокая эвристичность феноменологического подхода для анализа творческих процессов в архитектуре.

Ключевые слова: феноменология, архитектурное творчество, архитектурный текст, социальность архитектуры, архитектурный сюжет, конструирование культурных смыслов, «жизненный мир», интенциональный предмет, интeрcубъeктивнocть, диалогичность

«Здания говорят через молчание
воспринятого феномена».

Стивен Холл

«Вопросы восприятия: феноменология архитектуры». Архитектура как утилитарно-эстетическая объективность, являющаяся основным рукотворным компонентом в социально-культурном пространстве, обретает особый семиотический статус благодаря уникальному архитектурному языку форм и конструкций. В процессе исторического генезиса архитектурное творчество, вбирая в себя многочисленные слои индивидуально-персонального авторского опыта и постоянно испытывая влияние животрепещущих социальных метаморфоз, порождает сложную символическую текстуальность архитектуры.

Архитектурный текст, создаваемый творческим потенциалом зодчего, требует своего адекватного как социально-прагматического,

так и эстетического прочтения. «Архитектура же есть искусство творческое, поскольку она основана на открытии (в результате творческих исканий) и реализации (материализации) новых «форм» — так называемых внешних видов — и новых качественных сочетаний...; она является выражением степени овладения ...материей, подчинения ее ...практически-жизненным потребностям и вместе с тем придает ей такие формы, которые наиболее полно соответствуют духовной жизни человека, удовлетворяя его потребности в прекрасном и эстетическом очаровании» [1, с. 247]. Значит, архитектурная действительность всегда в той или иной мере субъективно и социально окрашена; она есть переживание как на уровне индивидуума, так и социума.

Архитектурное произведение репрезентируется как «событие» или «цепочка событий», запечатленных в молчаливом облике соору-

жения. По сути, любая стилистическая или жанровая интерпретация архитектурного объекта сюжетно очерчена и, следовательно, наделена конкретным объемом значения и смысла, который зачастую необходимо мысленно вскрыть, уяснить и понять.

Симбиоз смысловых потоков, порождаемых в сознании воздействием архитектурных форм и объемов, их существенное влияние на человека, его жизнедеятельность и творческий потенциал, — в совокупности представляют собой сложную философско-методологическую проблему, претендующую в своем разрешении на наличие серьезного инновационного аналитического подхода. Научный поиск надлежащего философского инструментария, позволяющего аналитически проследить развертывание в историческом разрезе процессуального порождения объективно-субъективных инноваций в архитектуре привел к феноменологическому анализу творческого процесса и его продуктивного результата — законченного архитектурного произведения.

Однако, следует заметить, что архитектурное конструирование социально выраженной окружающей среды, ее постоянное творческое обновление средствами зодчества исторически обрело свою специфику и своеобразие. Не секрет, что инерционность строительно-технологического процесса рождения плодов архитектурной деятельности объясняется высокими материально-финансовыми затратами и в связи с этим чрезвычайной «вытянутостью» во времени, что, несомненно, отличает архитектуру от более «подвижных» видов искусств, не столь зависящих от вложенного физического труда и капитала. Тем не менее, единство культуры предусматривает органическое содружество зодчества с литературой, живописью, музыкой и др., где творческие инновации быстрее внедряются и, соответственно, становятся более заметно выраженными.

Подчеркнем, что эволюционный характер природы творчества в зодчестве объясняется количественно накопительными параметрами и определяется симбиозом «компонентов архитектурной деятельности»: умения, мастерства, знания, профессии, осмысления и собственно творчества [2, с. 5-11]. Однако не всякая новизна в архитектуре может быть признана творчеством; лишь то новое есть творчество, которое достигает ранга «ценного нововведения», закрепленного в культуре, и «включается

в ее «генетический фонд» [2, с. 6]. Об этом свидетельствуют незабываемые и всегда восхитительные образы исторической архитектуры, а также удивительные, поражающие воображение своей конструктивно-инженерной пластичностью и неподражаемой скульптурностью модели современного зодчества, которые на равных творческих правах вписываются в единую архитектурно-пространственную ткань окружающей среды, взаимодействуя и взаимодополняя друг друга.

Великие архитектурные образцы прошлых эпох, бережно охраняемые, словно правильно подобранные пазлы включаются в современное «каменное кружево», образуя многомерное социально-культурное, средовое бытие человека, наполняемое различными смыслами и значениями, — от утилитарно-прикладного и художественно-эстетического до мемориально-личностного и духовно-сакрального. Творческое конструирование культурных смыслов в архитектурной композиции — это способность объективации идей, озарений, перевод одного вида психической энергии в другой с материальным конечным результатом.

Многоэтапность архитектурного творчества как одного из важнейших видов социально-культурной деятельности порождает его смысловую многослойность, артикулируемую с помощью таких категорий феноменологической философии как интенциональность, интересубъективность, «жизненный мир» и других. Апеллируя к гениальным идеям великого основоположника феноменологии Эдмунда Гуссерля, известный российский философ-феноменолог Н.М. Смирнова убеждена, что установка феноменологии является «...исключительно методологическим принципом решения наиболее фундаментальных, «претендующих на высшее философское достоинство» теоретико-познавательных проблем» [3, с. 65]. Несомненно, что на этом поприще архитектура выглядит весьма достойно как одна из самых фундаментальных сфер социальности и поистине заслуживает высочайшей научной философской интерпретации.

Именно социальность есть тип интересубъективности высшего порядка как своего рода диалога в социуме между Я-индивидуумом и Другим. Процессуальность феноменологического конституирования смыслов Другого представлена Э. Гуссерлем как путь, по которому сознание проходит от исходного внутреннего Эго (Я) к последующему Альтер Эго,

то есть Другому. Широчайшими смысловыми горизонтами и важнейшими идеальными коррелятами интересубъективного опыта в континууме Другого являются природа и культура, в безграничном пространстве которых значительно высвечивается роль философской теории интересубъективности в обосновании феноменологического генерирования смыслов в социальной предметности. «В рамках феноменологической теории Другого социальный мир предстает не как отчужденная от человека реальность, но обретает культурно-антропологическое измерение как смысловой горизонт человеческой жизни» [4, с. 187].

Насыщенный эвристический потенциал и расширяющиеся когнитивные рубежи концепта интересубъективности восходят к парадигме рационального постижения такого «социального» вида творчества, как архитектура. Это, несомненно, связано со всеобщностью и целостностью экологического внимания к естественной и искусственной природно-ландшафтной среде, с уникальностью теоретических постулатов энвайронментальной эстетики восприятия окружающего ландшафта, а также с повышенным интересом к рефлексии углубленных и усложненных философских представлений об архитектуре в качестве социального феномена высокого ранга. В подобном контексте категория интересубъективности может рассматриваться как концепт современной архитектурно-ландшафтной среды, в которую органически тонко вписываются объекты исторического зодчества и окружающей природы.

Феноменологический анализ концепта интересубъективности применительно к массиву архитектурного творческого опыта позволяет существенно раздвинуть исследовательский горизонт и феноменологии как таковой, и философии исторического развития архитектуры, в частности. Спектр разнообразных архитектурно-теоретических текстов, корпус художественно-эстетических теорий архитектурно-природного ландшафта и, конечно, само наличествующее материальное архитектурное бытие включаются в сферу такого анализа.

Не будет преувеличением отметить, что архитектурное творчество в его историческом и современном генезисе представляет особый тип коммуникации, в которой доминируют диалогизирующая и интерпретирующая составляющие. Под этим углом зрения позволим себе констатировать архитектуру в качестве многогранного контекста с разнообрази-

ем смысловых коннотаций, привязанных как к первоначальному проектно-авторскому замыслу-действию в его исторической динамике в лице эмпирических индивидов — заказчика или автора (Я, Эго), так и к мнению интерпретатора-реципиента (Другой, Альтер Эго). Обозначим автора архитектурного проекта как реального интерпретатора и исполнителя-конструкта, творческие действия которого направлены на удовлетворение социально-утилитарных, духовно-эстетических и пр. запросов. Именно он придает своему архитектурному «детищу» исходную значимую нагрузку, объем которой в последующие времена будет семантически возрастать за счет накопления в сознании «потенциальных» интерпретаторов-реципиентов различных смыслов социальной, художественно-эстетической, мемориальной и прочей событийности.

Эволюционистское развитие творческой процессуальности в архитектуре генерирует диалогичность интенциональных смыслов, лежащих в основе интересубъективности архитектурного творчества, и предполагает более широкий диапазон отношений полисемического характера между авторским «Я» и зрительским «Я» — «Другим», «потенциальным интерпретатором» — в их прошлом и в настоящем. «А это значит, что весь значимосмысловой массив интенционального предмета, называемого «местом», отсылает наше Я к Другому как своего рода соучастнику в определении смыслов «места» в качестве идеальной предметности. Таким образом, «локусное» архитектурное пространство есть интересубъективное сообщество, в котором соконституирована независимость Другого и независимое существование общего для нас интересубъективного мира. Бытие «места» — это бытие-для-нас, смысл которого появился вместе с появлением Другого» [5, с.372]. Иначе говоря, это социальный континуум, в котором разворачивается смысловой диалог между Я (Эго) и Другим (Альтер-Эго).

Специфика архитектурного творчества состоит в том, что оно всегда вытянуто в историческом времени и социально обусловленном пространстве как процесс и, по сути, носит бесконечный характер. Создаваемый архитектурный объект, будь это современное строение или памятник исторической архитектуры, темпорально обусловлен. Его смысловая насыщенность изменяется во временном ряду как «наслоения времен». Тем более следует учесть, что

в архитектуре не редкость, когда автором одной и той же постройки является не один человек, а несколько. Архитектурное полиавторство зачастую замещает в силу определенных исторических, личностных и пр. обстоятельств архитектурное моноавторство. Реальными интерпретаторами в качестве эмпирических субъектов являются несколько авторов и последующие поколения реципиентов (потенциальных интерпретаторов, «Других»), которые конституируют разноликие архитектурные смыслы, определяемые временем, историко-политическими и другими событиями, религиозно-конфессиональными ориентациями, художественно-эстетическими вкусами, морально-нравственными устоями социума. Интеграция подобных смысловых «нитей» интенционально структурирует своего рода архитектурный «нарратив», «сюжет из камня», архитектурное «повествование» со своеобразным изложением взаимосвязанных смыслов-событий, представляемых интерпретатору в виде образной последовательности объемов и форм. Наглядным примером тому может послужить Искупительный Храм Святого Семейства (Sagrada Familia) в Барселоне как один из самых известных долгостроев в мире (с 1882 г. по настоящее время), возводящийся исключительно за счет пожертвований прихожан. Полиавторство и связанное с ним наслоение разноликих смысловых слоев этого архитектурного шедевра-гиганта налицо. Первоначальный смысловой ресурс еще в свое время потенциального строения был связан с инициативой, которую проявил барселонский книготорговец Жузеп Мария Бокабелья-и-Бердагер, создавший Духовное общество почитателей святого Иосифа после того, как на него снизошло откровение во время молитвы на горе Монсеррат перед образом Святого семейства. Возведение храма Саграда Фамилия должно было помочь делу искупления грехов человечества. Задуманное и спроектированное первоначально Франсискодель Вильяр строение получает свое пафосное, «шедевральное» развитие в архитектурно-проектном мышлении гениального Антонио Гауди, который не только воплотил свои божественные, космологические идеи в архитектурную реальность, но и наделил ее невероятно насыщенными интенциональными смыслами. В создаваемых Гауди Фасадах Рождества, Страстей, Славы прочитывается на архитектурном языке библейский текст в определенно выстроенном сюжете. После смерти Гауди авторские работы принял на себя его бли-

жайший соратник Доменек Сугранес, который мастерски продолжил реализацию творческого «шлейфа» архитектурных задумок великого зодчего. Интенциональная предметность Саграда Фамилия, рассматриваемая в качестве «места», настолько многолика в смысловом наполнении, что индивидуально-персональное конституирование значений и смыслов в сознании современного интерпретатора-автора и интерпретатора зрителя-туриста происходит бесконечно, порождая интерсубъективную (социальную) смысловую взаимоперекличку сознаний трансцендентальных субъектов — «Я» и «Другой». В феноменологической интерпретации данного архитектурного предмета как «места» явно высвечиваются «...две основные группы смыслов и значений. На первый план в феноменологической типологии «места» выдвигается индивидуально-персонализированная «коллекция» смыслов, что, несомненно, связано с первичностью субъективного Эго... Вторая смысловая группа непосредственно связана с первой согласно феноменологической диаде «Я» и «Другой» и обозначает «фабрику значений» «места» в сфере социальной повседневности» [5, с. 372-373].

Исходя из наших кратких философских суждений, подчеркнем, что феноменологический подход к интерпретации архитектуры (и современной, и исторической) как базовой социальной предметности позволяет проследить движение и разнообразие «смыслов» в архитектурном образе, а также дополнительное семантическое насыщение архитектурной сюжетики.

Список литературы

1. *Ингарден Р.* О произведении архитектуры. // Исследования по эстетике. М.: Издательство Иностранной Литературы, 1962. 572 с.
2. *Глазычев В.Л.* Эволюция творчества в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986. 496 с.
3. *Смирнова Н.М.* Когнитивный анализ феноменологической концепции интерсубъективности // Интерсубъективность в науке и философии. М.: Канон+, 2014. 416 с.
4. *Смирнова Н.М.* «Трансцендентальная интерсубъективность и проблема «чужих сознаний» // Интерсубъективность в науке и философии. М.: Канон+, 2014. 416 с.
5. *Молодкина Л.В.* «К вопросу о феноменологии творчества в архитектуре» // Философия творчества. Творчество и жизненный мир человека. Ежегодник. Выпуск 3. М.: ИИНТЕЛЛ, 2017. 381.

Издательство «ЮНИТИ-ДАНА»

(основано в 1990 г.)

Предлагает полный (или частичный) комплекс услуг

- **по допечатной, издательской подготовке** (редактура, верстка, корректура, художественное оформление и дизайн):
 - учебной литературы
 - монографий и научных изданий
 - беллетристической литературы
- по высококачественному полиграфическому исполнению изданий.

Уже несколько поколений студентов занимаются по учебникам «ЮНИТИ-ДАНА».

Преподавателям и студентам хорошо известны наши серии «Золотой фонд российских учебников», «Gogito ergo sum» и «Зарубежный учебник».

Марка «ЮНИТИ-ДАНА» известна не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Некоторые книги ЮНИТИ переведены на китайский, польский и немецкий языки.

Издательство регулярно включается в рейтинги ведущих издателей учебной и научной литературы.

Издательство — неоднократный победитель российских и международных книжных конкурсов, обладатель дипломов и благодарственных адресов.

Высококачественное полиграфическое исполнение изданий «ЮНИТИ-ДАНА» обеспечивает наш постоянный партнер: *ООО Красногорский полиграфический комбинат*.

123298 Москва, ул. Инины Левченко, 1
Тел.: 8-499-740-60-15. Тел./факс: 8-499-740-60-14
unity@unity-dana.ru
www.unity-dana.ru